П. НЕСТОРОВСКИЙ

БЕССАРАБСК.
РУСИНЫ

П. А. Несторовскій.

БЕССАРАБСКІЕ РУСИНЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ присуждена серебряная медаль.

ВАРШАВА
Типографія „САТУРНЪ" Маршалковская 91.
1905.

БЕССАРАБСКІЕ РУСИНЫ.

2007041749

П. А. Несторовскій.

БЕССАРАБСКІЕ РУСИНЫ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ присуждена серебряная медаль.

ВАРШАВА
Типографія „САТУРНЪ" Маршалковская 91.

1905.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 21 Сентября 1904 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Главнымъ предметомъ предлагаемаго очерка будетъ описаніе внѣшняго и внутренняго быта бессарабскихъ русиновъ. Подъ русинами принято вообще понимать малорусское населеніе Галиціи и Буковины или потомковъ тѣхъ древнихъ славянъ, которые въ исторіи извѣстны подъ именемъ Червонной Руси или Червоноруссовъ. Потомки этихъ Червоноруссовъ уцѣлѣли и въ Бессарабіи, а именно въ Хотинскомъ уѣздѣ. Изрѣдка, отдѣльными поселеніями, встрѣчаются они еще и въ другихъ уѣздахъ, преимущественно сосѣднихъ съ Хотинскимъ — Сорокскомъ и Бѣлецкомъ; но съ значительною частью этихъ послѣднихъ русиновъ (по большей части выходцами изъ Хотинскаго уѣзда) произошло то же, что, какъ это ни печально, произошло съ нѣкоторыми изъ русиновъ и въ Хотинскомъ уѣздѣ, гдѣ румынская народность совсѣмъ не представляетъ подавляющаго числа, т. е. румынизація ихъ. Румыны напираютъ на русиновъ со стороны Прута и, благодаря своей сравнительно большей устойчивости и упругости, хотя и медленно, но все же румынизируютъ малорусское населеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ процессъ поглощенія румынами

славяно-русскаго населенія, начавшійся давно, еще въ XVI в., если не ранѣе, уже завершился, и тамъ, гдѣ когда-то раздавалась живая малорусская рѣчь, теперь слышится лишь молдавскій говоръ. Только кое-какіе обычаи, изрѣдка пѣсни, сказки и тому подобныя народныя произведенія, да языкъ земли—этотъ живой свидѣтель минувшаго — говорятъ о прежнемъ старинномъ населеніи (таково, напр., теперь село Коленкоуцы въ такъ называемой бессарабской Буковинѣ). Въ другихъ мѣстахъ этотъ процессъ продолжаетъ еще идти на нашихъ глазахъ (напр., въ сосѣднемъ съ Коленкоуцами с. Грозинцахъ).

Давно отрѣзанные отъ своихъ сородичей — закордонныхъ русиновъ—бессарабскіе русины за протекшее время своей обособленной жизни успѣли превратиться въ самостоятельную этнографическую единицу съ довольно явственно обозначенною индивидуальностью. Въ настоящее время они уже не русины Буковины и Галиціи и не малороссы юго-западныхъ губерній Россіи, а племя почти самостоятельное, понимая, конечно, это послѣднее относительно.

Къ описанію внѣшняго и внутренняго быта бессарабскихъ русиновъ мы присоединили еще небольшой очеркъ занятой ими территоріи въ связи съ общими (весьма скудными) историческими свѣдѣніями о ней. Послѣднія даны главнымъ образомъ на основаніи труда Батюшкова „Бессарабія“.

Къ составленію историко-этнографическаго очерка о бессарабскихъ русинахъ насъ побудило отсутствіе въ русской этнографической литературѣ спеціальнаго изслѣдованія о нихъ. О хотинскихъ русинахъ, хотя и не особенно много, писали. Но всѣ работы касательно ихъ быта сдѣланы или какъ бы мимоходомъ, попут-

но или эти работы затрогиваютъ лишь нѣкоторыя его стороны. Затѣмъ значительная доля изъ того, что о русинахъ доселѣ написано, успѣла устарѣть. Впервые, если не ошибаемся, познакомилъ русское общество съ бессарабскими русинами еще въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія Аѳанасьевъ-Чужбинскій въ своихъ „Очеркахъ Днѣстра". Но въ „Очеркахъ Днѣстра" русинамъ отведено изъ одиннадцати главъ всего пять, и вдобавокъ въ нихъ русинскій бытъ рисуется самыми общими чертами. Съ другой стороны, не мало изъ того, что сообщено Аѳанасьевымъ - Чужбинскимъ о русинскомъ или, какъ оно еще иначе называется, руснацкомъ населеніи Хотинскаго уѣзда въ настоящее время измѣнилось и требуетъ новаго освѣщенія. О хотинскихъ русинахъ встрѣчаются, помимо отмѣченнаго труда, существенныя замѣчанія въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи" Чубинскаго. Правда, какъ и въ „Очеркахъ Днѣстра", о нихъ у Чубинскаго говорится попутно, что объясняется самымъ характеромъ „Трудовъ", въ которыхъ особенности руснацкаго быта отмѣчаются только кое-гдѣ и именно такія, которыя заслуживали, съ точки зрѣнія составителя, упоминанія при сопоставленіи ихъ съ особенностями быта другихъ малороссовъ югозападныхъ губерній. Значительный матеріалъ по нѣкоторымъ вопросамъ русинскаго быта даютъ: „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Хотинскому уѣзду" и „Хотинское земство. Отчеты, доклады Хотинской уѣздной земской управы" за послѣдніе годы. Собственно характеристикѣ русиновъ (по отдѣльнымъ поселеніямъ) посвящены лишь статьи, печатавшіяся въ „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" въ различное время, статьи интересныя тѣмъ сырымъ матеріаломъ, какой онѣ даютъ.

Обращаясь, по мѣрѣ надобности, ко всѣмъ упомянутымъ пособіямъ, мы все же въ основаніе настоящаго очерка положили собственныя наблюденія надъ русинскимъ племенемъ.

Принося искреннюю благодарность А. А. Кочубинскому и и. о. предсѣдателя Хотинской уѣздной земской управы Г. П. Тимченко, оказавшимъ намъ свое содѣйствіе присылкою нѣкоторыхъ пособій и источниковъ, въ заключеніе считаемъ нелишнимъ упомянуть слѣдующее. Издаваемый трудъ, правда въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, былъ готовъ къ выходу въ свѣтъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и предназначался сначала къ помѣщенію въ „Живой Старинѣ", для каковой цѣли онъ и былъ принятъ редакціей этого этнографическаго журнала. Нѣкоторыя обстоятельства однако побудили насъ выпустить „Бессарабскихъ русиновъ" отдѣльнымъ изданіемъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Принадлежность бессарабскихъ русиновъ къ малорусскому племени.— Этнографическая связь ихъ съ зарубежными русинами.

Въ нашемъ обширномъ отечествѣ, въ составъ котораго входятъ самыя разношерстныя народности, на одной изъ его западныхъ окраинъ живетъ мало замѣтная и, вѣроятно, мало кому извѣстная племенная горсть людей, людей какъ бы затерянныхъ и исчезающихъ въ общей массѣ сосѣдняго русскаго и молдавскаго элемента. Между тѣмъ эта небольшая этнографическая единица принадлежитъ къ великому славянскому племени—русскому и составляетъ отрасль одного изъ его трехъ племенъ—малорусскаго. Народность эту составляютъ такъ называемые русины или руснаки, занимающіе весь сѣверо-востокъ и отчасти сѣверо-западъ бессарабскаго Поднѣстровья. Всякій, побывавшій въ сосѣдней Подоліи и смежныхъ съ нею юго-западныхъ губерніяхъ, ступивъ на бессарабскій берегъ Днѣстра въ его сѣверо-восточной части, сразу-же подмѣтитъ перемѣну въ составѣ населенія. Внѣшность попадающихся ему навстрѣчу людей, типъ ихъ, одежда и т. п. можетъ показаться ему совершенно незнакомой и, пожалуй, никогда невиданной. Съ любопытствомъ онъ будетъ озираться кругомъ и прислушиваться, полагая услышать и рѣчь ему вполнѣ чуждую и незнакомую, навѣрное молдавскую, такъ мы всѣ привыкли съ бессарабской окраиной соединять

элементъ исключительно румынской народности. Вдобавокъ и въ сосѣдней Подоліи нашего предполагаемаго туриста предупредятъ, что въ Бессарабіи, по переправѣ черезъ Днѣстръ, онъ попадетъ непремѣнно къ молдаванамъ [1]).

Между тѣмъ ухо путника начинаетъ постепенно улавливать знакомые звуки малорусской рѣчи. И если эта рѣчь ему родная или по крайней мѣрѣ хорошо знакома, то онъ скоро почувствуетъ себя опять на своей родинѣ, среди своихъ-же собратій славянъ-малороссовъ. Всматриваясь къ тому же внимательнѣе въ попадающихся ему навстрѣчу людей, онъ и во внѣшнемъ ихъ обликѣ, приближающемся къ молдавскому, найдетъ не мало родственнаго съ заднѣстровскими подольскими жителями: та же медлительность въ движеніяхъ, та же меланхоличность въ наружности, то же добродушіе— все это вѣдь типичныя черты нашего южнорусса!

Такимъ образомъ населеніе сѣверной заднѣстровско-бессарабской полосы тоже малорусское. Сохранило оно свой родной языкъ съ очень небольшими и малозамѣтными уклоненіями, свою православную вѣру, свои рассовыя особенности и черты. Только внѣшній видъ, одежду и проч. оно измѣнило подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ и разныхъ историческихъ условій. Послѣднее понятно. Переходя послѣдовательно изъ рукъ въ руки, то живя совмѣстно съ русскими, то будучи

---

[1]) Въ Подольской губ. простонародіе (иногда и интеллигенція) не дѣлаетъ различія между природнымъ молдаваниномъ и русиномъ Бессарабіи, подобно тому какъ въ Бессарабіи всякаго подолянина безразлично называютъ „ляхомъ". Интересно сопоставить то же самое явленіе, наблюдаемое у зарубежныхъ русиновъ. Гр. Купчанко въ своей книгѣ „Наша родина" говоритъ слѣдующее: „Своихъ русскихъ братій въ сосѣдномъ краю Буковинѣ Покутяне, а также други русски Галичане называютъ „Волохами", а саму Буковину—„Волощиною", Русски Буковинцы-же называютъ Покутянъ и другихъ русскихъ Галичанъ „Лядскими людьми" або „ляхами" и саму Галичину—„Лядскимъ краемъ" або „Лядчиною" (стр. 138).

выброшены изъ русла русской жизни на довольно продолжительные періоды времени, русины, вынужденные силою обстоятельствъ, поддавались чуждому вліянію, но, правда, больше внѣшнимъ образомъ.

По этнографическому родству бессарабскихъ русиновъ необходимо причислять и относить не столько къ нашимъ малороссамъ, сколько къ зарубежнымъ, т. е. австрійскимъ. У нихъ больше родства съ тѣмъ малорусскимъ населеніемъ, которое занимаетъ австрійскія провинціи—Буковину и Галицію, чѣмъ съ тѣмъ, которое тянется въ Россіи къ востоку отъ Днѣстра. Родство бессарабскихъ русиновъ съ населеніемъ нашихъ малорусскихъ губерній сказывается въ вѣрѣ, языкѣ и во внутреннемъ духовномъ укладѣ. Дальше оно не идетъ. Между тѣмъ съ населеніемъ Галиціи и особенно Буковины руснацкое племя родственно еще и по внѣшнему облику, одеждѣ и проч. Отсюда понятнымъ становится общее, принятое давно въ литературѣ, названіе того и другого „русины“ [1]). При этомъ больше у бессарабскихъ русиновъ замѣтно родства съ тѣми русскими Буковины, которые слывутъ подъ именемъ „Подолянъ“ [2]).

---

[1]) Сами себя бессарабскіе русины обыкновенно называютъ „руснаками“, „русскими“.—А. А. Кочубинскій по поводу этого родства руснаковъ съ зарубежными русинами говоритъ слѣдующее: „Въ сосѣдней Австріи — въ Буковинѣ и ближайшихъ частяхъ Галиціи — одно населеніе съ нашими райками (т. е. русинами Хотинскаго уѣзда—примѣч. автора): тотъ же языкъ („шось ся небо забумбурило, видай моква (дождь) буде“, „Фитьтя на рідке, помогай матеры“), говорятъ сейчасъ въ райѣ (т. е. Хотинскомъ уѣздѣ—примѣч. автора), та же одежда (длинная бѣлая рубаха съ широкимъ кожанымъ чересомъ-поясомъ, узкіе штаны подъ рубаху), та же житейская мода (не стричь волосъ на головѣ, но не въ косичку, они прямо падаютъ на плечи, но не кудри. лице брить, оставляя усы)“. „Тура (Тирасъ)— Бѣлгородъ-Аккерманъ и его новая лапидарная надпись отъ 1454 года“ стр. 38.

[2]) Русское населеніе австрійской Буковины дѣлятъ на три вида: а) Подолянъ, Полянъ или Поляницъ, б) Гуцуловъ, Горцевъ или Горянъ, и в) Филипповановъ, Пилипповановъ или Липованъ.

Въ извѣстной части Хотинскаго уѣзда, носящей названіе „Бессарабской Буковины“ и соприкасающейся съ австрійской Буковиной, между бессарабскими русинами и австрійскими Подолянами трудно уловить какое-нибудь существенное различіе, настолько въ этомъ мѣстѣ еще держатся родственныя связи между тѣми и другими. Наоборотъ, ближе къ Днѣстру различіе между заграничными русинами и нашими становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Тутъ и типъ ихъ уже нѣсколько видоизмѣняется, являясь переходнымъ между чисто русинскимъ и нашимъ малорусскимъ. Ниже, при изложеніи самаго предмета настоящаго очерка: территоріи, внѣшняго и внутренняго быта, мы подробнѣе остановимся на этой какъ бы двойственности бессарабскихъ русиновъ, двойственности довольно странной, если взять во вниманіе ту сравнительно ограниченную площадь земли, какую они занимаютъ; мы отмѣтимъ, въ чемъ главнымъ образомъ замѣтно отличіе однихъ отъ другихъ и какая причина этого. Здѣсь же сначала остановимся на разсмотрѣніи занятой русинами территоріи.

ТЕРРИТОРІЯ.

ГЛАВА I.

Площадь занимаемая русинами.—Рельефъ мѣстности.—Почва, орошеніе и климатъ.—Растительность и животный міръ.

Бессарабскіе, точнѣе хотинскіе, русины живутъ сплошнымъ населеніемъ въ Хотинскомъ уѣздѣ, въ его восточной половинѣ, простирающейся по берегу Днѣстра. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ поселенія далеко отходятъ отъ Днѣстра, врѣзываясь въ глубь уѣзда, и есть села чисто русинскія или со смѣшаннымъ населеніемъ, т. е. русинскимъ и молдавскимъ, которыя находятся почти на берегу Прута. Таковы напр.: Кишло-Саліево, Тицканы, Фитешты и др. Вслѣдствіе существованія селъ съ смѣшаннымъ населеніемъ немыслимо вполнѣ точно провести разграничительную линію между русинами и молдаванами, но все же большой ошибки не будетъ, если для первыхъ отвести слѣдующія семь волостей уѣзда, населенныхъ, за самыми незначителными исключеніями, только русинами: Рукшинскую, Клишковскую, Грозинскую, Данкоуцкую, Кельменскую, Романкоуцкую и Секурянскую. Въ пяти остальныхъ волостяхъ преобладающее населеніе молдавское, и русинскія села въ нихъ встрѣчаются только отчасти. Съ востока естественной границей, занятой семью этими волостями, служитъ рѣка Днѣстръ,

отдѣляющая Бессарабію на сѣверѣ отъ Подоліи и Австріи, а на югѣ отъ Херсонской губерніи. Самымъ крайнимъ сѣвернымъ русинскимъ поселеніемъ являются Опуты. Граница на западѣ идетъ черезъ села: Баламутовку, Ржавинцы, Грозинцы, Санкоуцы, Ренгачъ, Диноуцы, Должокъ, Бѣловцы, Гиждевъ, Кишло-Саліево, Кишло-Замжіево, Бѣлявинцы, Тицканы и Фитешты. Съ запада на югъ граница проходитъ черезъ села: Тырнову, Балкоуцы, Васькоуцы, Гвоздоуцы, м. Секуряны и Наславчу. Въ отмѣченномъ районѣ находятся слѣдующія русинскія села. Мы ихъ приведемъ по Чубинскому и удержимъ сдѣланное имъ разграниченіе, такъ какъ происшедшія со времени экспедиціи отъ этого разграниченія уклоненія могутъ быть считаемы самыми незначительными.

Мѣстности, населенныя руснаками, въ которыхъ языкъ исключительно малорусскій:

Грозинцы, Бочкоуцы, Шиловцы, Малинцы, Перебійковцы, Баламутовка, Ржавинцы, Санкоуцы, Шишковцы, Должокъ, Опуты, Полъ-Опуты, Гремешты, Михайловка, Синжеръ, Гиждевъ (казен. и владѣльч.), Бѣлоуцы, Данкоуцы, Каплевка, Дарабаны, Анадолы, Толбуряне, Кругликъ, Ставчаны, Долиняны, Пашкоуцы, Ворничаны, Левинцы, Клишковцы, Зарожаны, Керстинцы, Шпроуцы высшіе, Владычная, Поляна, Рухотинъ, Полъ-Рухотинъ, Рукшинъ, Атаки, Пригородокъ, Арестовка, Чепоносы, Рашковъ, Гордеуцы, Недобоуцы, Ренгачъ, Кишло-Саліево, Кишло-Зелена, Кишло-Неджимово, Чебрево, Константиновка, Трестьяны, Тырнова, Кельменцы, Волчинецъ, Бордюгъ, Рестевъ-Атаки, Бузовица, Бабинъ, Грушевцы, Нагоряны, Вартикоуцы, Ленковцы, Ворновица, Мошенецъ, Бырнова, Перковцы, Нелипоуцы, Коновка, Макаровка, м. Бричаны, Лукачаны, Мендикоуцы, Секуряне, Бѣлоусовка, Кобылчинъ, Ломачинцы, Михалковъ, Василіуцы, Ожевъ, Роспопенцы, Романкоуцы, Яноуцы, Селище, Шибутинцы, Корманъ, Кулишовка, Непоротово, Молодова, Комарово и Витрянка.

Мѣстности, населенныя руснаками и молдаванами; господствующій языкъ малорусскій:

Новоселица, Балкоуцы, Васькоуцы и Сербичаны.

Мѣстности, населенныя руснаками и молдаванами; господствующій языкъ молдавскій:

М. Новоселица, Котылевъ, Шербинцы, Диноуцы, м. Липканы, Котельна, Котюжаны, Глинка, Берлинцы, Бѣлявинцы, Громадзены, Китло-Замжіево, Медвѣжа, Фитешты, Тицканы, Гриманкоуцы, Гвоздоуцы, Гриноуцы („Труды экспедиціи" т. 7, стр. 362—363).

Всего русинскихъ селъ въ Хотинскомъ уѣздѣ по Чубинскому 112, въ томъ числѣ селъ, населенныхъ исключительно русинами 90 и 22 села, населенныхъ русинами и молдаванами вмѣстѣ.

Въ этотъ списокъ не вошло село Козыряны, образовавшееся уже послѣ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія, т. е. времени составленія „Трудовъ" Чубинскаго. Возникло это село послѣ X-ой ревизіи; образовали его переселенцы изъ сс. Чепоносъ, Широуцъ высшихъ и изъ Лукачанъ.

Что касается бессарабскихъ русиновъ внѣ предѣловъ Хотинскаго уѣзда, то они встрѣчаются отдѣльными поселеніями въ сосѣднихъ уѣздахъ съ Хотинскимъ, а именно: Сорокскомъ и Бѣлецкомъ, гдѣ они являются отчасти или въ качествѣ стариннаго осѣдлаго населенія въ мѣстахъ преимущественно составляющихъ естественное продолженіе Хотинскаго уѣзда, или главнымъ образомъ въ качествѣ позднѣйшихъ переселенцевъ изъ того же уѣзда.

Территорія, занятая русинами, представляетъ площадь приблизительно въ 150 верстъ въ длину и не болѣе 40 верстъ въ ширину. Если же взять во вниманіе русиновъ сосѣднихъ уѣздовъ, соприкасающихся съ Хотинскимъ, то занятая ими площадь будетъ немногимъ болѣе. Всего русинскаго населенія какъ въ Хотинскомъ уѣздѣ, такъ и вообще въ Бессарабіи насчитывается нѣкоторыми около 250 тысячъ, и по количеству русины представляютъ $^1/_8$ часть всего населенія

Бессарабіи; послѣ молдаванъ они являются въ ней самымъ многолюднымъ племенемъ („Бессарабія", альманахъ „Бессарабца" 179 стр.).

Приднѣстровская полоса по своему рельефу значительно отличается отъ припрутской. Эта полоса возлѣ береговъ Днѣстра возвышенна, а сѣверная часть ея даже гориста, такъ какъ тамъ уже начинаются кряжи Карпатскаго хребта, уходящіе далѣе въ глубь Австріи. Бессарабскій берегъ Днѣстра по сравненію съ лѣвымъ вездѣ высокъ. Высота его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 400 -500 футовъ надъ уровнемъ рѣки, особенно возлѣ селъ: Комарово, Непоротово и Молодово. Днѣстровскія скалы, покрытыя по мѣстамъ чащами непролазныхъ кустарниковъ и приземистыхъ деревьевъ, называемыхъ по мѣстному „стінками". весьма живописны и отчасти напоминаютъ своею грандіозностью Кавказъ. Характернымъ въ береговыхъ Днѣстровскихъ скалахъ является различнаго рода геологическое обнаженіе. Тутъ встрѣчается известнякъ третичной формаціи, между которымъ есть громадные залежи гипса. Третичная формація известняка налегаетъ на мѣловую, а эта на силурійскую. На границѣ между мѣловыми мергелями и силурійской формаціей, а также въ верхнихъ силурійскихъ слояхъ попадаются фосфориты. Залегая неглубоко, известняки третичной формаціи во многихъ мѣстахъ выступаютъ явственно (внутри уѣзда) по крутымъ склонамъ балокъ. Балокъ-же и овраговъ, представляющихъ преимущественно размывы рѣчныхъ долинъ, находится особенно много въ сѣверо-западной части уѣзда, находящейся на границѣ съ Австріей. Особенно интересными и своеобразными известковыми обнаженіями отличается мѣстность, идущая отъ с. с. Новоселицы и Росошанъ по направленію къ с. с. Кельменцамъ и Бырново. По мнѣнію проф. Синцова („Геологическій очеркъ Бессарабіи"), этотъ известнякъ, входящій въ составъ такъ называемыхъ возвышенностей „толтръ", такими учеными, какъ Мурчисонъ, Барботъ-де Марни и др., уподобляется коралловымъ рифамъ.

(„Сборникъ статист. свѣдѣній по Хотинскому уѣзду“ стр. 3).

Насколько возвышенны и гористы берега Днѣстра, настолько низменны они у Прута. Такъ напр. мѣстность отъ м. Новоселицы до м. Липканъ есть не что иное, какъ наносная рѣчная низменная долина отъ 1—6 верстъ шириною, на которой можно видѣть болотистыя озера. Вслѣдствіе возвышеннаго характера береговъ Днѣстра прибрежные населенные центры восточной части уѣзда почти никогда не бываютъ затапливаемы водою, даже въ дни большого весенняго половодья; наоборотъ, припрутское населеніе терпитъ нерѣдко разнаго рода несчастія отъ разливовъ этой въ сущности небольшой рѣки. Объясняется это, конечно, ея низменными берегами, которые не въ состояніи задерживать выступающей въ періодъ разливовъ воды. Вообще весь сѣверъ Бессарабіи, замкнутый Днѣстромъ и Прутомъ, является покатымъ отъ востока къ западу, причемъ сѣверо-востокъ Хотинскаго уѣзда представляетъ волнообразную поверхность, гдѣ одна возвышенность смѣняетъ другую; болѣе или мѣнѣе степной характеръ мѣстность принимаетъ на югъ отъ с. Кельменецъ, по направленію къ волостямъ: Романкоуцкой и Секурянской, хотя все-же это еще далеко не степь южной части Бессарабіи.

Почва въ Поднѣстровьѣ не вездѣ одинакова. Преобладающей все-же является почва глинистая. Сплошной черноземъ находится только въ южныхъ частяхъ волостей: Кельменской, Романкоуцкой и Секурянской, а также во всей Бричанской и Липканской волостяхъ. Въ сѣверо-западной части уѣзда черноземъ встрѣчается только отчасти. Мѣстами глинистая и черноземная почва переходитъ въ песчанникъ. Установить точное количество чернозема въ нечерноземныхъ волостяхъ трудно. Толщина черноземнаго слоя бываетъ отъ 1—3-хъ футовъ. Въ общемъ черноземъ Хотинскаго уѣзда мало чѣмъ отличается отъ чернозема юго-западной Россіи; по цвѣту онъ нѣсколько свѣтлѣе чернозема восточной

Россіи. Хотя почва Поднѣстровья отличается еще пока своими плодородными свойствами, тѣмъ не менѣе ея истощеніе, особенно въ крестьянскихъ хозяйствахъ, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, начинаетъ понемногу сказываться. Если прежде русинъ могъ обходиться безъ удобренія ея, то теперь условія измѣнились. Истощенная приднѣстровская почва уже не въ состояніи давать безъ удобренія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прежнихъ урожаевъ. Для подтвержденія и иллюстраціи высказаннаго обратимся къ XI-ой главѣ „Обзора Хотинскаго уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1887 г.“ К. Ермолинскаго. Въ ней сообщаются свѣдѣнія относительно измѣненія въ величинѣ урожая хлѣбовъ, на основаніи собранныхъ авторомъ 45 корреспонденцій изъ уѣзда, значительное большенство которыхъ касается почвы Поднѣстровья. Тамъ мы находимъ слѣдующую таблицу:

	Сообщенія корреспондентовъ	Сообщен. относящіяся къ владѣльч. хозяйствамъ	Сообщен. относящіяся къ поселян. хозяйствамъ
1	Сообщенія, въ которыхъ уменьш. урож. объясн. истощеніемъ почвы	5	18
2	Сообщенія, въ которыхъ уменьш. урож. объясн. неблагопр. метеорол. услов.	10	1
3	Сообщенія, въ которыхъ причина уменьшенія урожая не указана	3	—
4	Сообщенія, въ которыхъ говорится, что величина урожая не измѣнилась	7	1
	Итого всѣхъ сообщеній	25	20

Касательно владѣльческихъ хозяйствъ большинство корреспондентовъ (10) объясняетъ уменьшеніе урожаевъ неблагопріятными метеорологическими условіямм, семь корреспонденцій высказывается за то, что величина урожаевъ не измѣнилась и пять объясняютъ уменьше-

ніе величины урожаевъ истощеніемъ почвы. Корреспонденціи же, относящіяся къ поселянскому хозяйству, почти единогласно (исключеніе составляютъ два сообщенія) объясняютъ уменьшеніе величины урожаевъ истощеніемъ почвы. Слѣдуетъ добавить, что изъ приведенныхъ 18 сообщеній, только 4 сдѣланы не изъ русинскихъ селъ (стр. 162—166).

По объясненію нѣкоторыхъ, плодородіе почвы въ Поднѣстровьѣ зависитъ не столько отъ химическаго состава ея, сколько отъ весьма благопріятнаго комбинированія условій теплоты и влажности. Дѣйствительно, Поднѣстровье изобилуетъ влагой. Доказательствомъ этого служитъ между прочимъ полное почти отсутствіе въ немъ засухъ, этого подчасъ бича южной степной части Бессарабіи. Въ многихъ волостяхъ встрѣчаются такъ называемые „мочары", т. е. никогда не высыхающіе участки земли, совершенно неудобные вслѣдствіе этого для обработыванія. Обиліе въ краѣ влаги объясняется большимъ количествомъ выпадаемыхъ атмосферныхъ осадковъ. По вычисленіямъ, сдѣланнымъ въ „Статистическомъ сборникѣ по Хотинскому уѣзду" на основаніи сопоставленія въ климатическомъ отношеніи прилегающихъ къ Хотинскому уѣзду мѣстностей (г. г. Черновцы и Каменецъ-Подольскъ), только сѣверныя предгорья Кавказа, Черноморскій округъ и нѣкоторыя мѣста Закавказья богаче Прикарпатской полосы (къ которой слѣдуетъ отнести и Хотинскій уѣздъ, по крайней мѣрѣ сѣверную его половину) по количеству осадковъ. Тутъ, вѣроятно, не безъ вліянія близость Карпатскихъ горъ. Это вліяніе сказывается не только на количествѣ осадковъ, но и на распредѣленіи ихъ по мѣсяцамъ. Обиліемъ дождя отличаются особенно лѣтніе мѣсяцы—іюнь и отчасти іюль, въ теченіе которыхъ выпадаетъ 30% всего количества осадковъ. Для наглядпаго показанія количества выпадаемаго въ эти мѣсяцы дождя стоитъ сопоставить, на основаніи „Климатовъ земного шара" Воейкова, Прикарпатскій край съ такими пунктами Россіи, какъ: Курскъ, Харь-

ковъ, Воронежъ, Одесса, Николаевъ, Владикавказъ, Луганъ и т. п. Оказывается, что въ то время, какъ въ Черновцахъ, а слѣдовательно, и въ прилегающихъ къ этому городу мѣстностяхъ, т. е. въ Хотинскомъ уѣздѣ, осадковъ выпадаетъ 30%, во всѣхъ приведенныхъ городахъ выпадаетъ ихъ меньше 30 (25%—28%), исключая г. Владикавказа, гдѣ ихъ выпадаетъ на 2% больше. Подтвержденіемъ сравнительнаго обилія выпадаемаго лѣтомъ дождя служитъ тотъ фактъ, что мѣстное населеніе очень часто жалуется на избытокъ влаги и самымъ урожайнымъ годомъ считается тотъ, когда осадковъ бываетъ меньше. Вслѣдствіе относительно большого количества ихъ хлѣбная растительность здѣсь достигаетъ иногда роскошныхъ размѣровъ. Густые и частые лѣса сѣверной части уѣзда также находятъ для себя объясненіе въ сравнительной влажности и сырости климата. При указанномъ свойствѣ климатъ бессарабскаго Поднѣстровья отличается еще высокой средней годовой температурой. Правда, южная жара и зной лѣта, столь чувствительные напр. на юговостокѣ Россіи, умѣряются выпадающей въ это время года влагой. Зима же въ общемъ тепла, поэтому по сравненію съ рѣзко континентальнымъ климатомъ юго-восточной Россіи климатъ Хотинскаго уѣзда можетъ быть названъ мягкимъ и умѣреннымъ. Весна обычно наступаетъ въ мартѣ. Осень нерѣдко бываетъ сухая и теплая и тогда является лучшимъ временемъ года. Появляющіеся иногда вѣтры по большей части бываютъ теплы, такъ какъ дуютъ съ юга, который открытъ; сѣверо-западъ закрытъ для нихъ Карпатами; остается холоднымъ только вѣтеръ сѣверо-восточный, тякъ какъ сѣверо-восточная сторона, какъ и южная, такъ же открыта.

Въ гигіеническомъ отношеніи сѣверо-востокъ бессарабскаго Поднѣстровья является въ общемъ мѣстностью здоровою. Въ особенности благотворна для здоровья бессарабская Буковина съ ея роскошными садами и буковыми и дубовыми лѣсами. Воздухъ здѣсь поразительно чистъ и здоровъ. Не взирая на часто

перепадающіе дожди, на сравнительное обиліе влаги, болотистыхъ, вредныхъ для здоровья мѣстъ, въ Поднѣстровьѣ почти нѣтъ. Нѣтъ отсюда и связанныхъ съ этимъ разныхъ злокачественныхъ лихорадокъ. Хотя по отчетамъ, печатаемымъ хотинскимъ земствомъ, ежегодно, особенно въ послѣднее время, въ лѣчебныхъ учрежденіяхъ уѣзда находитъ себѣ помощь болѣе десяти тысячъ лихорадочныхъ больныхъ, однако большинство изъ нихъ обращается за помощью съ сѣверо-запада уѣзда. Распространена малярія болѣе всего по рѣкѣ Пруту, и это находитъ себѣ объясненіе въ прирутскихъ болотахъ. При Прутѣ лихорадка особенно упорна, разнообразна и иногда почти повальна. Но если воздухъ бессарабской Буковины, благодаря обилію садовой и лѣсной растительности, много способствуетъ здоровому характеру этой мѣстности, то нельзя того же сказать о приднѣстровской полосѣ, гдѣ и лѣсовъ и садовъ значительно меньше. Съ другой стороны, къ элементамъ отрицательно вліяющимъ на здоровье населенія отмѣченной мѣстности, слѣдуетъ отнести почти повсемѣстное отапливаніе при посредствѣ „кизяка". Когда начинается топка имъ, то село все на продолжительное время окутывается густымъ ѣдкимъ дымомъ, затрудняющимъ дыханіе. Дымъ пропитываетъ собою всѣ окружающіе предметы, проникаетъ въ ротъ и носъ всего живого и, конечно, здоровье легкихъ отъ этого мало выигрываетъ. Не рѣшаясь ставить легочныя и т. п. заболѣванія населенія въ прямую зависимость отъ вышеуказаннаго явленія, все же считаемъ нелишнимъ въ качествѣ иллюстраціи сослаться на то, что въ отчетѣ о состояніи народнаго здравія за 1901 г. въ Хотинскомъ уѣздѣ катарръ дыхательныхъ органовъ у населенія занимаетъ не послѣднее мѣсто (четвертое), поражая значительный процентъ его (13 тысячъ) [1].

---

[1]) „Хотин. земство. Отчеты, доклады.... Хотин. уѣздн. зем. упр." 1902 г. стр. 125.

Сравнительно влажный климатъ бессарабскаго Поднѣстровья обусловливаетъ собою обиліе въ немъ растительнаго міра. По площади, занятой лѣсами, Хотинскій уѣздъ занимаетъ въ Бессарабіи третье мѣсто; въ немъ 44,188 десятинъ лѣсу [1]), причемъ главной своей массой эти лѣса занимаютъ русскую Буковину, самое названіе которой говоритъ о преобладающей въ ней лѣсной породѣ—букѣ. Въ прежнее время буковые и грабовые лѣса покрывали собою всю Буковину, теперь же площадь ихъ значително уменьшилась, причемъ букъ во многихъ мѣстахъ смѣняется осиной. Высокій ростъ, красивая окраска ствола, прекрасная крона листвы характеризуетъ это дерево, спорящее съ своимъ собратомъ по семейству — дубомъ. Ниже г. Хотина букъ уже не встрѣчается. Что касается граба, то онъ еще попадается и южнѣе Хотина, хотя тоже не сплошными зарослями. Въ Хотинскомъ Поднѣстровьѣ встрѣчается еще одна порода, исчезающая далѣе къ югу — береза. Какъ и грабъ, береза попадается иногда отдѣльными рощами, придавая ландшафту бессарабскихъ лѣсовъ несвойственный югу характеръ. Кромѣ бука, граба, березы, дуба, тополя, липы, ясеня, встрѣчается еще кленъ съ слѣдующими видами: черноклёномъ (Acer tataricum) невысокимъ кустарникомъ, съ мелкой темноокрашенной листвой; яворомъ (Acer pseudoplatanus)—однимъ изъ самыхъ высокихъ лѣсныхъ деревьевъ, клёномъ обыкновеннымъ (Acer platanoides), очень похожимъ на яворъ и наконецъ очень близкимъ къ черноклену неклёномъ (Acer campestre). Изъ породъ кустарниковыхъ встрѣчаются: орѣшникъ (Corylus Avellana), боярышникъ (Crataegus), гордовина (Viburnum lantana), кизилъ (Cornus moscula, C. alba, Staphilea pinnata), бересклеты (Euonymus verrucosus и E. europaeus) и др. [2]).

Въ лѣсахъ встрѣчаются отдѣльными деревьями: дикая черешня, груша и яблонь. Послѣдняя инте-

---

[1]) „Бессарабія", альманахъ „Бессарабца", стр. 23.

[2]) „Сборникъ статистич. свѣдѣній по Хотин. у." стр. 8.

респа въ томъ отношеніи, что раньше всѣхъ другихъ лѣсныхъ породъ появляется въ открытой степи. Наконецъ характерную особенность представляютъ такъ называемыя „стінки“, т. е. густыя, непролазныя чащи кустарниковъ и приземистыхъ деревьевъ, покрывающія крутизны рѣки Днѣстра. Растутъ онѣ на известковыхъ и мѣловыхъ склонахъ, такъ что тонкій слой почвы занятъ сплошной сѣтью переплетенныхъ корней. Эти „стінки“, чрезвычайно разнообразныя по составу породъ, представляютъ чудную, зеленую бахрому, унизывающую высокіе нагорные берега Днѣстра.

Животный міръ въ разсматриваемой мѣстности по большей части однороденъ съ такимъ же міромъ остальной Бессарабіи и прилегающихъ къ ней районовъ. Въ придпѣстровскихъ скалахъ водится бѣлоголовый сипъ. Недалеко отъ Хотина въ „стінкахъ“ встрѣчается рѣдкая птичка „канареечный вьюрокъ“ (Jerinus hortulanus Koch), который живетъ въ Европейской Россіи только въ Польшѣ и Бессарабіи и, по мнѣнію проф. Мензбира, повидимому издавна. Помимо указанныхъ, довольно характерныхъ птицъ, живутъ въ лѣсахъ Буковины и Приднѣстровья: совы, неясыть, сычи, филины, дятлы, кукушки, сизоворонки, щурки золотистые, козодой, лѣсной жаворонокъ, сойки, чечетки, зяблики, соловьи, щеглы, дрозды, иволги, зеленушки, горлицы, вороны—крюки и др. Порода млекопитающихъ имѣетъ слѣдующихъ своихъ представителей: лисицъ, волковъ, дикихъ козъ, кабановъ, котовъ и т. п. (Альманахъ „Бессарабца“ „Бессарабія“ стр. 29—30).

ГЛАВА II.

Бессарабская Буковина.—Ея географическое положеніе.— Своеобразный характеръ Буковины сравнительно съ остальнымъ хотинскимъ Поднѣстровьемъ.—Село Клишковцы, какъ наиболѣе оживленный пунктъ Буковины.

Есть въ Бессарабіи мѣстность, которая извѣстна подъ именемъ „Буковины“. Эту Буковину составляетъ тотъ уголокъ Хотинскаго уѣзда, который соприкасается съ австрійской Буковиной. Въ этнографическомъ отношеніи между бессарабской Буковиной и австрійской нѣтъ почти никакого различія. Существующія незначительныя уклоненія въ указанномъ отношеніи объясняются, можно думать, раздѣльною государственной жизнью той и другой и стали возникать со времени обособленія ихъ. Собственно Буковина состоитъ изъ девяти большихъ селъ, расположенныхъ по возвышенному склону, составляющему небольшіе отроги Карпатскихъ горъ. Склонъ этотъ тянется приблизительно на 20-верстномъ разстояніи. Села, составляющія ядро Буковины, слѣдующія: Недобоуцы, Широуцы, Зарожаны, Клишковцы, Малинцы, Шиловцы, Бочкоуцы, Грозинцы и Коленкоуцы [1]). Особенностью всѣхъ ихъ является то, что каждое изъ перечисленныхъ селъ расположено непосредственно одно подлѣ другого, благодаря чему получается впечатлѣніе, будто это не длинный рядъ совершенно самостоятельныхъ и отдѣльныхъ поселеній, а одно необыкновенно громадное село. Къ этимъ селамъ примыкаетъ еще приблизительно одинъ десятокъ поселеній тоже съ общебуковинскимъ характеромъ, т. е. отличающихся обиліемъ лѣсной и садовой расти-

---

[1]) Пограничное съ Австріей село Коленкоуцы населено орумынившимися русинами.

тельности, одинаковымъ типомъ населенія и т. п. и лежащихъ по большей части въ Рукшинской волости.

Разсматриваемая мѣстность является во многихъ отношеніяхъ лучшею частью русинскихъ поселеній. Если бы не малоземелье, населеніе ея при бойкости, предпріимчивости и энергіи своего характера, при благопріятныхъ естественныхъ условіяхъ. безъ сомнѣнія, процвѣтало бы. Садовая и лѣсная растительность въ Буковинѣ отличается своимъ необыкновеннымъ богатствомъ. Вмѣстѣ съ извѣстными въ Бессарабіи Кодрами русская Буковина—центръ бессарабскихъ лѣсовъ и садоводства, какъ отрасли довольно развитой промышленности. Всѣ буковинскія села представляютъ не что иное, какъ одинъ сплошной громадный садъ, въ которомъ изъ-за деревьевъ лишь изрѣдка бѣлѣются русинскія мазанки. Вся бессарабская Буковина, какъ замѣчено, расположена на отрогахъ Карпатъ. Послѣдніе придаютъ мѣстности весьма живописный и красивый видъ. Если взобраться на какую-нибудь возвышенность, которыхъ здѣсь попадается не мало, то взору представляется очень красивая панорама. Издали, со стороны рѣки Прута, въ особенности съ большой трактовой дороги, идущей отъ пограничнаго мѣстечка Новосельцы къ г. Хотину, Буковина видна, какъ на ладони, и вся въ ясный, чистый день какъ бы подернута дымкой. Это послѣднее, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ обиліемъ садовъ и лѣсовъ. Лѣса здѣсь по преимуществу буковые, отъ которыхъ возникло и самое названіе мѣстности. Попадается, впрочемъ, здѣсь довольно часто и другая лѣсная порода. Главнымъ образомъ заросли бука находятся въ сѣверной части Буковины и въ своемъ развитіи это дерево достигаетъ грандіозныхъ размѣровъ. Къ югу отъ с. Недобоуцъ, по берегу Днѣстра, и лѣсовъ и садовъ уже становится меньше, мѣстность теряетъ постепенно свой гористый характеръ, выравнивается и незамѣтно принимаетъ тѣ свойства, какими вообще отличается хотинское Поднѣстровье.

Эти два десятка селъ, составляющихъ русскую Буковину, съ значительнымъ населеніемъ, занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ и разведеніемъ различныхъ растеній, имѣющихъ большое промышленное значеніе. Такіе продукты садоводства, какъ чернослив или орѣхи и отчасти яблоки они сбываютъ не только во внутреннія губерніи, но даже и за границу через сосѣднее пограничное мѣстечко Новоселицу. Чеснокъ, въ большомъ количествѣ воздѣлываемый въ буковинскихъ огородахъ, находитъ сбытъ какъ въ мѣстныхъ торговыхъ центрахъ, такъ въ особенности на югѣ Бессарабіи и даже въ Херсонской губерніи.

Село Клишковцы, расположенное отъ Хотина на разстояніи 20 верстъ, самый бойкій, самый оживленный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый населенный центръ русской Буковины. Оно имѣетъ болѣе шести съ половиной тысячъ жителей и является по населенности первымъ селомъ не только въ Буковинѣ, но и во всемъ уѣздѣ. Въ немъ въ силу этого сосредоточены такія учрежденія, какъ: народныя мужское и женское училища, больница, почтовое отдѣленіе, волостное правленіе и волостной судъ, Александровское ремесленное училище; живутъ такія лица, какъ: два священника, земскій врачъ, разные административные чины, фельдшера и фельдшерицы, лѣсничій монастырскихъ лѣсовъ, учителя и т. п. Черезъ село идетъ бойкая, торговая дорога, по которой непрерывно перевозятся товары изъ г. Хотина или обратно, дорога, которая проходитъ почти черезъ всѣ буковинскія села. Неподалеку отъ Клишковецъ находится единственный въ Бессарабіи сахарный заводъ (въ прилегающемъ с. Зарожанахъ), а также винокуренный (с. Ставчаны). Оно является центромъ крупной торговли лѣсными матеріалами, которыхъ много заготовляется въ лѣсахъ Буковины. Несомнѣнно оживленіе этого многолюднаго села, его бойкій, торгово-промышленный характеръ стоитъ въ связи съ выгоднымъ географическимъ положеніемъ: оно—центральное поселеніе въ русской Буковинѣ.

ГЛАВА III.

Историческіе центры на русинской территоріи: городъ Хотинъ; его прошлое и настоящее.—Село Ставчаны.

Изъ сохранившихся по настоящее время историческихъ центровъ на территоріи бессарабскихъ русиновъ извѣстны два: Хотинъ, ставшій уѣзднымъ городомъ Бессарабской губерніи и село Ставчаны, лежащее отъ него въ 8-ми верстахъ.

Городъ Хотинъ имѣетъ за собою большое историческое прошлое. Въ особенности онъ игралъ видную роль въ турецкой и польской исторіи. Замѣчательные польскіе поэты — Вацлавъ Потоцкій—17 в. и Игнатій Красицкій—18 в. предметомъ своихъ поэмъ, которыми пытались создать себѣ имя, избираютъ Хотинъ. Первый пишетъ соч. „*Tranzakcya wojny Chocimskiej*", а второй, по внушенію короля Станислава Августа, — „*Wojna Chocimska*". Да и нашъ Ломоносовъ впервые становится извѣстнымъ послѣ того, какъ прислалъ изъ за границы свою „Оду на взятіе Хотина". Такимъ образомъ хотинскія войны настолько въ свое время были важны, настолько приковывали къ себѣ вниманіе современниковъ, что даже поэты различныхъ народностей дѣлаютъ ихъ темой своихъ произведеній. Если еще припомнить, что всѣ почти указанные поэты ложноклассики, обыкновенно выбиравшіе для своихъ произведеній темы высокія, важныя по ихъ отношенію къ современности, то значеніе Хотина, какъ кровавой арены для борьбы между различными народностями станетъ вполнѣ очевиднымъ. Дѣйствительно, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время расположенъ Хотинъ, было пролито не мало крови— турецкой, польской, русской, молдавской, запорожской и т. п. Объясняется это тѣмъ, что разсматриваемый городъ на протяженіи всей своей исторіи

былъ пограничнымъ, а если взять во вниманіе, что до минувшаго столѣтія, т. е. времени перехода въ русскія руки, онъ представлялъ грозную твердыню въ рукахъ каждаго, владѣвшаго имъ государства, то станутъ вполнѣ понятными тѣ усилія и попытки, какія были предпринимаемы тѣмъ народомъ или государствомъ, которые стремились или утвердиться въ этомъ городѣ или отстоять безопасность своихъ границъ. Въ особенности упорныя и кровопролитныя войны подъ Хотиномъ шли на протяженіи 17 и 18 в. в. Въ исторіи Хотина это самая выдающаяся и оживленная эпоха. Въ этотъ періодъ онъ послѣдовательно переходитъ изъ рукъ въ руки. Одинъ народъ пытается здѣсь вытѣснить другой: турки молдаванъ, поляки турокъ, русскіе турокъ и т. п.

Возникновеніе города относится къ III в. послѣ Рожд. Хр. Основаніе его, по преданію, положилъ Котизонъ, предводитель Даковъ. Сначала городъ назывался „Хоцимъ“ (съ этимъ именемъ онъ продолжаетъ и теперь существовать у поляковъ) и только съ теченіемъ времени ему было присвоено его настоящее имя. Это имя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, указываетъ на славянское происхожденіе и на то, что окрестности Хотина съ древнѣйшихъ временъ были заселены русинами. Первыя укрѣпленія Хотина, по мнѣнію изслѣдователей, относятся еще ко времени господства генуэзцевъ въ данной мѣстности. Однимъ изъ доказательствъ этого служитъ архитектура древней башни, сооруженной на крутомъ, нагорномъ берегу Днѣстра, которая составляла цитадель древней крѣпости. Отъ генуэзцевъ Хотинъ затѣмъ перешелъ къ молдаванамъ, когда они захватили въ свои руки правое побережье Днѣстра. Въ правленіе молдавскихъ господарей городъ этотъ сталъ быстро развиваться въ торговомъ и промышленномъ отношеніи. Такому развитію его много способствовали мирные договоры, заключаемые молдавскими господарями съ сосѣдними государствами.

Съ появленіемъ турокъ на бессарабской территоріи, когда Молдавіи стала грозить серіозная опасность,

старыя укрѣпленія, начинаютъ вновь поправляться и расширяться. Это послѣднее приписываютъ извѣстному въ молдавской исторіи Стефану IV-му, который надѣялся найти въ Хотинѣ убѣжище отъ грознаго врага. Дѣйствительно, когда этотъ господарь въ 1476 году былъ разбитъ Магометомъ II-ымъ, то онъ постарался скрыться въ хотинской крѣпости съ тѣмъ, чтобы отсюда начать новую борьбу съ турками. Но послѣ его смерти городъ былъ захваченъ турками, которые и утвердились въ немъ. Съ этимъ моментомъ связывается слѣдующее народное преданіе, приводимое нѣкоторыми изслѣдователями исторіи Хотина. Паша, осаждавшій городъ, влюбился въ молодую вдову умершаго воеводы, которая энергично защищалась въ крѣпости, и предложилъ ей выйти за него замужъ. Молдаванка согласилась на предложеніе паши съ условіемъ, чтобы турки сняли осаду, выстроили вокругъ замка земляной валъ и вооружили его пушками. Ослѣпленный страстью, паша согласился на все; этимъ не преминули воспользоваться молдаване, чтобъ лучше укрѣпиться противъ турокъ. Когда же послѣ вновь начатой осады крѣпость была взята, вдова воеводы бросилась въ Днѣстръ изъ окна верхняго этажа замка. Впрочемъ, отнятый у молдаванъ Хотинъ турки спустя нѣкоторое время возвратили. Въ XVII в. Хотинъ попеременно переходитъ изъ рукъ въ руки. Имъ овладѣваютъ поляки, запорожскіе казаки, выстроившіе даже было на берегу Днѣстра два городка, турки и т. д., такъ что въ это время городъ былъ обагренъ кровью многихъ народовъ, и стѣны его крѣпости служили охраной самыхъ непримиримыхъ по отношенію другъ къ другу народностей.

Въ 1711 г. послѣ бѣгства молдавскаго господаря Кантемира въ Россію Хотинъ окончательно переходитъ въ руки турокъ, и крѣпость его была вновь перестроена иноземными инженерами, приглашенными для этой цѣли турками. Съ этого времени вплоть до 1812 г. имъ владѣютъ турки. Гарнизонъ турецкій всегда нахо-

дился въ хотинской крѣпости, такъ какъ отсюда турки господствовали надъ всей „Хотинской райею“, обнимавшей почти весь нынѣшній Хотинскій уѣздъ по берегу Днѣстра. Временно, на протяженіи всѣхъ русско-турецкихъ войнъ этого и начала слѣдующаго XIX ст. городъ переходилъ въ руки русскихъ. Въ этотъ періодъ, какъ извѣстно, было четыре войны между русскими и турками, и каждая изъ нихъ сопровождалась захватами русскими Хотина, какъ главнаго оплота турецкой арміи. Наконецъ по Букарестскому миру въ 1812 г., Хотинъ вмѣстѣ съ остальной Бессарабіей окончательно былъ присоединенъ къ Россіи и назначенъ крѣпостью 2-го разряда. Старыя укрѣпленія правительство продолжало поддерживать, сооружая и возводя въ то же время новыя. Но въ 1856 г. хотинская крѣпость была упразднена, такъ какъ она была признана неудовлетворяющей своему назначенію. Съ этихъ поръ крѣпость изъ военнаго вѣдомства была передана въ гражданское и вошла въ составъ города.

Насколько было славно и исторически замѣчательно прошлое Хотина, настолько жалкую и ничтожную жизнь влачитъ этотъ городъ теперь. Во время турецкаго владычества онъ былъ однимъ изъ лучшихъ городовъ по красотѣ зданій; въ немъ были даже мостовыя и роскошные сады. „Теперь же“, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей его прошлаго: „только живописныя окрестности Хотина остались прежнія; собственно же въ городѣ все, что можно было измѣнить къ худшему—все сдѣлано. Военныя событія конца прошлаго (XVIII) столѣтія истребили турецкія зданія, и наплывъ еврейскаго населенія, съ водвореніемъ въ Бессарабіи русскаго владычества, загрязнилъ когда-то щеголеватую наружность Хотина. Прежнихъ мостовыхъ нѣтъ и слѣда. Если бы старый турокъ заглянулъ теперь въ Хотинъ и увидѣлъ его будничную наружность и особенно его тѣсные, наполненные зловоніемъ, кварталы, вспомня когда-то праздничный видъ этого города, онъ заплакалъ бы, какъ плачетъ Мавръ объ Альгамбрѣ,

или ворчалъ бы съ негодованіемъ, какъ негодуетъ молдаванинъ въ своей народной пѣснѣ о Хотинѣ".

Въ настоящее время это глухой захолустный городишко, гдѣ, повидимому, все спитъ мертвымъ, непробуднымъ сномъ, и если что-нибудь еще можетъ коголибо изъ интересующихся стариной завлечь сюда, такъ это единственно старинная крѣпость.

Городъ расположенъ на высокомъ, нагорномъ берегу Днѣстра. Если ѣхать большой шоссейной дорогой изъ Каменецъ-Подольска въ Жванецъ (историческое мѣстечко, расположенное на подольскомъ берегу Днѣстра, вблизи Хотина), то послѣдній откроется ѣдущему значительною своею частью, какъ на ладони. Впечатленіе издали онъ производитъ очень эффектное, въ особенности въ ясный солнечный день. Вдали красиво блестятъ куполы церквей: зданія громоздятся одно на другое. Трудно бы, кажется, предположить, что большинство этихъ зданій, которыя такъ своеобразно живописны издали, не что иное, какъ еврейскій кварталъ города— самая грязная и самая жалкая часть Хотина. Вообще со стороны Подольской губ. городъ, будучи виденъ почти весь, очень живописенъ. Наоборотъ, со стороны бессарабской, равнинной, онъ много теряетъ. Съ одной стороны городъ огибаетъ Днѣстръ, съ трехъ другихъ—лѣса: Анадольскій, Каплевскій и Варница. Въ него ведутъ три большія столбовыя дороги: Каменецкая изъ г. Каменецъ-Подольска, Новоселицкая изъ пограничнаго м. Новоселицы и Ларгская изъ Ларги, желѣзно-дорожной станціи.

Хотинъ представляетъ двѣ половины, изъ которыхъ одна, составляя новый городъ, обстроилась и продолжаетъ строиться на ровной площади, заключая всѣ присутственныя мѣста и общественныя учрежденія; а другая, т. е. старый городъ, тѣснящійся по нагорному берегу Днѣстра, ближе къ крѣпости, состоитъ большею частью изъ сплошныхъ рядовъ лавокъ и лавочекъ, занимающихъ нижніе этажи домовъ, а въ срединѣ дворовъ, гдѣ живутъ евреи, такой лабиринтъ разныхъ

пристроекъ, клѣтушекъ, переходовъ, что трудно въ нихъ разобраться. Дворы эти въ иныхъ мѣстахъ имѣютъ одинъ съ другимъ сообщенія, да кромѣ того подъ нѣкоторыми вырыты большіе погреба, сохранившіеся еще со времени турецкаго господства.

Населеніе Хотина состоитъ изъ русиновъ-мѣщанъ, раскольниковъ, небольшого числа поляковъ, преимущественно изъ интеллигентнаго класса и евреевъ. Русины-мѣщане занимаютъ окраинныя части города, носящія названіе: Румно, Артиллерійской слободы и Магалы. По сравненію съ еврейскимъ кварталомъ эти окраины—лучшая часть города и напоминаютъ скорѣе предмѣстіе. Тутъ, благодаря отсутствію скученности, и садамъ, воздухъ чистый, почти деревенскій. Хотинскіе мѣщане занимаются преимущественно хлѣбопашествомъ; только мѣщанки торгуютъ хлѣбомъ и фруктами на базарѣ. Живущіе въ городѣ раскольники извѣстны подъ именемъ липованъ и здѣсь появились еще въ эпоху турецкаго господства. Въ Хотинѣ они занимаются огородничествомъ и торговлею. Мѣстные раскольники мало чѣмъ отличаются отъ своихъ собратій: они также необщительны, живутъ запершись и подозрительны.

Достопримѣчательностей въ Хотинѣ, какъ упомянуто выше, кромѣ старинной крѣпости, въ настоящее время нѣтъ никакихъ. Къ сожалѣнію, и послѣдняя, послѣ упраздненія ея военнымъ вѣдомствомъ въ половинѣ минувшаго столѣтія, постепенно превратилась въ руину, гдѣ гнѣздятся совы, летучія мыши и т. п. созданія, боящіяся живыхъ существъ и дневного свѣта. О томъ, въ какомъ состояніи находится нынѣ Хотинская крѣпость можно найти цѣнныя указанія въ „Докладѣ дд. чч. А. А. Кочубинскаго и А. И. Маркевича о поѣздкѣ ихъ для осмотра бывшей Хотинской крѣпости“, сдѣланномъ въ Императорскомъ Одесскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей. Тамъ на 6—8 стр. находится слѣдующее замѣчаніе о состояніи Хотинской крѣпости: „Хотинская крѣпость находится не въ самомъ городѣ,

а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, приблизительно на версту, на обрывистомъ берегу рѣки Днѣстра; тѣмъ не менѣе она связана съ городомъ, такъ какъ через самую крѣпость идетъ дорога изъ Хотина къ р. Днѣстру, которою, какъ мы имѣли случай убѣдиться, городскіе и прилежащихъ селъ обыватели постоянно пользуются.

Занимаетъ крѣпость довольно большое пространство— приблизительно около 14 десятинъ, и состоитъ изъ: а) гласиса, б) рва, в) значительнаго числа облицованныхъ плитнымъ камнемъ земляныхъ верковъ, г) пространства между верками и стѣною, тоже со рвомъ, д) крѣпостной стѣны, е) пространства между нею и цитаделью, причемъ въ двухъ мѣстахъ, у рѣки, стѣна эта примыкаетъ къ самой цитадели, и ж) цитадели.

Гласисъ и ровъ, частью осыпавшійся, имѣютъ обычный въ такихъ случаяхъ характеръ; недурно сохранились и верки, хотя прекрасная облицовка ихъ почти вездѣ снята и дѣйствительно разграблена; къ ней именно относятся тѣ разсказы, о которыхъ было упомянуто выше [1]). Пространство отъ верковъ до стѣны очень небольшое, крѣпостная же стѣна обычно полуразрушена.

Пространство, охватываемое этою стѣною, очень обширно и представляетъ сильно волнистую, перерытую, въ общемъ склоненную къ рѣкѣ поверхность, перерѣзанную указанною выше дорогою. На этой поверхности находится около 15 зданій, сравнительно новой постройки—30-хъ годовъ прошлаго вѣка, —совершенно развалившихся; исключеніе составляютъ 2 домика, занятые подъ надобности Волгскаго полка; но и эти зданія уже близки къ разрушенію; при нихъ есть и

[1]) Разсказы о томъ, что большинство фундаментовъ, цоколей, крылецъ въ домахъ г. Хотина, особенно видныхъ обитателей, сдѣлано изъ гранитной облицовки крѣпости и изъ плитъ со старинными турецкими надписями. (Примѣч. автора).

небольшіе огороды. Затѣмъ есть каменная церковь, тоже построенная въ 30-хъ годахъ XIX ст., прежде крѣпостная, теперь приписанная къ одной изъ городскихъ приходскихъ церквей; богослуженіе совершается въ ней 4 раза въ годъ. И церковь грозитъ разрушеніемъ, какъ это показываютъ громадныя трещины въ ея алтарной части. Въ оградѣ около церкви есть нѣсколько новыхъ памятниковъ надъ похороненными здѣсь членами семьи полковника А. Гр. Офросимова.

Невдалекѣ отъ церкви стоитъ значительно пострадавшій въ верхней части минаретъ, а возлѣ него надгробная каменная плита съ русскою надписью; буквы ея отъ времени сильно испортились, такъ что можно было разобрать лишь нѣсколько строкъ, опредѣляющихъ званіе погребеннаго и время его смерти...

На самомъ обрывистомъ берегу р. Днѣстра расположилась занимающая небольшое пространство цитадель, съ очень высокими, прекрасно сохранившимися стѣнами и разными постройками внутри. По мнѣнію спеціалиста, г. вице-президента нашего Общества А. Л. Бертье-Делагарда, видѣвшаго лишь доставленные нами снимки съ нея, цитадель построена не турками, а, быть можетъ, въ то время, когда Хотинъ принадлежалъ Рѣчи Посполитой и постройка производилась нѣмецкими, изъ сѣверныхъ, инженерами въ XVII вѣкѣ. Вообще впечатлѣніе отъ Хотинской крѣпости получается весьма внушительное, а видъ изъ нея на противоположный берегъ Днѣстра—на м. Жванецъ и с. Брагу очень красивъ“ [1]).

Въ городѣ есть соборъ и такъ называемыя „красная“ и „маленькая“ церковь. Помимо того, существуютъ: костелъ, армяно-грегоріанская церковь, синагога, нѣсколко молитвенныхъ домовъ и раскольничья молельня. Улицы, за малыми исключеніями, немощенныя. Есть

---

[1]) О состояніи Хотинской крѣпости можно найти указанія въ журналѣ „Нива“ за 1896 г. № 35, гдѣ даны и снимки видовъ крѣпости. (Примѣч. автора).

жалкіе остатки старинныхъ мостовыхъ, въ настоящее время избѣгаемыхъ всякимъ ѣдущимъ. Освѣщеніе очень плохое. Выдающихся по архитектурѣ зданій нѣтъ, исключая дома мѣстнаго земства, въ которомъ помѣщается управа, уѣздный съѣздъ и воинское присутствіе. Правда, послѣ бывшихъ въ концѣ минувшаго столѣтія большихъ пожаровъ въ еврейской части стали возникать дома подъ магазины, лучше прежнихъ. Изъ учебныхъ заведеній въ Хотинѣ существуютъ: городское 4-классное училище, женское 2-классное, три одноклассныхъ городскихъ и двухклассная церковно-приходская школа. Больницъ три: земская, еврейская и военный лазаретъ, находящійся въ вѣдомствѣ Отдѣльнаго Корпуса пограничной стражи. Возлѣ собора есть бульваръ, гдѣ гуляютъ мѣстные обыватели. Противъ бульвара еврей, владѣлецъ трактира, соорудилъ нѣчто въ родѣ лѣтняго театра, причемъ самое зданіе заслонено трактиромъ.

Таковъ теперь этотъ городъ, когда-то прославленный войнами турокъ, запорожцевъ, молдаванъ, поляковъ и русскихъ.

Изъ окрестностей Хотина заслуживаетъ болѣе или менѣе вниманія небольшая деревушка Ставчаны или Ставучаны [1]), находящаяся въ 8-ми верстахъ отъ города

---

[1]) По мнѣнію проф. А. А. Кочубинскаго названіе „Ставчаны" ясно пошло отъ слова „ставъ" (этотъ ставъ существуетъ и понынѣ — примѣч. автора). Въ мѣстныхъ названіяхъ слогъ „*ав*", „*ов*" часто замѣняется на картахъ двоегласнымъ или слогами *ау*, *а*+*у*, *оу*, *о*+*у*: отсюда Стаучаны и даже Ставучаны. Эти формы обязаны молдавскому выговору русскихъ названій. Отсюда и форма издѣвочнаго прозвища для русскаго на мѣстѣ населенія — „чеснокоуцы", т. е. чесноковцы: посѣвъ чесноку, а осенью развозъ его по Бессарабіи—любимое занятіе мѣстныхъ русскихъ поселянъ (русиновъ—примѣч. автора), вообще экономическимъ благосостояніемъ не отличающихся. — „Частныя молдавскія изданія для русской школы (библіографическія замѣтки)". „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1903 г., іюнь, стр. 396.

къ западу, по прямой дорогѣ въ Клишковцы, влѣво противъ Недобоуцъ. Ставчаны извѣстны по битвѣ и побѣдѣ, одержанной Минихомъ надъ турками въ 1739 году. Единственные памятники послѣ этой битвы— окопы и небольшіе курганчики, разсѣянные по полю, гдѣ мирно растетъ теперь кукуруза. Объ этомъ событіи среди живущаго поколѣнія не сохранилось никакихъ преданій. Въ прежнее время еще находили обломки оружія, ядра, вырывали нерѣдко кости и т. п. остатки военныхъ дѣйствій. Теперь обо всемъ этомъ и помину нѣтъ.

НАСЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Автохтонность русиновъ на занятой ими территоріи.—Взглядъ на прошлое русинской территоріи.

Русиновъ или руснаковъ, живущихъ въ Хотинскомъ уѣздѣ и отчасти въ сосѣднихъ Сорокскомъ и Бѣлецкомъ [1]), нѣкоторые насчитываютъ въ настоящее время 250 тысячъ. Они составляютъ разновидность того племени, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ Червонной Руси. Другія двѣ разновидности тѣхъ же древнихъ Червоноруссовъ носятъ названіе карпатскихъ русиновъ или горцевъ и галичанъ или поднѣстрянцевъ.

Бессарабскіе русины, можно думать, живутъ исконии на занятой ими территоріи. По мнѣнію нѣкоторыхъ [2]), они не переходили ни Днѣстра ни Прута, а поселились въ предѣлахъ теперешняго Хотинскаго уѣзда и отчасти южнѣе еще во время славянскаго дви-

---

[1]) Кромѣ отмѣченныхъ уѣздовъ, русины (выходцы изъ Хотин. уѣзда) встрѣчаются еще и въ другихъ мѣстахъ Бессарабіи. Такъ, А. А. Кочубинскій въ своемъ сочиненіи „Тура (Тирасъ) — Бѣлгородъ-Аккерманъ и его новая лапидарная надпись отъ 1454 г.“ — упоминаетъ о двухъ селахъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ: „Стефанёвкѣ“ (Степановка) и „Райлянкѣ“, населенныхъ выходцами—русинами, называемыми по—мѣстному „районами“ или „буцами“.

[2]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій.

женія въ Червонной Руси. На это указываетъ языкъ земли, т. е. цѣлый рядъ сохранившихся русинскихъ названій селъ, урочищъ, рѣчекъ и т. п., даже въ мѣстахъ, въ настоящее время занятыхъ исключительно молдаванами. Въ данномъ отношеніи представляютъ не малый интересъ слѣдующія слова А. А. Кочубинскаго, выдающагося знатока языка земли: „Отъ XV—XVII столѣтій мы имѣемъ не мало бессарабско-молдавскихъ грамотъ о пожалованіяхъ вотчинъ. Ихъ такъ называемый славянскій языкъ насквозь пронизанъ малорусскими элементами; можетъ быть даже иногда указанъ элементъ гуцульскій, т. е. восточно-галицкій. Но для насъ особенно важны грамоты на села у средняго Днѣстра въ предѣлахъ нынѣшней молдавской этнографической территоріи: названія этихъ селъ или урочищъ около нихъ — прегнантно — малорусскія, въ родѣ Червонный верхъ, камень. Справедливо отъ *малорусскихъ* названій обитаемыхъ мѣстъ заключать къ *малорусскому* характеру и самыхъ обитателей. Но поступательное движеніе отъ Прута къ Днѣстру молдавскаго элемента мало-по-малу охватывало мѣстныя русскія поселенія, романизовало населеніе ихъ, и такимъ образомъ, по истеченіи вѣковъ, старый хозяинъ земли, отступая предъ натискомъ запрутской стихіи, очутился въ положеніи загнаннаго въ уголъ и припертаго къ Днѣстру этнографическаго элемента между Буковиной, Галиціей и Подоліей [1]).

Такимъ образомъ не только верхній бессарабскій берегъ Днѣстра, и по настоящее время занятый русинами, является мѣстомъ старой украинской колонизаціи, но и средина этой рѣки, по мнѣнію такихъ ученыхъ, какъ А. А. Кочубинскій, нѣкогда была малорусской. Но сначала движеніе тюркскихъ ордъ, а позже постепенный напоръ со стороны Прута румынъ по-

---

[1]) „Частныя молдавскія изданія для русской школы (библіографическія замѣтки)". „Журн. Мин. Нар. Просв." 1903 г. стр. 396.

влекли за собой отторженіе значительной части русинской территоріи. Усиленіе сосѣдней румынской народности на счетъ русинской не прекратилось и теперь. Западная смѣшанная полоса молдавскихъ и малорусскихъ поселеній въ Хотинскомъ уѣздѣ продолжаетъ медленно отодвигаться къ Днѣстру. Нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить село Грозинцы, крайнее въ бессарабской Буковинѣ и граничащее съ молдавскими поселеніями. Если судить по „Трудамъ" Чубинскаго, оно когда-то было чисто русинскимъ. Теперь же въ немъ все чаще и чаще раздаются звуки молдавской рѣчи.

Въ исторіи бессарабскихъ русиновъ, вѣрнѣе занятой ими территоріи, можно намѣтить приблизительно слѣдующіе періоды:

1. *Русско-галицкій* съ X в. до половины XIII в.;

2. *Татарскій*, съ половины XIII в. до половины XIV в.;

3. *Литовско-русскій*, или періодъ жизни русиновъ подъ прикрытіемъ литовско-русскихъ князей (вторая половина XIV в.);

4. *Молдавскій*, съ XV в. до начала XVIII в. (завоеваніе Хотина турками);

5. *Турецко-татарскій*, съ начала XVIII в. до 1812 года;

6. *Русскій*, съ 1812 г. по настоящее время.

Завоевательная политика русскаго князя Олега, судя по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, коснулась значительной части территоріи бессарабскихъ русиновъ. Еще Олегомъ было начато покореніе тѣхъ славяно-русскихъ народностей, которыя занимали бассейнъ Днѣстра. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были включены въ предѣлы вновь возникшаго русскаго государства съ главнымъ центромъ въ Кіевѣ. Но напоръ разныхъ тюркскихъ ордъ, появившихся въ это время на югѣ теперешней Россіи, пріостановилъ объединительную политику кіевскаго князя. Затѣмъ, какъ извѣстно, въ половинѣ XII в. при Владимірѣ Володаревичѣ возникло Галицкое княжество, просуществовавшее до половины XIV вѣка. Занимая всю

юго-западную Русь, оно захватывало и значительную часть нынѣшней сѣверной Бессарабіи, но около половины XIII в. территорія бессарабскихъ русиновъ была оторвана отъ русскаго государства татарами, хотя продолжала заключать въ себѣ коренное русское населеніе. Это послѣднее не исчезло и въ послѣдующія времена и не мало способствовало образованію и процвѣтанію возникшихъ здѣсь въ непродолжительномъ времени румынскихъ княжествъ Валахіи и Молдавіи.

Съ усиленіемъ во второй половинѣ XIV в. литовско-русскаго государства русины нынѣшней Бессарабіи начинаютъ постепенно освобождаться отъ татарскаго владычества. Скоро правый бессарабскій берегъ Днѣстра перешелъ въ руки литовско-русскихъ князей, которые, расширивъ свои владѣнія почти до самаго Чернаго моря, начинаютъ строить по Днѣстровскому побережью новые города или возобновлять старые, разрушенные татарами. Подъ владычествомъ литовско-русскихъ князей русинская народность отдохнула отъ тяжелаго татарскаго ига. Съ конца XIV в. русины постепенно входятъ въ составъ возникшаго новаго государства—молдавскаго, которое въ это время включило въ свои предѣлы лѣвое побережье Прута.

Ко времени молдавскаго господства относится усиленіе русинскаго элемента путемъ массовыхъ переселеній изъ другихъ земель въ предѣлы нынѣшней Бессарабіи. Одно преданіе говоритъ, что мармарошскими выходцами, охотившимися за туромъ, была открыта пасѣка русина Яцька, который вывелъ изъ Польши множество южноруссовъ, когда увидѣлъ, что воевода Драгошъ заселяетъ свободныя мѣста сѣверной Бессарабіи венгерскими выходцами. Не мало русиновъ было переселено во второй половинѣ XVII в. молдавскимъ княземъ Александромъ Дукою, который перевелъ ихъ въ свои земли, когда былъ признанъ гетманомъ Украйны. Въ концѣ XVI и началѣ XVII в. в. въ нынѣшній Хотинскій уѣздъ перешло много южноруссовъ изъ Украйны и Волыни.

Однако вскорѣ владычеству румынъ надъ русинами въ предѣлахъ сѣверной Бессарабіи стали наносить удары турки, явившіеся въ Европу въ концѣ первой половины XIV в. Подавляя возстанія приведенныхъ въ зависимость румынъ и воюя съ сосѣдними народами, турки съ конца XV в. постепенно овладѣваютъ рядомъ укрѣплений по берегамъ Чернаго моря и Днѣстра, какъ-то: Киліей, Болградомъ, Аккерманомъ, Бендерами, Хотиномъ съ относящимися къ этимъ укрѣпленіямъ округами. Образовавъ благодаря этому укрѣпленную линію для своей защиты со стороны Польско-Литовскаго и затѣмъ Русскаго государства, турки такимъ образомъ отторгнули значительную часть румынскихъ владѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ, что для насъ особенно интересно, мѣстность, занимаемую теперь бессарабскими русинами. Овладѣвъ г. Хотиномъ и помѣстивъ въ немъ гарнизонъ, турки для продовольствія этого гарнизона причислили къ городу нѣсколько сотъ деревень, составляющихъ теперешній Хотинскій уѣздъ, который получилъ названіе „Хотинской райи“.

Вошедшей въ зависимость отъ турокъ и татаръ [1]) приднѣстровской Бессарабіи, а въ томъ числѣ и русинамъ, нерѣдко приходилось испытывать гнетъ новыхъ завоевателей. Особенной жестокостью отличались турки и татары съ жителями страны въ военное время, такъ какъ при отступленіи имѣли обыкновеніе уничтожать на своемъ пути всякіе признаки человѣческой культуры. Села и города, попадавшіеся туркамъ и татарамъ на пути ихъ отступленія, сжигались и отъ нихъ не оставалось и слѣда. Но на ряду съ этимъ положеніе подчиненнаго туркамъ населенія было относительно говоря удовлетворительно. Въ „Очеркахъ Днѣстра“ мы находимъ слѣдующее замѣчаніе касательно положенія русинскаго населенія въ теперешнемъ

---

[1]) Татары приняли турецкое подданство въ 1475 г.

Хотинскомъ уѣздѣ или „Хотинской райѣ“ во время турецкаго господства:

„Собственно наша Буковина, или, лучше сказать, почти весь Хотинскій уѣздъ составлялъ Райю, владѣніе хотинскаго паши, отчего обитатели его называются доселѣ райянами. Конечно, здѣсь не осталось уже слѣдовъ турецкаго владычества, но мѣстами сохранились еще отличные сады и фонтаны, построенные турками, да кое-гдѣ существуютъ нѣсколько стариковъ (въ Клишковцахъ, Рухотинѣ), которые служили еще у турокъ и передаютъ свѣдѣнія о тогдашнемъ бытѣ, для насъ потерянномъ по неимѣнію письменныхъ памятниковъ, но тѣмъ не менѣе интересномъ. Изъ разсказовъ этихъ однако же можно вывести заключеніе, что крестьянамъ было тогда хорошо, что они не подвергались никакимъ притѣсненіямъ, исключая одного обстоятельства: ни красивой жены, ни хорошенькой дочери нельзя было удержать въ домѣ — турки ихъ непремѣнно переманивали и обращали въ магометанство. Здѣсь жили собственно помѣщики, платившіе извѣстную сумму пашѣ, и жили патріархально. Если же появлялись солдаты изъ хотинскаго гарнизона, то не обходилось безъ насилія, которое однако же не проходило безнаказанно, потому что помѣщикъ, принимая близко къ сердцу потерю крестьянина, ѣхалъ въ Хотинъ и добивался у паши удовлетворенія. Но въ случаѣ пріѣзда какого-нибудь чиновника изъ Константинополя, и если этотъ чиновникъ пошаливалъ, тогда, нечего дѣлать, на его шалости посматривали сквозь пальцы. Безъ сомнѣнія, подобные чиновники пріѣзжали рѣдко, и жизнь райянъ текла мирно. Одно, что турки преслѣдовали и наказывали жестоко—это воровство, и для вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, не было другого исхода, какъ висѣлица, стоявшая постоянно въ хотинской крѣпости. Одинъ старикъ, мой хозяинъ въ Клишковцахъ, разсказывалъ, что родственникъ его какъ-то укралъ на базарѣ простую глиняную трубку. Какъ ни ходатайствовали родные, какъ ни просилъ самъ владѣлецъ трубки,

виновный былъ повѣшенъ. „Такъ-таки, хоть бы укравъ цибулину, то отвезуть до Хотиня и зависять"—заключилъ старикъ и, махнувъ рукою, выразилъ сожалѣніе, что теперь не вѣшаютъ воровъ и что нынѣ не считается грѣхомъ обокрасть человѣка. Въ Хотинѣ и въ то время жили евреи, которые занимались торговлею. Чуть зашелъ кто-нибудь въ еврейскую лавку, а ужъ турокъ и подстерегаетъ выхода покупателя. Узнавъ что и сколько куплено, турокъ идетъ въ турецкую лавку и перевѣситъ товаръ: если отпущено, какъ слѣдуетъ, еврея не трогаютъ, но если покупатель обвѣшенъ,—еврея берутъ и налагаютъ пеню или, смотря по обстоятельствамъ, бьютъ по пятамъ, но за второй проступокъ ведутъ на висѣлицу (стр. 3—4)".

Начавшееся въ эпоху румынскаго господства массовое переселеніе малороссовъ изъ сосѣдней Польши въ Бессарабію не пріостановилось въ періодъ турецкаго владычества. Вслѣдствіе гнета польско-уніатской пропаганды южноруссы продолжали переходить Днѣстръ. Ближайшіе пограничные паркалабы или губернаторы, сорокскій и хотинскій, принимали ихъ подъ свое покровительство, отказывая подъ разными предлогами польскимъ панамъ въ выдачѣ ихъ крестьянъ. За Днѣстромъ, въ предѣлахъ теперешняго хотинскаго и сорокскаго уѣздовъ, эти малорусскіе эмигранты либо увеличивали собою русинскую народность, какъ это было и въ предыдущихъ столѣтіяхъ, путемъ смѣшенія съ русинами, либо образовывали совершенно самостоятельные поселки, сохранившіеся и по настоящее время. Нѣкоторые изъ нихъ, поселившись среди румынъ, съ теченіемъ времени сами орумынились. Въ настоящее время бессарабское побережье Днѣстра, въ особенности въ сѣверной своей части, представляетъ не мало селъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ выходцамъ изъ сосѣдней Галиціи и Подоліи. Эту связь бессарабскаго населенія съ своей прежней родиной можно видѣть изъ сохранившагося и по сію пору на сѣверѣ Хотинскаго уѣзда обычая — ходить 24-го іюня, въ храмовой день

Іоанно-Предтеченской церкви г. Каменца, на такъ называемый отпустъ. Этотъ день, извѣстный въ простонародіи подъ именемъ: „Ивана", „Иванця", привлекаетъ въ Каменецъ толпы бессарабскихъ русиновъ. Среди послѣднихъ можно видѣть много и. молдаванъ. По всей вѣроятности, это все потомки переселившихся когда-то изъ Подоліи въ Бессарабію малороссовъ, по традиціи привыкшихъ чтить церковно-народные праздники своей прежней родины и ходить туда на богомоліе. Такимъ образомъ еще задолго до присоединенія Бессарабіи къ Россіи она была связана съ нашимъ отечествомъ не только единствомъ вѣроисповѣданія, но и племеннымъ родствомъ значительной части населенія.

XVIII-ый и начало XIX-го вѣка, какъ извѣстно, дали цѣлый рядъ русско-турецкихъ войнъ. Ареной ихъ былъ между прочимъ теперешній Хотинскій уѣздъ, возлѣ многихъ селъ котораго происходили битвы русскихъ съ турками, или же разныя операціи русской и турецкой арміи. Такъ, въ 1739 году Минихъ одержалъ знаменитую побѣду при Ставчанахъ, на другой день которой онъ подступилъ къ Хотину и взялъ его. Въ 1769 году, 19-го апрѣля, князь Голицынъ разбилъ турокъ подъ Хотиномъ, но, не имѣя осадной артиллеріи и обезпеченнаго продовольствія, оставилъ мысль объ осадѣ и перешелъ Днѣстръ у нынѣшняго селенія Непоротово. Въ концѣ іюня князь Голицынъ вторично перешелъ Днѣстръ противъ селенія Перебійковецъ и направился къ Хотину въ обходъ буковинскаго лѣса, а затѣмъ 2-го іюля разбилъ турецкую армію у села Данкоуцъ. Такой же ареной войнъ русскихъ съ турками явился хотинскій уѣздъ и въ послѣднюю, до присоединенія Бессарабіи, войну, когда въ 1806 году городъ Хотинъ былъ взятъ генераломъ Эссеномъ. Русская политика за все разсматриваемое время явно клонилась къ отторженію Бессарабіи отъ Турціи. Бухарестскій миръ наконецъ увѣнчалъ успѣхи русскаго оружія. Страна, лежащая между Днѣстромъ и Прутомъ, наконецъ въ 1812 г. была присоединена къ

Россіи. „Такимъ образомъ", говоритъ авторъ „Бессарабіи" (Батюшковъ): „край, бывшій нѣкогда русскимъ, потомъ перешедшій къ Валахіи и Молдавіи и захваченный у нихъ турками, въ заключеніе опять достался Россіи и хотя мало сохранилъ въ себѣ туземнаго русскаго населенія, но зато во время многочисленныхъ войнъ изъ-за него буквально орошенъ былъ кровью лучшихъ сыновъ Россіи и такимъ образомъ приготовленъ для русской гражданственности и русскаго просвѣщенія" [1]. Этимъ туземнымъ русскимъ населеніемъ были русины Хотинскаго уѣзда, оторванные еще въ XIII в. отъ своихъ русскихъ единоплеменниковъ.

---

[1] Стр. 144.

ГЛАВА II.

Обликъ, тѣлосложеніе, характеръ русиновъ и отличіе буковинскихъ русиновъ отъ приднѣстровскихъ.

Типъ бессарабскаго русина не вездѣ одинаковъ. Однимъ онъ является въ Буковинѣ и другимъ въ Поднѣстровьѣ. Подъ вліяніемъ историческихъ условій типъ приднѣстровскаго русина не сохранился въ чистомъ видѣ. Въ Поднѣстровьѣ онъ является смѣшаннымъ въ силу того, что само населеніе этой мѣстности образовалось изъ стариннаго русинскаго элемента и разныхъ выходцевъ изъ Галиціи, Подоліи и отчасти даже изъ Украйны. Совершенно безъ примѣси, чистымъ, является буковинскій типъ и слѣдуетъ сказать, что типъ этотъ въ общемъ красивъ, при чемъ больше красивыхъ встрѣчается мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Замужнихъ женщинъ сильно безобразитъ головной уборъ, позаимствованный отъ сосѣднихъ молдаванокъ.

Лицо русинъ имѣетъ продолговатое и загорѣлое. Самыя черты его у нѣкоторыхъ отличаются большою правильностью. Волосы на головѣ преимущественно темные. Между прочимъ у мужчинъ и по настоящее время сохранился татарскій обычай — бритья головы. Въ этомъ случаѣ они до нѣкоторой степени напоминаютъ прежнихъ запорожцевъ тоже, какъ извѣстно, брившихъ себѣ голову и оставлявшихъ одинъ длинный чубъ или такъ называемый „оселедецъ". Чуба русины, конечно, не носятъ. Обыкновенно подбривается со всѣхъ сторонъ нижняя часть черепа, а на верхней оставляютъ клокъ волосъ. Этотъ остающійся на темени головы клокъ затѣмъ распластывается вокругъ, по сбритымъ ея частямъ, и такимъ образомъ покрывается вся голова; при этомъ спереди обыкновенно оставшіеся несбритыми

волосы подрѣзываются, а сзади оставляются длинными и ниспадаютъ въ обыкновенное рабочее время въ безпорядкѣ по плечамъ, а въ праздничные дни, сильно смазанные саломъ или масломъ, они становятся болѣе прямыми. У нѣкоторыхъ, преимущественно въ Буковинѣ, волосы сзади головы бываютъ настолько длинны, что приближаются по длинѣ къ волосамъ нашихъ священниковъ и отличаются отъ нихъ иногда только тѣмъ, что слегка подрѣзаны. Обычай оставлять длинными волосы возбуждаетъ у сосѣдей насмѣшку; обладателей ихъ называютъ „патлачами" [1]. Отчасти въ лѣтнюю пору, когда русину приходится въ теченіе продолжительнаго времени работать на открытомъ воздухѣ, такой способъ стрижки волосъ на головѣ, быть можетъ, и доставляетъ облегченіе. Зато совершенно обратное бываетъ зимою. Въ этомъ случаѣ единственной защитой для головы служитъ высокая баранья шапка. Обычай сбривать голову, конечно, вытекаетъ не изъ принципа практичности или пользы, а исключительно является пережиткомъ прошлаго, постепенно переходящимъ въ область преданій и воспоминаній, такъ какъ нынѣшняя молодежь ему почти не слѣдуетъ и придерживаются его еще лишь нѣкоторые пожилые, почтенные русины. Бороды, за исключеніемъ нѣкоторыхъ стариковъ, русины, какъ и другіе малороссы, не носятъ. Росту большинство изъ русиновъ средняго; тѣлосложенія крѣпкаго. Толстыхъ и полныхъ среди нихъ почти нѣтъ. Буковинскіе русины болѣе рослы и стройнѣе приднѣстровскихъ.

Въ характерѣ русина есть много родственнаго и общаго съ нашимъ малороссомъ. Онъ вялъ, медлителенъ, неповоротливъ въ своихъ движеніяхъ и меланхо-

---

[1]) См. 7-й т. „Трудовъ экспедиціи" Чужбинскаго, стр. 412, а также „Очерки Днѣстра" Аѳанасьева-Чужбинскаго. Отмѣчаемая особенность сильно сближаетъ по внѣшности бессарабскихъ русиновъ съ закордонными буковинскими, носящими тоже чрезвычайно длинные волосы.

личенъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, сказалась и близость съ сосѣдями — молдаванами. Какъ у малоросса, у него много юмора. Онъ спокоенъ и безпеченъ. Буковинскій русинъ болѣе, чѣмъ приднѣстровскій, гордъ, любитъ независимость и чуждъ приниженности. И тотъ и другой добродушенъ, гостепріименъ, набоженъ и вѣжливъ. При встрѣчѣ другъ съ другомъ, даже съ незнакомыми людьми, русины непремѣнно здороваются. Когда въ рѣчи приходится употребить такія слова, какъ напр.: „свинья", „штаны" и т. п., русинъ никогда не назоветъ ихъ собственнымъ именемъ, а постарается замѣнить другимъ, болѣе, по его мнѣнію, приличнымъ, напр. „свинья" замѣняется словомъ „безрога" (т. е. не имѣющая роговъ), при этомъ и послѣдняго слова онъ не выговоритъ, пока не извинится предъ собесѣдникомъ, хотя бы такимъ образомъ: „выбачьте" или „прощайте за слово". Въ этомъ свойствѣ своего характера русинъ совершенно расходится съ нашимъ великороссомъ, называющимъ слово его собственнымъ именемъ и не испытывающимъ отъ этого ни малѣйшей неловкости. Но на ряду съ этимъ, какъ это ни странно, у русиновъ уживается такая черта, какъ напр. склонность къ брани и притомъ непристойной. Это было еще подмѣчено такимъ наблюдателемъ русинскаго быта, какъ Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ.

Въ его „Очеркахъ Днѣстра" на стр. 6-ой по этому поводу читаемъ слѣдующее: „Относительно брани—я понимаю непристойной—изъ всѣхъ славянскихъ племенъ у руснаковъ самая страшная и разнообразная, что тоже заимствовано отъ молдаванъ, которые ругаются ужаснѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ. На что мастера закавказскіе татары, но и тѣ уступятъ молдавану, особенно если онъ не въ нормальномъ состояніи духа. Такъ и руснакъ, онъ слова не скажетъ, чтобы не пустить энергическаго выраженія, нерѣдко импровизированнаго, но составленнаго чрезвычайно мѣтко. Непристойныя брани, по крайней мѣрѣ въ Райѣ (Хотин. у.), такъ употребительны и до того слились со всѣми дѣйствіями, что не только муж-

чины, но женщины, дѣвушки, даже дѣти обоего пола ругаются публично, не считая стыдомъ произносить самыя вопіющія выраженія. Первый разъ я былъ пораженъ въ селеніи Перебійковцахъ. Мимо моихъ воротъ дѣвочка лѣтъ 8-ми гнала гусей и остановилась поглазѣть на что-то. Гуси своротили съ дороги и зашли во дворъ. Дѣвочка начала выгонять ихъ и при этомъ отпустила двѣ—три такихъ фразы, которымъ позавидовалъ бы лихой фельдфебель, но которыя заставили бы покраснѣть пожилого крестьянина. Мнѣ еще не удавалось слышать ничего подобнаго, и я подумалъ: „Гдѣ могла эта дѣвочка научиться подобнымъ мерзостямъ?" Но не успѣлъ я войти въ квартиру, какъ хозяйка съ горемъ начала жаловаться, что кітка (кошка) выпила мои сливки, и при этомъ послала кіткѣ чудовищно неблагопристойную фразу. Послѣ того, поживя между руснаками, я узналъ, что неприличная брань у нихъ необходимая принадлежность и замѣняетъ всевозможныя проклятія, безъ которыхъ не обходится крестьянинъ, чѣмъ бы онъ ни занимался".

При характеристикѣ русиновъ нельзя обойти молчаніемъ того факта, что населеніе бессарабской Буковины и Хотинскаго Поднѣстровья нѣсколько отличается одно отъ другого. Прежде всего отличіе это сказывается въ общемъ типѣ тѣхъ и другихъ, о чемъ уже была рѣчь выше. Буковинскіе русины гораздо подвижнѣе, предпріимчивѣе и энергичнѣе приднѣстровскихъ. Это замѣтно между прочимъ на занятіяхъ буковинцевъ, которыя довольно разнообразны. У нихъ напр., помимо хлѣбопашества, процвѣтаютъ: садоводство, огородничество (культура чесноку), кустарное производство, извозъ и т. п. Отхожій промыселъ („фальчи", „сроковая работа") также больше развитъ у буковинцевъ. Все это несомнѣнно говоритъ о большемъ развитіи въ населеніи Буковины энергіи. По сравненію съ приднѣстровскими русинами, буковинцы народъ опрятный, щегольской и франтоватый. Вкусъ къ изящному у нихъ больше раз-

вить. Головнымъ уборомъ у мужчинъ, особенно у молодежи, нерѣдко служитъ сѣрая, круглая войлочная шляпа, добываемая контрабанднымъ способомъ изъ-за границы. Языкъ буковинцевъ тоже нѣсколько уклоняется отъ языка ихъ собратій. Правда, это больше замѣтно на акцентѣ ихъ и отчасти на сравнительно большемъ обиліи молдавскихъ словъ и выраженій.

ВНѢШНІЙ БЫТЪ РУСИНОВЪ.

ГЛАВА I.

Одежда и жилище [1].—Домашняя утварь.—Внѣшность русинской деревни.

1. Мужской костюмъ.

Одежда у мужчинъ *лѣтомъ* состоитъ:

1) изъ длинной, широкой, бѣлой полотняной *сорочки* съ широкими, на концѣ открытыми рукавами. Воротника она никакого не имѣетъ;

2) изъ узкихъ, бѣлыхъ полотняныхъ *штановъ*, стягиваемыхъ вокругъ бедеръ такъ называемымъ „очкуромъ". Сорочка носится обыкновенно поверхъ штановъ, а не вкладывается, какъ у великороссовъ или другихъ малороссовъ, въ штаны;

3) изъ широкаго разноцвѣтнаго, льняного *посяса* („крайка"), опоясывающаго сорочку вокругъ средины тѣла. „Крайка" окаймляется узкимъ ремнемъ, унизаннымъ мѣдными пуговицами и разными блестками. Къ ремню привѣшиваютъ на узенькихъ ремешкахъ „калытку" (кисетъ) изъ бараньей кожи и ножъ, а куря-

---

[1]) Описаніе одѣянія и жилища сдѣлано нами отчасти на основаніи статьи „Селеніе Ленковцы, Хотин. у. Историкостатист. описаніе". „Кишинев. Епарх. Вѣдом." 1880 г. № 15.

щій еще огниво для добыванія огня. Нѣкоторые носятъ вмѣсто „крайки“ и ремня вокругъ нея такъ называемый „чересъ“. Это не что иное, какъ широкій ременной поясъ, съ помѣщеніями внутри для денегъ;

4) изъ чернаго, сѣраго или бѣлаго льняного „*чугая*“ (сардака)—родъ пальто;

5) изъ „*чоботъ*“ (сапоги), „*постоловъ*“ (лапти) и „*черевыкiвъ*“ (башмаки). „Черевыки“ носятся только въ Буковинѣ. Обертываются ноги „онучами“;

6) изъ „*капелюха*“, соломеннаго, домашняго издѣлія, или войлочнаго сѣраго, добываемаго изъ-за границы и по преимуществу носимаго въ Буковинѣ. Соломенные „капелюхи“ (шляпы) приготовляются молодежью довольно искусно, иногда съ замысловатыми узорами и не носятъ отпечатка грубости. У нѣкоторыхъ попадаются „капелюхи“ прямо щегольскіе, носить которые не отказываются даже лица некрестьянскаго сословія. Молодежь украшаетъ свои шляпы лентами, чаще краснаго цвѣта, а иногда и цвѣтами.

Зимой мужчины носятъ:

1) поверхъ полотняныхъ штановъ бѣлые или темные, узкіе льняные штаны („*гачи*“) или „*мыгшыгны*“ (штаны изъ бараньей кожи шерстью внутрь);

2) „*кожухъ*“ (тулупъ), надѣваемый непосредственно на сорочку, а поверхъ него еще „сардакъ“. „Кожухъ“ отличается отъ великорусскихъ и малорусскихъ тулуповъ тѣмъ, что шьется прямо безъ всякихъ въ таліи складокъ и безъ воротника. Воротниковъ, за исключеніемъ „манты“, о которой рѣчь будетъ ниже, русины не пришиваютъ ни къ какому платью, считая воротникъ „панскою“ затѣей, къ которой они питаютъ какую-то антипатію и пренебреженіе. По формѣ „кожухъ“ похожъ на мужское пальто съ тѣмъ различіемъ, что снаружи, кругомъ пояса, нашиваются изъ краснаго сукна своеобразные цвѣты;

3) *„кучму“*, т. е. высокую овечью шапку, черпаго или сѣраго цвѣта [1]);

4) *„рукавыци“* (перчатки), дѣлаемыя изъ простой шерсти съ однимъ большимъ пальцемъ при помощи деревяннаго крючка.

Для защиты въ ненастную погоду одѣваютъ *„манту“*—родъ бурки, сзади которой прикрѣпляется небольшой льняной четвероугольникъ, прикрывающій голову.

Въ Буковинѣ носятъ еще *„мунтянъ“* — маленькій тулупчикъ — безрукавку, украшенный снаружи сафьяновыми ремешками различныхъ цвѣтовъ (красокъ). По преимуществу носятъ его мужчины лѣтомъ.

2. Женскій костюмъ.

Женскій нарядъ, въ общемъ напоминая малорусскій, несмотря на простоту, имѣетъ однакоже, особенно у дѣвушекъ, очень красивыя подробности. Онъ состоитъ лѣтомъ изъ:

1) длинной, узкой, бѣлой полотняной *сорочки* съ широкими, на концѣ открытыми, рукавами, съ разноцвѣтными вышивками на грудяхъ, рукавахъ и плечахъ („плечками“), общемалорусскаго узора, и съ засчинками на грудяхъ;

2) широкой, темной или съ красноватымъ отливомъ льняной *„горботки“* или *„катринци“* съ двумя пришитыми къ ней узенькими, разноцвѣтными льняными поясками („баюрами“ или „баюрками“) для подвязыванія „горботки“ кругомъ тѣла. Въ настоящее время, подъ молдавскимъ вліяніемъ, практичная, крѣпкая „горботка“ смѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безобразными по формѣ черными юбками;

---

[1]) „Кучму“ носятъ и лѣтомъ. Лѣтомъ и зимою молодежь, преимущественно парубки, носитъ на шеѣ платокъ или иначе, „басму“, служащую своего рода видомъ франтовства.

3) широкаго, разноцвѣтнаго льняного *пояса* („крайки"—почти одинаковой съ мужской), надѣваемаго поверхъ „горботки";

4) „*чугая*" (сардака) — одного происхожденія съ мужскимъ;

5) „*черевыкъ*" кожаныхъ, замѣняемыхъ зимою сапогами;

6) разноцвѣтнаго „*платка*" (у дѣвушекъ) и „*рушныка*" (утиральника—у замужнихъ женщинъ) красивыхъ узоровъ. Послѣдній головной уборъ, принимающій форму то „*кычки*", то „*кырпы*" заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Носится онъ только замужними женщинами. Обыкновенно волосы на темени складываются въ формѣ квадратика, на который, для возвышенности убора, накладываются сверху тряпки, обвязываемыя платкомъ. Затѣмъ, носящія „кырпу" (Буковина) придаютъ убору, покрываемому сверху „рушныкомъ", четвероугольную форму, а носящія „кычку"—круглую. Иногда бѣлый „рушныкъ" замѣняется цвѣтнымъ платкомъ (въ Поднѣстровьѣ) съ сохраненіемъ формы головного убора. Въ общемъ послѣдній некрасивъ и безобразитъ лицо женщинъ. Въ праздничные и воскресные дни дѣвушки носятъ иногда на головѣ вѣнки, которые они приготовляютъ себѣ сами изъ маленькихъ „цятокъ" (стеклярусъ), „кодъ" (лентъ), искусственныхъ цвѣтовъ, павлиныхъ перьевъ и т. п. Эти вѣнки называются „карабулями" и ихъ носятъ лишь тѣ дѣвушки, которыя „ходя вже на танецъ", т. е. танцуютъ съ парубками. Эти вѣнки, придающіе ихъ носительницамъ что-то индѣйское, благодаря обилію павлиныхъ перьевъ, носятся въ Буковинѣ. Въ Приднѣстровьѣ приготовляются и носятся дѣвушками вѣнки обычнаго малорусскаго образца;

7) „*кожуха*". Послѣдній бываетъ такой же, какъ у мужчинъ, только длиннѣе, почти до пятокъ. „Кожухъ" этотъ надѣваютъ даже лѣтомъ, но, правда, только въ церковь;

8) *„цятокъ“* (мониста), украшающихъ шею, преимущественно дѣвушекъ.

Зажиточныя женщины и дѣвушки, кромѣ „кожуха“, шьютъ изъ кошачьяго мѣха шубу, похожую по формѣ на „кожухъ“ и покрытую темносинимъ или чернымъ сукномъ, и въ такомъ случаѣ эта шуба носитъ названіе *„контуша“*. Послѣдній, впрочемъ, больше переходитъ въ область преданій. Иногда женщины и дѣвушки лѣтомъ для легкости носятъ по праздникамъ *„зубоны“*— длинныя кофты изъ черной или полосатой матеріи. Въ послѣднее время стали входить въ моду у женщинъ и дѣвушекъ, даже и у мужчинъ, особаго рода *„бурнусы“*—подъ молдавскимъ вліяніемъ. „Бурнусы“, верхнее одѣяніе, являющееся чѣмъ-то въ родѣ пальто.

Что касается зимней одежды у женщинъ, то она почти та же, что и лѣтомъ, съ тою разницею, что обычно носится „кожухъ“, надѣваемый въ лѣтнее время только въ праздникъ, „сардакъ“ или „чугай“ или же „бурнусъ“, да на ноги надѣваются сапоги. Какъ и у мужчинъ, у женщинъ иногда бываетъ „манта“.

Вообще относительно одежды надо сказать, что русины народъ скорѣе консервативный и туго поддающійся разнаго рода новшествамъ въ одѣяніи. Всякое измѣненіе уборовъ и одѣяній считается, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, предосудительнымъ и вызываетъ со стороны многихъ однѣ лишь насмѣшки, въ родѣ слѣдующей: „А дивится, такій-то, або така-то, вже пнутся до панства (смотрите, такой-то или такая-то, хотятъ быть панами)“. Правда, нельзя отрицать того факта, что незамѣтно время дѣлаетъ свое дѣло, и нѣкоторыя измѣненія въ одѣяніи русиновъ постепенно прокрадываются, особенно подъ вліяніемъ сосѣднихъ молдаванъ (напр. замѣна „горботки“ юбкой, „сардака“ коротенькимъ молдавскимъ „бурнусомъ“ и т. п.). Естественно, что больше поддаются модѣ села, соприкасающіяся съ молдавскими поселеніями. Болѣе удаленныхъ придпѣстровскихъ русиновъ эти измѣненія мало коснулись.

3. Жилище.

Жилище русина состоитъ изъ:

1) *хаты.* Дома у русиновъ строятся не по строго опредѣленному плану, какъ это бываетъ напр. у великороссовъ, а гдѣ попало, смотря по тому, какъ это кажется удобнѣе для строящаго. Въ виду этого ровныхъ и прямыхъ улицъ въ русинскихъ поселеніяхъ нечего искатъ. Дома всегда почти бываютъ обращены главнымъ фасадомъ своимъ на югъ. Дѣлаются всѣ хаты изъ дерева, а затѣмъ обмазываются снаружи и внутри глиною, отчего русинская хата—та же малороссійская мазанка. Строятъ дома русины большею частью сами, не приглашая для этого особыхъ мастеровъ. Самая постройка хаты происходитъ слѣдующимъ образомъ. Въ главныхъ мѣстахъ, преимущественно по угламъ, вкапываютъ „сохи" (столбы), на нихъ устанавливаютъ и укрѣпляютъ „платвы" (балки), на которыхъ для крыши укрѣпляютъ довольно высокія, сбитыя вверху „кроквы"; поверхъ „кроквъ" прибиваются кругомъ „латы", а затѣмъ покрываютъ крышу соломою, въ количествѣ 3 — 5 возовъ. Изрѣдка покрывается хата „очеретомъ". Очеретъ укладывается на крышѣ толстыми слоями, одинъ поверхъ другого, благодаря чему нижняя часть крыши имѣетъ форму правильныхъ уступовъ. Такихъ уступовъ бываетъ три—четыре. Верхушка крыши покрывается однако, какъ и вездѣ, мятою соломою [1]).

Въ Буковинѣ, благодаря обилію лѣса, постепенно входитъ въ употребленіе деревянный верхъ (гонта, драница). Для устройства стѣнъ хаты кругомъ между столбами вбиваются первоначально колья изъ дерева, укрѣпляемые вверху въ пробуравленную балку, а внизу закапываютъ ихъ прямо въ землю. Дѣло въ томъ,

---

[1]) „Труды экспедицій" Чубинскаго, 7-й т. стр. 379.

что хаты эти строятся безъ всякаго фундамента. Колья сбиваются рядомъ, одинъ отъ другого приблизительно на полъ аршина, и затѣмъ огораживаются или прутьями, которые послѣ этого тщательно замазываются глиною, или же обкидываются особымъ составомъ, приготовляемымъ изъ глины, смѣшанной съ соломой. Затѣмъ на нѣкоторое время хата оставляется для сушки. Когда она подсохнетъ какъ слѣдуетъ, стѣны снова обмазываются, раза два, и на нихъ выравниваются всѣ шероховатости при помощи той же глины, смѣшанной съ „половой" или навозомъ. Потолокъ дѣлается обыкновенно изъ толстыхъ прутьевъ, вкладываемыхъ параллельно по внутреннимъ верхнимъ балкамъ, перекинутымъ черезъ такъ называемый „сволокъ" (капитальная балка посреди дома, на которой укрѣпляется потолокъ).

Таже самая исторія повторяется и при устройствѣ стѣнъ. Кругомъ стѣнъ, главнымъ образомъ съ передняго фасада, устраивается „прысьба" (заваленка). Послѣ всего этого домъ бѣлятъ „вапномъ" (известью) и вкладываютъ окна, двери и все необходимое для окончательнаго устройства дома. Дымовой трубы или „комина" обыкновенно не бываетъ. Величина дома вездѣ почти одинакова. Размѣръ его бываетъ приблизительно 9 аршинъ длины и 8 ширины. Конечно, бываютъ хаты больше и меньше; это уже зависитъ отъ достатка хозяина.

Хата обыкновенно состоитъ изъ трехъ частей: 1) большой хаты, 2) сѣней и 3) малой хаты или „хатчыны". Сѣни занимаютъ средину между этими двумя частями дома. Если же хозяинъ бѣденъ, то изба его состоитъ изъ одной только жилой комнаты и затѣмъ сѣней, предназначаемыхъ часто для сваливанія разной домашней рухляди, хлѣба и т. п. Въ домѣ существуютъ три двери: наружныя, ведущія въ домъ, затѣмъ изъ сѣней однѣ ведутъ въ „вылыку хату", а другія въ „хатчыну". Иногда для болѣе удобнаго сношенія съ другими хозяйственными обзаведеніями устраиваются сквозныя двери, черезъ сѣни, называемыя затыль-

ными. Въ домѣ второго типа двѣ двери, одна снаружи, а другая изъ сѣней въ жилую комнату. Оконъ въ домѣ пять: три въ большой комнатѣ и два въ малой; въ домѣ меньшихъ размѣровъ ихъ всего три. Поломъ въ домѣ служитъ земля, обмазанная глиной. Внутри находится „пічь“ для приготовленія кушаній и „грубка“ (печка).

Внутреннее убранство комнатъ слѣдующее. На почетномъ мѣстѣ или въ такъ называемомъ красномъ углу помѣщаются иконы. Иконы пріобрѣтаются на базарѣ у лубочныхъ маляровъ, по преимуществу великороссовъ, за дешевыя цѣны и при покупкѣ руководствуются, понятно, не столько художественностью рисунка, сколько величиной, яркостью красокъ и дешевизной. Большей частью пріобрѣтаются иконы съ изображеніемъ нѣсколькихъ святыхъ. За иконы, въ лѣтнее и осеннее время, любятъ ставить въ качествѣ украшенія цвѣты, особенно распространенные „купчаки“ и васильки. Меблировка комнатъ неприхотлива. Около печки устраивается обыкновенно досчатая постель, прикрѣпленная на четырехъ столбахъ, вбитыхъ въ землю. Затѣмъ у стѣнъ тянется длинная лавка. Простой деревянный столъ ставится подъ иконами. Смотря по состоянію, постель и лавки покрываются сперва „пыслою“ (войлокомъ изъ овечьей шерсти), а потомъ „веретою“ или же „палавникомъ“ и „килимомъ“. Нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ прибиваютъ на стѣнкахъ коврики, хотя на стѣнахъ они встрѣчаются довольно рѣдко [1]).

Состоятельные русины, особенно если въ семействѣ есть дѣвушки-невѣсты, складываютъ на кроватяхъ нѣсколько подушекъ, наполненныхъ большею частью жесткими куриными перьями, и вышитыхъ по краямъ синею или красною заполочью (бумажныя цвѣтныя нитки).

---

1) „Труды экспедиціи“ Чубинскаго, 7-й т. стр. 387.

Вверху, близъ потолка, параллельно постели въ каждомъ домѣ устраивается „жердка“ (нѣчто въ родѣ вѣшалки). На „жердкѣ“ складываются почти всѣ лишнія домашнія вещи, какъ-то: „кожухи“, рубахи, рядна, войлоки, ковры, холстъ и т. п., а въ домахъ, гдѣ есть дѣвушки-невѣсты— приготовленное для нихъ домашнее приданое, состоящее изъ ковровъ, холста и проч.

Остальная комнатная мебель состоитъ изъ: „мисника“ (шкафъ открытый для склада посуды), „ослина“ (деревянная скамейка для сидѣнія), „стільчыка“ (низкій табуретъ) и „полыци“ (полки), устраиваемой выше оконъ, кругомъ стѣнъ, параллельно лавкѣ и предназначаемой для склада хлѣба, мамалыги, горшковъ и вообще посуды, если послѣдняя не умѣщается въ „мисникѣ“;

2) *плетня* или *каменной ограды* („муръ“). Въ послѣднемъ случаѣ камень укладывается прямо безъ всякой глиняной известковой связи и никогда не обмазывается. Изрѣдка устраиваются „парканы“, т. е. дощатые заборы. Посреди ограды простыя деревянныя ворота для въѣзда съ улицы. Бѣдняки не строютъ никакой ограды, а ставятъ свой домъ заднимъ фасадомъ къ саду или огороду. Вся же усадьба обыкновенно обносится земляной насыпью или „окопомъ“ съ „повіемъ“ для защиты огородовъ отъ нашествія разнаго домашняго скота, въ родѣ свиней, телятъ и т. п.;

3) *гумна* („тікъ“), на которомъ нерѣдко устраивается „стодола“ — помѣщеніе для склада хлѣба и молотьбы его въ зимнее время и въ непогоду;

4) *огорода.* Огородъ бываетъ у каждаго хозяина. Кромѣ того у большинства бываетъ еще и *садъ*, а буковинскіе сады извѣстны во всей губерніи. Въ саду или огородѣ у нѣкоторыхъ бываетъ и пасѣка;

5) „*оборъ*“ (загона для скота). Здѣсь же по большей части устраиваются: „кошара“ (загонъ для овецъ) и конюшня. На конюшнѣ крыша дѣлается изъ соломы, а стѣны обмазываются глиной; загоны для овецъ и другого скота рѣдко имѣютъ крышу. Для прочихъ домашнихъ животныхъ: свиней, куръ, гусей и

утокъ строются: „кучи" и различные хлѣвы. Помимо указаннаго, еще бываютъ: „шопы"—для склада хозяйственныхъ орудій, приспособленій, телѣгъ и т. п. и „коморы" — для храненія съѣдобныхъ хозяйственныхъ запасовъ. Наконецъ у каждаго русина бываютъ еще „кошницы" — одна или больше, смотря по достатку. Это помѣщеніе для кукурузы въ початкахъ („кочапахъ"). „Кошница" имѣетъ форму овала, нѣсколько вытянутаго, и устраивается на столбахъ. Стѣны ея плетневыя изъ прутьевъ (бываютъ и дощатыя). Верхъ она имѣетъ соломенный, камышевый или изъ кукурузныхъ стеблей. Насыпается кукуруза (никогда въ зернѣ, а только въ початкахъ) въ кошницу сверху, черезъ крышу, а выбирается черезъ маленькія дверцы внизу, что производится безъ особеннаго труда, благодаря давленію кукурузы сверху. Въ виду того, что стѣнки кошницы плетневыя, кукуруза прекрасно вентилируется и никогда почти не имѣетъ специфическаго залежалаго запаха.

4. Домашняя утварь и земледѣльческія орудія.

Домашнюю утварь составляютъ:

горшки,
„гладущи" (сосудъ для молока),
„макитра" (большая глиняная лохань),
„чавунъ" (чугунный сосудъ для приготовленія мамалыги, имѣющій форму небольшого котла),
„мыски" и „полумыски",
ложки,
„макогінъ" — деревянная палочка съ утолщеніемъ на одномъ концѣ для растиранія,
„казанъ" (ведро),
„рынка" (глиняная сковорода),
корыто,
дижа для тѣста,

„дижка“ (бочка) и „дижечка“ — боченокъ для воды,
„цеберъ“—деревянная лохань,
„диныца“ — деревянный сосудъ для доенія коровъ,
„цидылко“—сосудъ для процѣживанія молока,
сито,
ножи,
„коцюба“ (кочерга),
сокира;
„барда“.

„Барда“ употребляется собственно для обтесыванія и, по замѣчанію Аѳанасьева-Чужбинскаго, есть не что иное, какъ молдавскій топоръ, нигдѣ не встрѣчающійся, кромѣ Бессарабіи. Полное очертаніе барды напоминаетъ великорусскій топоръ, но вырѣзка въ этомъ снарядѣ дѣлаетъ его болѣе легкимъ и удобнымъ.

Плугъ, борона, вилы, грабля, коса, рало — тѣ же почти, что и на Украйнѣ, только воловыя ярма еще допотопнѣе малорусскихъ. Въ послѣднее время стали проникать болѣе современныя земледѣльческія орудія, какъ напр. Сакковскіе плуги. Конныя повозки не похожи на великорусскія и всегда дѣлаются съ дышломъ; даже тотъ, у кого одна лошадь, запрягаетъ ее въ дышло. При ѣздѣ на лошадяхъ у русиновъ общее съ молдаванами обыкновеніе— летѣть въ карьеръ или по крайней мѣрѣ хорошей рысью съ горы [1]).

Чтобы покончить съ описаніемъ жилища русиновъ, остановимся еще нѣсколько на описаніи русинской деревни.

5. Внѣшность русинской деревни.

Русинская деревня отчасти напоминаетъ малороссійскую. Отсутствіе всякой симметріи и какого-бы то

---

[1]) См. „Очерки Днѣстра“ Аѳанасьева-Чужбинскаго 63—64 стр.

ни было плана въ размѣщеніи хатъ и другихъ построекъ— ея характерная черта. Рѣдкое русинское село расположено на ровномъ мѣстѣ. Большею частью оно ютится гдѣ-нибудь въ котловинѣ или раскинуто на большомъ косогорѣ или „горбахъ“ (холмахъ). Это объясняется тѣмъ, что весь почти Хотинскій уѣздъ, въ которомъ живутъ русины, отличается холмистыми, волнообразными очертаніями поверхности. При въѣздѣ вся деревня зачастую открывается, какъ на ладони. Сразу же глазъ пріятно отдыхаетъ на разбитыхъ подлѣ каждаго почти дома садахъ и садикахъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны буковинскія села, гдѣ положительно при каждомъ домѣ существуетъ садъ, разбитый иногда на нѣсколькихъ десятинахъ земли. Благодаря богатой зелени, русинское село носитъ веселый характеръ. Въ особенности отрадное впечатлѣніе производитъ сѣверная бессарабская деревня на того, кто путешествуетъ изъ южныхъ уѣздовъ. Молдавскія села въ Бѣлецкомъ и отчасти въ Сорокскомъ уѣздахъ, вслѣдствіе отсутствія какой-бы то ни было зелени и растительности подлѣ домовъ, производятъ на каждаго, кому случалось бывать въ нихъ, крайне тяжелое, удручающее впечатлѣніе. Но являясь привлекательной въ указанномъ отношеніи, русинская деревня, правда, не каждая, страдаетъ слѣдующимъ недостаткомъ. Многія села въ Хотинскомъ уѣздѣ, по берегу Днѣстра, особенно въ мѣстностяхъ, отличающихся отсутствіемъ лѣсовъ, цѣлое утро и весь вечеръ окутаны бѣлесоватымъ туманомъ, являющимся дымомъ, который получается вслѣдствіе топки кизякомъ. Въ особенности это явленіе замѣтно въ тихую погоду. Дымъ этотъ, получающійся отъ горѣнія пересохшаго навоза, крайне ѣдокъ и удушливъ и возбуждаетъ въ попавшемъ въ такую русинскую деревню, въ утренніе и вечерніе часы, самое непреодолимое и искреннее желаніе— поскорѣе изъ нея выбраться.

Подлѣ села очень часто бываетъ одинъ или больше „вітряківъ“ (вѣтряныхъ мельницъ). Въ самомъ центрѣ деревни находится церковь, иногда старенькая, дере-

вянная, съ покривившимися стѣнами и куполами на ней. Впрочемъ такихъ церквей, смахивающихъ болѣе на обыкновенные дома, и архитектура которыхъ относится еще къ самому началу минувшаго столѣтія, становится все меньше и меньше. Вблизи церкви виднѣется часто школа. Въ селѣ же, а иногда за селомъ, рѣзко выдѣляются своею архитектурой два—три дома— это или домъ помѣщика и его управляющаго или арендатора имѣнія. Посреди села очень часто протекаетъ ручей, сбѣгающій въ Днѣстръ, куда „молодыци и дівчата" собираются для стирки бѣлья, а „хлопци" гонятъ скотъ на водопой.

Улицы въ деревнѣ узкія и неровныя и состоятъ исключительно почти изъ разныхъ закоулковъ и переулковъ. Большая часть домовъ обращена лицевой стороной на улицы, и всѣ хаты смотрятъ на югъ. Какъ выше замѣчено, дома покрыты соломой, причемъ большинство „пошито" снопами (т. е. верхъ дома крытъ соломенными снопами, прикрѣпленными одинъ къ другому). Возлѣ каждаго дома существуетъ ограда или плетень, на который хозяева выбрасываютъ для просыханія въ лѣтнее время кизякъ. Кизякомъ же обкладывается лѣтомъ и весь домъ (тоже для сушки его). За оградой виднѣются разныя: „кучи", „кошары", „шопы", „кошницы" и т. п. хозяйственныя приспособленія. На „оборі" (загонъ для скота) виднѣются волы—это любимое животное малоросса, столь сродное его флегматичному темпераменту. Если хозяинъ не держитъ воловъ, то на „подвірю" (дворъ) находится пара лошадей, такъ какъ русинъ всегда ѣздитъ парой, а не одной лошадью, какъ великороссъ.

Каждый домъ имѣетъ „прысьбу" (заваленку) и выкрашенъ, кромѣ затыльной стороны, бѣлою известкою. Дома содержатся опрятно, такъ какъ часто мажутся снаружи и внутри. Въ бессарабской Буковинѣ бѣлизна и чистота избы доведена до крайности. Здѣсь при побѣлкѣ избъ употребляютъ не простую бѣлую глину, какою пользуется остальное малорусское населеніе,

а гипсъ, который несравненно прочнѣе держится на стѣнкахъ и превосходитъ своею бѣлизною не только глину, но даже и мѣлъ [1]).

Таковъ въ общемъ видъ русинской деревни. Таковы, за небольшими исключеніями, и буковинскія села. Отличаются они отъ приднѣстровскихъ селъ только гораздо большимъ развитіемъ садовой растительности, а ядро Буковины, гдѣ сгруппированы девять большихъ селъ, напоминаетъ одну необыкновенно громадную деревню, всю тонущую въ садахъ.

---

[1]) „Труды экспедиціи" Чубинскаго, 7-й т. стр. 387.

ГЛАВА II.

Пища. Занятія: хлѣбопашество, огородничество, садоводство, рыболовство, пчеловодство, скотоводство, извозъ, кустарное производство, сплавъ лѣса и камня, отхожіе промыслы.

6. Пища.

Говоря о пищѣ, мы будемъ имѣть въ виду исключительно тѣ роды ея, которые отличаются чисто мѣстнымъ характеромъ.

Въ пищу русины повсемѣстно употребляютъ такъ называемую „мамалыгу". Мамалыгу употребляютъ въ пищу только въ Бессарабіи, и, пожалуй, въ прилегающихъ мѣстностяхъ сосѣднихъ губерній— Подольской и Херсонской, отчего она можетъ быть названа чисто національной бессарабской пищей. Приготовляется мамалыга изъ кукурузной муки, и самое приготовленіе ея производится слѣдующимъ образомъ. Въ небольшой чугунный котелокъ наливаютъ воды и доводятъ ее до температуры кипѣнія (иногда въ котелокъ вливается уже кипяченная вода). Затѣмъ въ воду, для того, чтобы приготовляемая мамалыга не имѣла приторнаго вкуса, бросаютъ небольшое количество соли и вслѣдъ затѣмъ начинаютъ понемногу подсыпать кукурузной муки; муки бросаютъ столько, сколько и какой величины собираются приготовить мамалыгу. Послѣ этого заставляютъ брошенную въ котелъ муку прокипятиться вмѣстѣ съ водой. Когда она достаточно прокипятится, котелокъ снимаютъ съ огня и особой, спеціально для этой цѣли предназначенной, небольшой деревянной палочкой вымѣшиваютъ муку. Наконецъ ставятъ на нѣсколько времени котелъ опять на огонь, и когда получившаяся масса сдѣлается плотной до того, что при-

метъ форму котла, ее выбрасываютъ на чистую дощечку или на низенькій круглый столъ, имѣющійся для этой цѣли. Разрѣзываютъ мамалыгу ниткой. Собственно говоря, мамалыга является вареннымъ хлѣбомъ изъ кукурузной муки и по вкусу отчасти напоминаетъ блины. Печеный же хлѣбъ изъ той же муки носитъ названіе „малая“. Мамалыга вообще замѣняетъ хлѣбъ и ее готовятъ ежедневно два раза, утромъ и вечеромъ. Кушаютъ ее съ борщомъ, молокомъ, творогомъ, масломъ, солеными огурцами, „брынзой“, „саламахой“ и. т. п. Заслуживаетъ упоминанія приготовленіе двухъ послѣднихъ родовъ пищи, какъ тоже чисто мѣстныхъ.

„Брынза“ приготовляется слѣдующимъ образомъ. Полученное отъ овецъ молоко свертывается посредствомъ вливанія въ него особо приготовленной жидкости, называемой „глягомъ“, отчего и самый процессъ этотъ называется „глягаціемъ“. Когда молоко свернется, его отцѣживаютъ на рѣдкомъ шерстяномъ цѣдилѣ, послѣ чего получается „будзъ“. „Будзъ“ прежде, чѣмъ приготовить изъ него „брынзу“, нѣсколько дней просушиваютъ, а затѣмъ разрѣзываютъ на небольшіе ломти или квадратики, сильно пересоливаютъ ихъ и складываютъ въ кадушки, нажимая ломти „будза“ прессомъ. „Брынза“ бываетъ двухъ сортовъ. Лучшій сортъ или настоящая „брынза“ (жирный сыръ) всегда приготовляется изъ чистаго „будза“, а низшій („тощій сыръ“) изъ такъ называемой „урды“—тоже черезъ перетираніе и пересоливаніе [1]).

„Саламаха“—постное блюдо — приготовляется изъ чесноку. Чеснокъ изрѣзывается на мелкіе кусочки, затѣмъ при помощи особаго устройства „макогона“ (небольшая деревянная палочка съ утолщеніемъ на одномъ концѣ) растирается въ мискѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ формы мягкой массы. Эту, полу-

---

[1]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Хотинскому уѣзду“ стр. 275.

чившуюся такимъ способомъ изъ чесноку мякину разводятъ чѣмъ-нибудь кислымъ, обыкновенно домашнимъ квасомъ, иногда уксусомъ, разведеннымъ водою, подливаютъ немного для вкуса „олію" (конопляное масло), и „саламаха" готова.

Въ Буковинѣ изъ сырыхъ сливъ приготовляютъ особаго рода „повидло", напоминающее по своей массѣ масло. Цвѣта это масло чернаго. Вкусъ оно имѣетъ кисловатый и хорошо приготовленное довольно пріятно.

Ѣдятъ русины въ день обыкновенно четыре раза: утромъ, часовъ въ восемь, обѣдъ, въ двѣнадцать — полдникъ, предъ закатомъ солнца—„підвечирикъ" и передъ отходомъ ко сну—„вечерю" или ужинъ.

7. Занятія.

Всѣ бессарабскіе русины поголовно *хлѣбопашцы*. Земля—это ихъ самый главный и наиболѣе вѣрный источникъ къ существованію. Количество земли не у всѣхъ одинаково. Въ однихъ поселеніяхъ на долю хозяина выпадаетъ по 8 десятинъ, въ другихъ по 4, а есть селенія, какъ напр. въ Буковинѣ, гдѣ бываетъ и меньше того. Въ общемъ нужно сказать, что земли у нихъ мало, такъ какъ представители семьи, получившей по бывшему надѣлу примѣрно четыре десятины, въ настоящее время имѣютъ всего одну какую-нибудь десятину, а многіе изъ молодоженовъ и вовсе остаются безъ земли. Въ противоположность великорусскимъ семействамъ у русиновъ существуетъ раздѣлъ семьи при жизни отца, такъ что выбывшіе изъ семьи сынъ или дочь очень часто остаются совершенно безъ земли. Сынъ, еще случается, получаетъ немного ея отъ своей прежней семьи. Что же касается дочери, то, кромѣ разнаго домашняго тряпья, ей ничего не достается. Въ виду этого большинство молодоженовъ выпуждено за землей обращаться къ окружнымъ помѣщикамъ, или вообще къ лицамъ, отдающимъ землю въ арендное

пользованіе. Къ тому же очень часто, будучи вынуждены малоземельемъ, прибѣгаютъ и владѣльцы небольшихъ надѣловъ. Не взирая на малоземелье, самая обработка земельныхъ участковъ чужда у русиновъ разныхъ усовершенствованій. Даже удобреніе земли рѣдко гдѣ производится.

Данныя на этотъ счетъ даетъ „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній". „Хотя большинство крестьянъ и сознаетъ пользу удобренія, и хотя во многихъ селеніяхъ съ нечерноземною, глинистою почвою болѣе зажиточные хозяева уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ стали вывозить на свои нивы навозъ, но тѣмъ не менѣе правильнаго удобренія въ Хотинскомъ уѣздѣ нѣтъ. Въ селеніяхъ съ черноземною почвою удобреніе полей навозомъ почти не встрѣчается нигдѣ, во—первыхъ, потому, что на черноземѣ, несмотря на значительное уже истощеніе его, вслѣдствіе отсутствія пара и безпрерывнаго воздѣлыванія растеній, пока все еще получаются довольно сносные урожаи, и необходимость удобренія не такъ настоятельна, а, во—вторыхъ, потому, что въ черноземной части уѣзда, вслѣдствіе незначительнаго количества лѣса, почти весь навозъ идетъ на топливо въ видѣ кизяка. Въ нечерноземной части уѣзда, съ преобладаніемъ суглинистой почвы, хотя удобреніе и встрѣчается, но находится пока въ совершенно зачаточномъ состояніи" [1]).

У помѣщиковъ, обладающихъ большими средствами и имѣющихъ возможность поставить свое хозяйство раціональнѣе, хлѣбопашество идетъ, конечно, несравненно лучше, нежели у поселянъ. Послѣдніе же не только не имѣютъ средствъ пріобрѣсть по примѣру помѣщиковъ для улучшенія своего хозяйства какія-либо современныя, усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, но они, по своей врожденной безпечности, не всегда содержатъ въ исправности и тѣ хо-

---

1) „Сборникъ статист. свѣдѣній по Хотин. уѣз.", стр. 320.

зяйственныя орудія, которыя унаслѣдованы ими отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ самое послѣднее время польза введенія усовершенствованныхъ машинъ и орудій стала все больше и больше проникать въ сознаніе русиновъ, которые стараются по возможности замѣнить первобытные деревянные плуги совершенными Сакковскими плугами. Такъ напр. поселянамъ Романкоуцкой волости выдано на льготныхъ условіяхъ Хотинской земской управой въ 1903 году 95 плуговъ фабрики Сакка. Многія ходатайства оставлены указанной управой, идущей навстрѣчу возникающей въ населеніи потребности, безъ удовлетворенія вслѣдствіе независящихъ отъ нея причинъ. Управой поднятъ даже вопросъ объ организаціи сельско-хозяйственныхъ складовъ [1]). Поэтому надо надѣяться, что обработка полей въ недалекомъ будущемъ будетъ среди русиновъ болѣе раціональной и отвѣчающей потребностямъ времени.

По причинѣ малоземелья русины вообще народъ небогатый. Помимо малоземелья, виной тутъ отчасти и характерная черта ихъ—безпечность. Впрочемъ тутъ нужно различать приднѣстровскихъ русиновъ отъ буковинскихъ. Послѣдніе энергичнѣе первыхъ. Это объясняется до нѣкоторой степени тѣми неблагопріятными условіями, въ какія они поставлены, благодаря малоземелью. Интересно здѣсь провести параллель между тѣми и другими. Имѣя незначительный клочокъ земли, буковинцы употребляютъ всѣ усилія на то, чтобы извлечь изъ послѣдняго по возможности больше пользы. Они помимо того, что холятъ свою землю, какъ умѣютъ, во время и умѣло сѣютъ и убираютъ съ нея, стараются еще на имѣющемся клочкѣ сѣять только то, что этотъ клочекъ имъ больше можетъ дать. Если, допустимъ, извѣстная земля въ состояніи дать больше

---

[1]) „Хотинское земство. Отчеты, доклады, смѣты, раскладки Хот. уѣзд. зем. управы“ 1903 г., стр. 31 и 246—253.

и притомъ лучшаго качества ржи, они ею засѣваютъ поле, если—кукурузы, то поле засѣвается исключительно кукурузой и т. д. Такимъ же образомъ буковинцы обращаются и съ усадебнымъ участкомъ своей земли. Мало того, что они никогда не допускаютъ, чтобы онъ пустовалъ и заросталъ сорными травами, они даютъ ему по преимуществу такое назначеніе, которое обезпечивало бы ихъ большей выгодой, большей пользой. Они не засаживаютъ его, какъ большинство, только огородными продуктами, иногда недостаточно полезными, а удѣляютъ послѣднимъ только такой уголокъ, который могъ бы прокормить ихъ съ семьею въ теченіе года. Большинство же усадебной земли буковинцы отводятъ подъ садъ. Послѣдній они почти ежегодно перекапываютъ, удобряютъ каждое деревцо навозомъ, и лѣтомъ либо сами сбываютъ получившійся урожай, либо выгодно для себя отдаютъ въ аренду еврею. Такимъ образомъ въ послѣднемъ случаѣ они и въ экономическомъ отношеніи поступаютъ съ выгодой и въ гигіеническомъ — съ пользой. Мало этого. Буковинцы не дремлютъ никогда въ свободное отъ занятій время — осенью и зимой. Въ это время они занимаются либо извозомъ, либо другимъ подходящимъ и выгоднымъ для себя ремесломъ.

Итакъ, хотя буковинцы поставлены въ отношеніи количества надѣльной земли въ условія несравненно худшія, чѣмъ русины приднѣстровскіе, тѣмъ не менѣе они не всегда бѣдствуютъ, не всегда нуждаются въ самомъ необходимомъ. Ихъ матеріальное положеніе если не лучше, то и не хуже матеріальнаго положенія русиновъ приднѣстровскихъ. Совсѣмъ другое представляютъ послѣдніе. Находя поддержку только въ землѣ, они и этимъ единственнымъ источникомъ своего благосостоянія не умѣютъ пользоваться надлежащимъ образомъ. Посему если они плачутся на то, что земля плохо кормитъ, то виной всему они сами, а не тѣ неурожаи, на которые они такъ привыкли ссылаться въ оправданіе своего столь подчасъ плачевнаго матеріальнаго состоянія.

Не влагая достаточно труда, энергіи и умѣнія на то, чтобы извлечь по возможности большій процентъ доходности изъ своей земли, они также апатично относятся и ко всему тому, что, помимо земли, могло бы нѣсколько поднять или улучшить ихъ матеріальный бытъ. Не бросаются они, подобно буковинцамъ, на разные другіе подсобные промыслы; они чужды ихъ тяжелой на подъемъ натурѣ. Всему этому приднѣстровскіе русины предпочитаютъ спокойное потребленіе того хлѣба, который кое-какъ успѣли извлечь изъ своей истощенной земли.

Породы хлѣбовъ, которыя культивируются бессарабскими русинами, обыкновенно бываютъ слѣдующія: рожь, ячмень, пшеница, овесъ и гречиха. Главная же порода, отличающая всю вообще Бессарабію,— это кукуруза, безъ которой не обходится ни одно хозяйство.

Какихъ-либо правилъ при посѣвѣ хлѣбныхъ растеній крестьяне не придерживаются. Кукуруза обыкновенно помѣщается между двумя колосовыми хлѣбами, особенно если хлѣбъ начинаетъ заростать сорными травами. Если послѣднія не исчезаютъ за одинъ годъ, то кукуруза оставляется на прежнемъ мѣстѣ два и три года. Посѣвъ кукурузы нерѣдко остается подрядъ на одномъ и томъ же мѣстѣ въ Буковинѣ, гдѣ земли очень мало. На мочаристыхъ мѣстахъ кукурузу почти не сѣютъ. Тамъ обыкновенно сѣютъ овесъ. Смѣна одного растенія другимъ на полѣ всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія владѣльца надѣла. Правда, во многихъ селахъ кукуруза засѣвается въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ затруднялся бы выпасъ скота по жнивью („по стернѣ"). Во время роста полевыхъ растеній только кукуруза подвергается обработкѣ или такъ называемой „прашевкѣ", которая иногда производится сообща нѣсколькими хозяевами по очереди другъ у друга или „клаками", т. е. большимъ количествомъ односельцевъ, которымъ по окончаніи дневной работы предлагается хозяиномъ обработаннаго участка угощеніе.

Самый посѣвъ полевыхъ растеній не вездѣ начинается одинаково. Въ южной поднѣстровской полосѣ онъ бываетъ раньше, чѣмъ напр. въ Буковинѣ. Сначала сѣютъ овесъ, затѣмъ ячмень и кукурузу. Озимую пшеницу сѣютъ съ половины августа до половины октября, рожь немного раньше. Кукуруза обыкновенно соединяется съ небольшимъ количествомъ фасоли, конопли и тыквы. Уборка хлѣба производится преимущественно со второй половины іюля до августа включительно. Исключеніе составляетъ кукуруза, созрѣваніе которой иногда затягивается до поздней осени. Кукуруза обыкновенно убирается такимъ образомъ, что растеніе срѣзывается цѣликомъ при посредствѣ серпа, иногда особаго ножа или короткой косы, а отдѣленіе початковъ („кочановъ“) отъ стебля и очищеніе ихъ отъ листьевъ происходитъ уже на дому. Убранный хлѣбъ сначала складывается на полѣ въ „клани“ („кланя“ заключаетъ въ себѣ 30 сноповъ и обыкновенно раздѣляется на полуклани), а затѣмъ свозится на домъ. Плохая обработка полей способствуетъ засоренію ихъ сорными травами. Изъ нихъ чаще всего встрѣчаются: осотъ, дикій горошокъ, „базныкъ“ (травянистый видъ бузины) и др. Изъ вредныхъ насѣкомыхъ на поляхъ водятся: хлѣбный жукъ, паразитный грибъ и др. Особенно вреднымъ является послѣдній.

Для опредѣленія средняго урожая хлѣбовъ мы воспользуемся данными, находящимися въ „Сборникѣ статистич. свѣдѣній по Хотин. уѣзду“ и свѣдѣніями, помѣщенными въ „Отчетахъ, докладахъ, смѣтахъ... Хотин. уѣздн. зем. управы за 1896 г.“ Въ первомъ средній урожай хлѣбовъ въ поднѣстровскихъ волостяхъ показанъ слѣдующимъ образомъ въ четверикахъ съ одной десятины: кукурузы 62, озимой пшеницы 45, озимой ржи 48, ячменя 57, овса 90, гречи 40; яровой пшеницы почти не сѣютъ. Въ „Отчетахъ“ урожай показанъ съ одной десятины въ четвертяхъ: ржи 5, пшеницы 5, ячменя 6, овса 7,5, гороха и фасоли 15, гречихи 4, кукурузы 8 (предполагаемый сборъ) и сур-

жика 4,5. Въ пудахъ съ одной казенной десятины собрано въ среднемъ: ржи 41,6 пуд., пшеницы озимой 40,9 и яровой 33,1, ячменя 46,2, овса 45,2, кукурузы 67 пудовъ (предполагаемый сборъ); сѣна съ одной казенной десятины собрано въ среднемъ около 80 пудовъ и соломы около 75 пудовъ. Картофель выдалъ средній урожай около 396 пудовъ или 50 четвертей съ казенной десятины. Въ „Отчетахъ“ сообщены свѣдѣнія по всему уѣзду [1]).

Вторая существенная отрасль хозяйства русина— это *огородничество*. У каждаго русина непремѣнно при домѣ есть огородъ. Здѣсь онъ садитъ: лукъ, чеснокъ, перецъ, морковь, петрушку, свеклу, картофель, всѣ породы бобовъ, горохъ, капусту, огурцы, арбузы, дыни и пр. Какъ на особенность, слѣдуетъ указать, что нѣкоторыя поселенія въ этомъ отношеніи, такъ сказать, специализируются, т. е. иныя разводятъ или по преимуществу красный перецъ, или же капусту, или же чеснокъ и т. п. Затѣмъ полученный сборъ они сбываютъ въ ближайшіе торговые центры. Между торговопромышленными растеніями на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить воздѣлываніе чесноку.

Центромъ воздѣлыванія чесноку является Буковина и въ частности село Сапкоуцы, Грозинской волости, въ которомъ чеснокъ воздѣлывается даже на полѣ; въ остальныхъ мѣстахъ чеснокъ разводится на огородахъ. Самое обработываніе чесноку вездѣ почти одинаково; для него въ огородѣ обыкновенно отводится лучшій участокъ, который тщательно удобряется. По созрѣваніи его сплетаютъ листьями въ вѣнки и развѣшиваютъ для сушки на солнцѣ. Продается чеснокъ въ Хотинѣ и сосѣднихъ мѣстечкахъ; не мало впрочемъ его сбывается и на югъ Бессарабіи и даже въ Херсонскую

---

[1]) „Сборникъ статист. свѣд. по Хот. у.“ стр. 326 и „Хотин. земство, Отчеты, доклады.... Хот. уѣзд. зем. упр.“ 1896 года.

губернію. Этимъ занимаются специальные скупщики изъ крестьянъ, которые везутъ его или нарочно или же отправляясь на заработки въ южную Бессарабію.

Второе мѣсто слѣдуетъ отвести обработкѣ аниса („ганышъ). Первоначально анисъ стали засѣвать тоже въ Буковинѣ (въ с. Недобоуцахъ), а затѣмъ его культура распространилась и по другимъ русинскимъ селамъ, и въ настоящее время воздѣлываніе его особенно распространено въ Романкоуцкой волости. Лучше всего анисъ растетъ на хорошей, плодородной, но не очень тучной почвѣ. Анисъ высѣвается или позднею осенью или раннею весною, а уборка его производится во второй половинѣ августа. Сбывается анисъ въ Хотинъ, Подольскую губернію и даже Австрію при посредствѣ скупщиковъ — евреевъ. Воздѣлываніе аниса, какъ довольно прибыльнаго растенія, съ годами расширяется. Выгода и легкость сбыта заставляютъ многихъ крестьянъ переносить его обработку съ огородовъ даже на поля.

Въ послѣднее время стала развиваться и культура бураковъ. Ея развитіе вызвано существованіемъ въ с. Зарожанахъ сахарнаго завода; въ виду этого и центромъ культуры его является Клишковская волость. Засѣваются бураки больше на огородахъ, чѣмъ на поляхъ. Это объясняется, съ одной стороны, малоземельемъ буковинцевъ, а съ другой—сильнымъ истощеніемъ мѣстныхъ полей съ нечерноземной, глинистой почвой. Съ крестьянами, занимающимися культурой бураковъ, правленіе завода заключаетъ договоры, обязывая ихъ засѣвать опредѣленную площадь. Нельзя сказать, чтобы этотъ огородный промыселъ былъ особенно выгоденъ для мѣстнаго буковинскаго населенія. Во—первыхъ, урожаи бураковъ, вслѣдствіе того, что они засѣваются на одномъ и томъ же мѣстѣ, становятся съ теченіемъ времени плохими; пріемъ бураковъ на заводѣ производится очень разборчиво, и значительная часть ихъ бракуется. Во—вторыхъ, культура бураковъ вредно отражается на развитіи буковинскаго садоводства. Крайняя

нужда въ деньгахъ, даваемыхъ на извѣстныхъ условіяхъ правленіемъ завода крестьянамъ впередъ, побуждаетъ ихъ нерѣдко прибѣгать къ уничтоженію садовъ. На расчищенномъ изъ-подъ сада участкѣ урожаи бураковъ сначала бываютъ порядочны, но затѣмъ становятся хуже и хуже, вслѣдствіе постояннаго посѣва на одномъ и томъ же мѣстѣ; съ теченіемъ времени на такомъ огородѣ не родится даже кукуруза, и прежній, нерѣдко прекрасный, садъ замѣняется голымъ пустыремъ.

Капустой, въ цѣляхъ торговыхъ, засаживаются огороды преимущественно въ с. Рукшинѣ. Тамъ она бываетъ двухъ сортовъ: одесская и кишиневская или болгарская. Огороды, предназначенные для капусты, удобряются. Рынкомъ для сбыта Рукшинской капусты служитъ г. Хотинъ съ окрестными селами и даже довольно удаленными мѣстечками—Новоселицой и Липканами, а также прилегающая часть Подольской губерніи.

Наконецъ, помимо перечисленныхъ огородныхъ растеній, есть еще по отдѣльнымъ селамъ спеціальныя культуры. Такъ напр, въ с. Каплевкѣ, Данкоуцкой волости, засѣвается много картофелю, въ с. Пригородкѣ, Рукшинской волости—краснаго перцу, въ с. Кормани, Романкоуцкой волости—луку или „цыбули".

Кромѣ хлѣбопашества и огородничества, русины занимаются еще въ значительной степени *садоводствомъ*.

Русины любятъ вообще садъ, но приднѣстровскіе въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ, далеко уступаютъ буковинскимъ, у которыхъ садоводство существуетъ, какъ довольно развитая отрасль промышленности.

Буковинскіе сады славятся на всю губернію, и тамъ садоводство является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей домашняго хозяйства. Сады въ Буковинѣ отличаются своею величиною и хорошимъ качествомъ собираемыхъ фруктовъ. Почти у каждаго хозяина тамъ усадьба состоитъ изъ сада. Послѣдній у иныхъ раз-

бивается на нѣсколькихъ десятинахъ. Преимущественно буковинское садоводство развито въ слѣдующихъ 11 селахъ: Коленкоуцахъ, Грозинцахъ, Бочкоуцахъ, Шиловцахъ, Малинцахъ, Клишковцахъ, Зарожанахъ, Владычнѣ, Широуцахъ, Недобоуцахъ и Рукшинѣ. Всѣ перечисленныя села, за исключеніемъ Рукшина, будучи расположены непосредственно одно подлѣ другого на 20 верстномъ склонѣ, представляютъ одинъ громадный сплошной садъ. Большому развитію садоводства въ Буковинѣ благопріятствуютъ много климатическія и топографическія условія мѣстности. Климатъ здѣсь мягкій и умѣренный, а въ топографическомъ отношеніи эта мѣстность представляетъ непрерывную холмистую поверхность, совершенно непригодную для хлѣбопашества. Помимо указанныхъ причинъ, развитіе садоводства въ Буковинѣ объясняется исторически, такъ какъ ведетъ свое начало еще со времени турецкаго господства, когда оно здѣсь славилось и процвѣтало. Еще и въ настоящее время нѣкоторые сорта фруктовъ извѣстны подъ именемъ „турецкихъ“.

Изъ породъ и сортовъ плодовыхъ деревьевъ въ Буковинѣ особенно распространенныхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сливу, которая имѣетъ слѣдующіе сорта: „венгерку“, идущую на приготовленіе извѣстнаго чернослива, „чаркушу“, изъ которой тоже приготовляется черносливъ; затѣмъ слѣдуютъ сорта съ мѣстными названіями: „резохи“, „кобилехи“, „пруньки“ и др. Послѣ сливъ второе мѣсто занимаютъ яблоки. Сплошныхъ яблоновыхъ садовъ въ Буковинѣ нѣтъ, но яблони есть въ каждомъ саду. Сорта яблокъ извѣстны преимущественно слѣдующіе: ренеты, кальвили, домнешты и цыганки. Меньшее, по сравненію съ двумя вышеуказанными породами, имѣетъ торговопромышленное значеніе груша, которая по большей части употребляется на мѣстѣ. Между лѣтними сортами ея извѣстны: цукровки и дули, между зимними—караймапы. Иногда въ крестьянскихъ садахъ попадаются сорта бергамотъ и Beurré. Также въ пищу мѣстнаго насе-

ленія идетъ вишня и черешня. Изъ сортовъ первой извѣстны: обыкновенная вишня, называемая въ Буковинѣ иногда шпанской и „каравишня"— довольно кислая на вкусъ. Черешни бываютъ желтыя, темнокрасныя сладкія, горьковатыя черныя и др. Подобно сливѣ и яблокамъ, торговопромышленное значеніе имѣетъ въ Буковинѣ и орѣхъ, котораго встрѣчаются два сорта: съ толстою, крѣпкою скорлупою и съ очень нѣжною. Наконецъ еще изрѣдка встрѣчаются: абрикосы, персики, айва и т. п. Главнымъ рынкомъ для сбыта буковинскаго чернослива и нѣкоторыхъ другихъ фруктовъ служитъ внутренняя Россія, напр. города: Кіевъ, Харьковъ, Варшава и др.; отправляется черносливъ отчасти и за границу,

Относительно буковинскаго садоводства слѣдуетъ замѣтить, что оно не только не развивается, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ, даже падаетъ. Паденію буковинскаго садоводства способствуютъ слѣдующія причины. Прежде всего продукты буковинскаго садоводства продаются обыкновенно по очень низкимъ цѣнамъ, что объясняется невполнѣ благопріятными условіями для ихъ сбыта. Затѣмъ развивающееся изъ года въ годъ воздѣлываніе на усадьбахъ свекловицы для Зарожанскаго сахарнаго завода также вытѣсняетъ садоводство; будучи прибыльнѣе въ томъ отношеніи, что даетъ возможность мѣстному населенію пользоваться кредитомъ, оно побуждаетъ нѣкоторыхъ поселянъ даже вырубать свои сады. Кромѣ указаннаго, упадку садоводства способствуетъ и невысокое качество здѣшняго чернослива, какъ главнаго предмета сбыта, вслѣдствіе несовершенныхъ пріемовъ сушки сливы въ особо для этого устроенныхъ „лозницахъ" [1]), а также и то, что мѣст-

---

[1]) „Лозница" представляетъ большую четвероугольную яму, длиною въ двѣ, иногда три, сажени и глубиною въ полтора аршина, поверхъ которой накладываются тонкія деревянныя палочки; на эти палочки насыпается слива. Затѣмъ въ особо приспособленномъ углубленіи возлѣ ямы разводится огонь; дымъ

ныя яблоки и груши, не будучи въ состояніи переносить продолжительной перевозки, большею частью идутъ въ пищу мѣстному населенію или продаются за безцѣнокъ въ ближайшіе торговые центры. Наконецъ нельзя не отмѣтить въ данномъ случаѣ и вредной системы аренды садовъ, такъ называемой съемки выборныхъ урожаевъ, а также аренды садовъ за долги или за проценты на неопредѣленное время. Являясь по большей части фактическими хозяевами садовъ и эксплуатируя мѣстное населеніе (арендуютъ сады за ничтожную плату, обыкновенно выдаваемую впередъ), арендаторы отбиваютъ въ немъ охоту къ тщательному и внимательному уходу за садомъ. Въ силу всего сказаннаго доселѣ, буковинское садоводство не имѣетъ того значенія, какое въ дѣйствительности оно могло бы имѣть въ экономической жизни буковинцевъ по естественнымъ условіямъ мѣстности [1]).

Въ Буковинѣ же существуютъ еще и виноградники. Но буковинскій виноградъ, конечно, не можетъ быть по своему качеству сравниваемъ съ южнымъ бессарабскимъ; онъ кислѣе его, такъ какъ не всегда дозрѣваетъ. Нѣкоторые занимаются и винодѣліемъ, но это дѣлаютъ единичныя личности, и подобное занятіе является довольно рѣдкимъ. Вино буковинской выдѣлки очень кисло и мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго кваса.

Хотя все правое хотинское побережье Днѣстра заселено русинами, однако *рыболовство* развито среди нихъ очень слабо. Нельзя сказать, чтобы слабое развитіе этого доходнаго промысла стояло въ зависимости отъ недостатка рыбы въ Днѣстрѣ. Уже въ верховьяхъ

и теплота отъ горящихъ дровъ, проходя черезъ слой сливъ, высушиваетъ ихъ. Такимъ образомъ просушенная слива сильно пахнетъ дымомъ, что и уменьшаетъ ея доброкачественность.

[1]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Хотинскому уѣзду“ стр. 337—349.

этой рѣки, т. е. на протяженіи Хотинскаго уѣзда, встрѣчаются слѣдующія породы рыбъ: осетры, севрюги, стерляди, сазаны, судаки, вырезубы. Нельзя объяснить недостаточное развитіе рыбнаго промысла и незначительностью спроса на рыбу. Рыба обыкновенно никогда не остается нераспроданною; ее постоянно требуетъ населеніе, особенно евреи и мѣстная интеллигенція. Объяснить слабое развитіе рыболовства можно только нелюбовью русиновъ къ этому промыслу. Имъ обыкновенно занимаются только нѣкоторые поселяне, и то у нихъ это занятіе является не профессіей, а своего рода подсобнымъ промысломъ или, вѣрнѣе, видомъ какого-то „дилентантизма", какъ нѣкогда основательно назвалъ мѣстное рыболовство Аѳанасьевъ-Чужбинскій въ своихъ „Очеркахъ Днѣстра". Такимъ образомъ Днѣстръ является, по замѣчанію этого писателя, единственной въ Россіи судоходной и рыбной рѣкой, на которой рыболовство почти что до лимана въ довольно печальномъ положеніи.

Такимъ же видомъ дилентантизма является и занятіе *пчеловодствомъ*, которому предаются, какъ и рыболовству, только нѣкоторые русины. Въ деревнѣ бываетъ, по большей части, лишь нѣсколько пасѣкъ, число ульевъ въ которыхъ достигаетъ рѣдко больше двухъ—трехъ десятковъ.

Вслѣдствіе малоземелья (Буковина) и недостатка въ выгонахъ и мѣстахъ для выпаса скота (Приднѣстровскій районъ), развито мало и *скотоводство*. Количество скота стоитъ большею частью въ прямой зависимости отъ величины надѣла. Такимъ образомъ нельзя не установить тѣсной связи между скотоводствомъ и земледѣліемъ. По „Сборнику статистич. свѣдѣній по Хотинскому уѣзду" въ Приднѣстровскомъ и центральномъ районахъ Хотинскаго уѣзда количество скота почти пропорціонально количеству надѣльной земли и вполнѣ пропорціонально площади надѣльной и съемной пашни. Не будучи въ состояніи прокормить своего скота на собственныхъ пастбищахъ, русины вынуждены

бываютъ отдавать большую часть своего скота на „имашъ“ (т. е. на выпасъ) въ помѣщичьи экономіи. Поселянскія пастбища бываютъ такъ переполнены скотомъ, что во многихъ селеніяхъ на одной десятинѣ выгона („толоки“) выпасается по три и больше головъ крестьянскаго скота, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ лошади, вслѣдствіе недостатка подножнаго корма, и лѣтомъ кормятся соломенною сѣчкою. Большая нужда крестьянъ въ выгонахъ видна также изъ тѣхъ значительныхъ цѣнъ, которыя платятъ они владѣльцамъ за выпасъ своего скота. Особенно дорого они платятъ за выпасъ дойныхъ коровъ, что объясняется тѣмъ, что ихъ, подобно прочему скоту, невозможно отдавать на выпасъ далеко отъ селеній. Недостатокъ корма и побуждаетъ крестьянъ ограничиваться лишь самыми необходимыми въ домашнемъ обиходѣ животными: лошадьми или быками и коровою. Недостаточность у поселянъ собственныхъ пастбищъ и высокія цѣны за выпасъ скота на помѣщичьихъ пастбищахъ вызываютъ замѣну воловъ лошадьми [1]). Подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ мало развито и овцеводство. Что касается свиноводства, то оно поставлено нѣсколько лучше овцеводства. Это объясняется тѣмъ, что въ то время, какъ овецъ поселяне держатъ больше для собственныхъ нуждъ, свиней они откармливаютъ, а затѣмъ продаютъ въ Хотинѣ и другихъ торговыхъ центрахъ. Породы скота, имѣющагося у населенія, самыя низшія. Впрочемъ въ настоящее время, въ цѣляхъ поднятія и улучшенія скотоводства въ уѣздѣ, Хотинской уѣздной земской управой предпринятъ рядъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Такъ напр., для поднятія коневодства и улучшенія рабочихъ лошадей въ уѣздѣ, открыта земская случная конюшня съ жеребцами-производителями арденской рабочей породы. Въ 1903 году Хотинской уѣздной земской управой

---

[1]) „Обзоръ Хотинскаго уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1887 г.“ стр. 131.

возбуждено ходатайство предъ главнымъ управленіемъ Государственнаго коннозаводства объ устройствѣ въ Хотинскомъ уѣздѣ постояннаго казеннаго случнаго пункта съ тремя производителями. Для улучшенія крестьянской породы быковъ пріобрѣтены и пріобрѣтаются земствомъ племенные быки. Свиноводство улучшается путемъ пріобрѣтенія для нуждъ населенія чистокровныхъ свиней беркширской и іоркширской породъ (кнуровъ и лешекъ), которые и распредѣляются въ хозяйствахъ зажиточныхъ крестьянъ, священниковъ и т. п. Благодаря предпринимаемымъ Хотинскимъ земствомъ мѣрамъ, клонящимся къ улучшенію скотоводства въ уѣздѣ, послѣднее дѣйствительно стоитъ на правильномъ пути въ дѣлѣ выработки лучшихъ породъ скота, какъ это наглядно показала бывшая въ 1901 г. конская выставка въ м. Единцахъ [1]).

Говоря о развитіи скотоводства у русиновъ, нельзя обойти молчаніемъ такъ называемаго продуктивнаго скотоводства, существующаго, правда, больше въ Приднѣстровскомъ районѣ (въ Буковинѣ овецъ напр. почти что нѣтъ). Такъ какъ коровы въ Хотинскомъ уѣздѣ больше держатся для приплода, т. е. для полученія отъ нихъ рабочаго скота (воловъ), а не молочныхъ продуктовъ, то продуктивнымъ скотомъ являются преимущественно овцы и отчасти свиньи. Породы овецъ встрѣчаются больше мѣстныя: „цушки", цвѣта чернаго и рѣже сѣраго, и „цырнаи", бѣлаго цвѣта; послѣднія отличаются отъ „цушекъ" болѣе тонкою шерстью и болѣе длиннымъ курдючнымъ хвостомъ. Отъ овецъ крестьяне получаютъ сыръ или такъ называемую „брынзу", приготовляемую особеннымъ образомъ [2]), барашковъ, шкурки которыхъ идутъ на смушки и шерсть. Свиней крестьяне откармливаютъ и сбываютъ въ торговые центры въ родѣ г. Хотина и др.

---

[1]) „Хотин. земство. Отчеты, доклады, смѣты, раскладки Хотин. уѣздн. зем. упр." 1901, 1902 и 1903 г. г.

[2]) См. главу о пищѣ.

Къ подсобнымъ промысламъ и занятіямъ хотинскихъ русиновъ слѣдуетъ отнести слѣдующіе неземледѣльческіе заработки: *извозъ*, *сплавъ лѣса по Днѣстру*, *ломка камня* въ Приднѣстровскихъ скалахъ *и сплавъ его* и *кустарное производство;* земледѣльческими заработками являются: *„фальчи"* и *батрачество*—мѣстный отхожій промыселъ.

Изъ неземледѣльческихъ заработковъ первое мѣсто безусловно занимаетъ извозъ, особенно развившійся въ послѣднее время, благодаря проведенію Новоселицкой вѣтви желѣзныхъ дорогъ. Крестьяне занимаются или перевозкой пассажировъ съ вокзаловъ и на вокзалы или главнымъ образомъ доставкой на желѣзнодорожные пункты разныхъ товаровъ. Повидимому, промыселъ этотъ изъ года въ годъ развивается, идя соразмѣрно съ развитіемъ желѣзнодорожнаго сообщенія.

Значительная часть буковинскаго населенія зимою занимается рубкою лѣса, который затѣмъ приднѣстровскими жителями или буковинцами сплавляется внизъ по Днѣстру. Правда, какъ сплавъ лѣса, такъ точно и сплавъ камня, добываемаго въ приднѣстровскихъ скалахъ, чуть ли не вездѣ находится въ рукахъ евреевъ.

Кустарное производство развито слабо. Въ лѣсистыхъ мѣстахъ Буковины и волостей: Кельменской, Романкоуцкой и Секурянской развиты телѣжный промыселъ и обжиганіе угля, въ с. Малинцахъ, Грозинской волости, существуетъ гончарное производство, а въ с. Рухотинѣ, Клишковской волости, производится выдѣлка сукна.

По сравненію съ отмѣченными неземледѣльческими промыслами имѣютъ гораздо большее экономическое значеніе въ жизни хотинскихъ русиновъ такіе земледѣльческіе заработки, какъ „фальчи" и батрачество.

„Фальчи", или уборка хлѣба и травы, являются мѣстнымъ отхожимъ промысломъ и бываютъ „вынпи" или по контракту и „вольныя" (самое названіе „фальчи" происходитъ отъ слова „фальча"—мѣра немногимъ болѣе десятины). Обыкновеннымъ временемъ для отпра-

вленія на тѣ и другія или на косовицу бываетъ періодъ между Троицынымъ и Петровымъ днемъ. „Фальчи вынни" состоятъ въ слѣдующемъ. Позднею осенью, чаще всего въ то время, когда съ крестьянъ взымаются всякаго рода подати и недоимки, слѣдовательно, въ то время, когда поселянинъ переживаетъ самыя трудныя минуты, являются съ юга Бессарабіи (иногда и изъ Подоліи) уполномоченные разными землевладѣльцами съ предложеніемъ своихъ услугъ въ формѣ займа денегъ подъ самыя тягостныя и невыгодныя для поселянъ условія. Эти условія и договоры бываютъ такого рода. Любой землевладѣлецъ съ юга или арендаторъ имѣнія, понимаютъ очень хорошо, что лѣтней порой, во время уборки хлѣба, рабочій человѣкъ очень дорогъ. Предвидя это обстоятельство, они стараются всевозможными способами завербовать какъ можно больше рабочихъ рукъ еще съ осени. И вотъ, съ этою цѣлью ими подыскиваются особые посредники или агенты, которые для законтрактовки косарей отправляются на сѣверъ Бессарабіи, въ Хотинскій уѣздъ, гдѣ русинское населеніе, отличаясь бѣдностью, охотнѣе соглашается на разнаго рода предложенія, не взирая подчасъ на всю ихъ невыгодность. Бѣдняки, поставленные въ необходимость забирать деньги впередъ, запродаютъ свою рабочую силу и трудъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ за какіе нибудь 20—22 рубля (пищевое довольствіе дается отъ нанимателя). Наступаетъ лѣто, приближается время уборки хлѣба и травы—и вотъ, русины, соединяясь въ небольшія артели (около 10 человѣкъ) или „читы", нескончаемыми вереницами тянутся съ сѣвера Бессарабіи на югъ, въ своихъ своеобразныхъ, на подобіе кибитокъ, повозкахъ, для уборки чужого хлѣба, оставляя свои поля на младшихъ членовъ семьи, тратя не малое время на проѣздъ туда и обратно (обыкновенно нѣсколько сотъ верстъ) и расходуясь на свое пропитаніе и своей скотины. Такимъ образомъ поселянинъ чуть ли не все лѣто убиваетъ на то, чтобы отработать взятые взаймы двадцать рублей

(„вынни фальчи“ есть въ сущности не что иное, какъ особый родъ займа).

Таково происхожденіе „вынныхъ фалечъ“. Но случается и такъ, что русины-косари, убравши хлѣбъ и траву, вновь закабаливаютъ себя, беря деньги въ счетъ будущихъ „фалечъ“, такъ какъ по возвращеніи домой, имъ, за израсходованіемъ взятыхъ осенью денегъ, нечѣмъ было бы уплатить податей. Иногда испытывающіе нужду въ деньгахъ крестьяне избираютъ изъ своей среды нѣсколькихъ лицъ, которымъ даютъ полномочіе и довѣренность на пріисканіе денегъ подъ отработокъ. Лица эти или выборные называются „калфами“.

Насколько могутъ быть признаны въ полномъ смыслѣ слова заработками „вынни фальчи“ отчасти видно изъ всего сказаннаго о нихъ доселѣ, но особенно станетъ это понятнымъ, если сравнить заработокъ косарей, отправляющихся на „вынни фальчи“ съ заработкомъ тѣхъ, которые идутъ на „вольныя фальчи“.

Уходъ на „вольныя фальчи“ чаще называется уходомъ „на зарибки“ (т. е. на заработки). Среднiй заработокъ русина, отправляющагося на „вольныя фальчи“ въ два раза и даже больше превышаетъ заработокъ того, который отбываетъ „фальчи“ по контракту (бываетъ больше 50 рублей). Это показываетъ, какъ велика эксплуатація рабочихъ рукъ агентами, занимающимися законтрактовкой рабочихъ. Случается, что послѣдніе пріобрѣтаютъ себѣ довѣренности отъ такихъ землевладѣльцевъ, которые или совершенно не нуждаются въ рабочихъ рукахъ въ лѣтнее время или имѣютъ нужду въ самомъ ограниченномъ числѣ. Съ наступленіемъ же страдной поры они нерѣдко перепродаютъ свой товаръ — рабочую силу косарей, наживая при этомъ приличный барышъ. Даже при неявкѣ нѣкоторыхъ законтрактованныхъ рабочихъ ихъ потери съ избыткомъ вознаграждаются, такъ какъ наниматели, отлично сознавая невыгодность для рабочихъ и трудность

аккуратнаго выполненія договоровъ, стараются наилучшимъ способомъ гарантировать свои интересы при сдѣлкахъ съ русинами-косарями.

Батрачество также довольно развитой отхожій промыселъ. Батраки дѣлятся на сроковыхъ и годовыхъ. Сроковые батраки продаютъ свою рабочую силу обыкновенно на 8 мѣсяцевъ (чаще всего съ 1-го марта по 8-ое ноября) и, въ противоположность годовымъ, по большей части, работаютъ въ экономіяхъ за предѣлами Хотинскаго уѣзда.

Плата, получаемая сроковыми батраками, опредѣляется контрактами и достигаетъ въ среднемъ 51 рубля [1]). Кромѣ денежной платы, сроковые и годовые батраки получаютъ отъ нанимателя обязательно пищевое довольствіе, иногда 2—3 пары постоловъ (обувь) и право содержать при экономіи нѣсколько штукъ своего скота, если таковой у нихъ имѣется. Нѣкоторые вмѣсто указаннаго получаютъ небольшой участокъ поля, шерсть на свиты и „сардаки", овечьи шкуры на „кожухи", топливо, солому и т. п. Конечно, денежное вознагражденіе при полученіи всего перечисленнаго соотвѣтствующимъ образомъ измѣняется. Плата для годовыхъ батраковъ, несомнѣнно, нѣсколько больше платы, получаемой сроковыми.

[1]) „Сборникъ статист. свѣдѣній по Хотин. уѣз.", стр. 383.

ВНУТРЕННІЙ БЫТЪ.

ГЛАВА I.

Умственное состояніе; религіозно-нравственное міровоззрѣніе; вѣрованія, суевѣрія и предразсудки.

Въ умственномъ отношеніи русины мало чѣмъ отличаются отъ остальной массы русскаго крестьянства. Вслѣдствіе умственнаго убожества, они не свободны отъ суевѣрій, предразсудковъ, вѣры въ лѣшихъ, домовыхъ, вѣдьмъ и проч. Лѣшіе и домовые, по представленію нѣкоторыхъ, превращаются даже въ людей и разныхъ животныхъ. Иные съ неподдѣльнымъ, глубокимъ убѣжденіемъ, иногда весьма краснорѣчиво, разсказываютъ о томъ, какъ какой-нибудь лѣшій или домовой учинилъ самую забавную продѣлку съ ними или съ ихъ предками. Отъ такихъ представленій, привитыхъ вѣками, умъ русина никакъ не можетъ освободиться. Онъ съ дѣтской наивностью и простодушіемъ будетъ противопоставлять доводамъ и убѣжденіямъ человѣка, стоящаго выше его въ умственномъ отношеніи, авторитетъ предковъ и вѣковыя традиціи. Вообще приходится сказать, что общій характеръ міросозерцанія бессарабскаго русина, а это мы отчасти и увидимъ ниже, продолжаетъ по временамъ носить въ себѣ слѣды и отпечатокъ младенческаго состоянія ума человѣческаго. Слѣды этого сказываются очень часто какъ въ частной, такъ и общественной его жизни.

Бога русинъ представляетъ существомъ добрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и карающимъ человѣка за дурные поступки. Онъ глубоко убѣжденъ, что Богъ есть Творецъ и Вседержитель міра, что „безъ Бога ни до порога“; онъ знаетъ, что есть ангелы, что они слуги Божіи, что въ загробной жизни человѣкъ злой подвергнется мученіямъ ада, а добрый будетъ блаженствовать. Посему онъ считаетъ своимъ прямымъ долгомъ обращаться ежедневно къ Богу съ молитвою, поутру и вечеромъ, и вообще свои религіозныя убѣжденія онъ не преминетъ обнаружить при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя нужно добавить, что его религіозное настроеніе и чувствованіе выливается иногда въ несовсѣмъ соотвѣтствующихъ формахъ. Нѣкоторыя молитвы поселянами до того исковерканы и извращены, что подчасъ трудно бываетъ доискаться ихъ настоящаго смысла. Напр., молитву: „Молитвами св. Отецъ нашихъ“ читаютъ такъ: „За молытвы Отэцъ нашихъ, Господы, Хресте Боже, спасы души наши“; молитву же: „Царю небесный“ читаютъ такъ: „Цару небесный, душитель истинный“ и т. д. Четвертый членъ Символа вѣры начинаютъ такими словами: „Распията жаны примостійсти Палати страдавша и пограблена“. Нѣкоторые въ своихъ молитвахъ, обращенныхъ къ Богу, имѣютъ обыкновеніе называть Бога ласкательно и притомъ во множественномъ числѣ. Такъ, напр., во время молитвенныхъ вздоховъ и воззваній говорятъ: „Охъ Бо́жечку нашъ, Бо́жечку!“ или же: „Бо́жечку нашъ милосердный, дайты намъ щастя, здоровля и довгово віку прожыты“. Богородицу Дѣву называютъ „Дівочкою“ и проч. Правда, въ этихъ и имъ подобныхъ словахъ и выраженіяхъ мало предосудительнаго; они результатъ душевной простоты, которая признаетъ такой способъ молитвы наиболѣе угоднымъ и пріятнымъ Богу.

Встрѣчаются молитвы, своеобразныя по своему содержанію. Такова, напр., слѣдующая молитва святителю Николаю:

Святый отче Николаю, скорый помощныку, теплый заступныку! Заступы и сохраны мя отъ всего злого: відъ вітру морового, відъ смерты наглои-несподиванои, відъ світского сорому, відъ дурного розуму, відъ панскои кары, відъ людскои ненавысты, відъ малынскаго (названіе села) головы, відъ каматы (процентовъ), відъ трехъ панівъ, відъ свинячыхъ постолівъ (лаптей), відъ козячего кожуха (тулупа), відъ сотскихъ, відъ старостівъ, відъ десятныківъ и відъ всіхъ селянскихъ псарныківъ. Проститъ насъ, Господы! Аминь.

Очень часто въ своихъ молитвахъ русины произносятъ имена „св. неділечки" и „св. пятнечки". Этимъ они, очевидно, олицетворяютъ какихъ-то святыхъ, живущихъ на небѣ. „Неділечка", въ особенности по представленію женскаго элемента, служитъ олицетвореніемъ какой-то св. женщины, постоянно скорбящей о томъ, что люди своимъ худымъ поведеніемъ оскорбляютъ святость воскреснаго дня. Оскорбленіемъ же для этого дня служитъ то, что люди, до окончанія богослуженія въ церкви, поютъ, ѣдятъ, обращаются съ разными хозяйственными принадлежностями, какъ-то: ножами, топорами и т. п.; отъ этого, надо полагать, въ фантазіи народа образъ этой св. женщины предносится въ такомъ видѣ, что все ея тѣло какъ бы исколото и исцарапано острымъ оружіемъ. Что же касается „св. пятнечки", то подъ нею русины разумѣютъ не столько св. Параскеву, сколько пятницу, какъ день седьмицы. Въ особенности „св. пятнечка", какъ и „св. неділечка", строго чтутся женщинами. Празднованіе и уваженіе это выражается въ томъ, что многія воздерживаются отъ занятія спеціально женскими работами, какъ-то: шитья, мытья, пряжи и т. п. Затѣмъ до захода солнца онѣ не принимаютъ почти никакой пищи. Нѣкоторыя изъ женщинъ празднуютъ такимъ образомъ каждую недѣльную пятницу, а другія, не столь ревностныя, ограничиваются празднованіемъ только двѣнадцати пятницъ въ году [1].

[1] „Историко-статистическія свѣдѣнія о селѣ Пригородкѣ Хотинскаго уѣзда", — „Кишинев. Епарх Вѣдом." за 1892 г. № 15 стр. 333—334.

Русины охотно и притомъ большими массами посѣщаютъ церковь, но дѣлаютъ они это только въ большіе праздники и въ великій постъ; при этомъ женщины, какъ и вездѣ, набожнѣе мужчинъ. Въ остальное же время, т. е. по воскреснымъ и обыкновеннымъ праздничнымъ днямъ, они если и посѣщаютъ церковь, то въ гораздо меньшемъ количествѣ. Особенно же мало бываетъ народа въ церкви въ лѣтнее время, во время уборки хлѣба. Въ церковь любятъ носить: хлѣбъ, фрукты, пряники, медъ, сыръ, яйца и т. п. Все это приносящими оставляется въ пользу духовенства, совершающаго богослуженіе. Въ самой церкви присутствующіе располагаются обыкновенно слѣдующимъ образомъ—раздѣляются на четыре группы: женатыхъ мужчинъ-хозяевъ, замужнихъ женщинъ, парубковъ и дѣвушекъ. Подростки располагаются подлѣ своихъ родныхъ, чаще женщинъ. Каждая изъ этихъ группъ стоитъ въ церкви отдѣльно другъ отъ друга, причемъ мужчины впереди, женщины позади.

Всѣ молятся усердно, кладя земные поклоны и цѣлуя при этомъ полъ церкви. Голоса лицъ, совершающихъ богослуженіе, заглушаются иногда громогласными религіозными вздохами молящихся. Передъ чтеніемъ апостола на литургіи возжигаются толстыя свѣчи изъ желтаго воску, такъ называемыя „братскія свѣчи", которыя для этой цѣли постоянно хранятся въ церкви. Свѣчи эти берутъ наиболѣе почтенные, уважаемые поселяне и становятся, держа ихъ въ рукахъ, въ шеренгу посреди храма и стоятъ съ ними до прочтенія евангелія. Антидоръ-просфору раздаетъ священникъ собственноручно каждому изъ присутствующихъ въ концѣ литургіи. Молящіеся подходятъ къ нему въ строгомъ порядкѣ, по одному, соблюдая опять извѣстнаго рода очередь: сначала мужчины, потомъ женщины; дѣвушки послѣ всѣхъ. Никакой толкотни при этомъ не происходитъ, что бываетъ возможно, такъ какъ подходящіе образуютъ одну длинную линію.

О вечернемъ богослуженіи русины имѣютъ своеобразное представленіе. По ихъ понятію, оно обязанность одного только духовенства. Руководствуясь такого рода соображеніемъ, русины совершенно игнорируютъ вечернее богослуженіе и никогда почти на немъ не присутствуютъ.

Кодексъ нравственныхъ понятій и убѣжденій русина не обширенъ и не всегда соотвѣтствуетъ высокому званію христіанина. Нравственность онъ полагаетъ не въ высокихъ качествахъ души, а въ чисто формально-внѣшней, обрядовой сторонѣ. Онъ считаетъ большимъ грѣхомъ не сбросить шапки и не перекреститься, когда проходитъ или проѣзжаетъ мимо креста и церкви, не воздерживаться отъ скоромной пищи въ дни положеннаго поста, работать въ дни воскресные, праздничные и т. п. Но истинному благочестію, по его понятію, нисколько не будетъ противно, если допускаются: безобразныя ругательства, пьянство, буйство, драки и т. п.

Въ средѣ русиновъ особенно уважается великій постъ, а потому съ наступленіемъ его легко можно замѣтить перемѣну въ ихъ жизни. Она состоитъ въ томъ, что въ первые два дня они ведутъ себя постно во всѣхъ отношеніяхъ; ѣдятъ разъ въ день—вечеромъ, табакопотребители прекращаютъ куреніе и не только въ первое время поста, но вообще въ теченіе всѣхъ семи недѣль. Употребленіе табаку въ дни поста считается большимъ грѣхомъ, такъ какъ табакъ въ народномъ представленіи не есть твореніе Божіе, а чертово. Помимо указаннаго, многіе не пьютъ спиртныхъ напитковъ, избѣгаютъ разныхъ развлеченій и т. п.

Религіозное чувство побуждаетъ русиновъ питать особенное сочувствіе къ нищимъ („старцамъ", „жебракамъ"). Никто не выпуститъ нищаго изъ своего дома, не давъ ему хоть пригоршни муки. Мотивомъ для такого отношенія къ нищимъ служитъ своеобразное представленіе о нихъ. По мнѣнію крестьянъ, образъ про-

сящаго старика-нищаго принимаетъ нерѣдко самъ Богъ. Въ русинскихъ сказкахъ это очень часто случается. Поэтому опасаются отказывать просящимъ, чтобъ чрезъ это не отказать самому Богу. Они полагаютъ, что и въ загробной жизни будетъ нужда въ пищѣ и питьѣ, а потому чѣмъ больше кто дастъ хлѣба и питья въ видѣ милостыни, тѣмъ больше припасетъ себѣ для будущей жизни пищи и питья. А когда дѣлаются поминальные обѣды за покойниковъ, то, по убѣжденію русиновъ, все предложенное гостямъ на землѣ становится пищей и питьемъ для того покойника, за котораго дѣлается поминовеніе. Русинка ни за что сама не будетъ ѣсть первыхъ плодовъ отъ лѣтнихъ урожаевъ, какъ-то: яблокъ, грушъ, огурцовъ и т. п., пока не отдастъ бѣднымъ на поминъ души близкихъ и родныхъ, т. е. родителей, дѣтей и др. Въ этомъ случаѣ она полагаетъ, что въ лицѣ бѣдныхъ, которымъ подается плодъ, отвѣдываютъ дорогіе ей умершіе.

Перейдемъ теперь къ міру вѣрованій, суевѣрій и предразсудковъ русиновъ. Сначала остановимся на взглядѣ ихъ на внѣшнюю, видимую природу и нѣкоторыя ея явленія, а затѣмъ коснемся воззрѣній ихъ на міръ невидимый.

Воззрѣнія русиновъ на внѣшній окружающій міръ, съ одной стороны, можно думать, стоятъ въ связи съ древними языческими взглядами на природу, съ другой—позднѣйшими христіанскими. Во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о неразвитости ихъ ума и о пребываніи его въ младенческомъ состояніи въ дѣлѣ знакомства съ міровымъ устройствомъ.

Земля и солнце въ ихъ представленіи святы. Это видно изъ ряда такихъ выраженій, какъ: „святе солнышко гріе“, „святе солнышко заходе“ или браннаго выраженія: „абе (чтобъ) тебе свята земля не приняла“ и т. п. Земля не движется, а неподвижна и поддерживается двумя громадныхъ размѣровъ рыбами; когда онѣ переворачиваются — что у нихъ обыкновенно бываетъ, когда заболятъ бока—происходитъ землетрясеніе.

Видимыя на лунѣ пятна — это изображеніе Каина и Авеля въ моментъ совершенія Каиномъ убійства, а именно, когда онъ поднялъ на вила своего брата; послѣднее произошло въ полѣ, куда оба брата выѣхали за сѣномъ. Самое изображеніе этого преступленія на лунѣ дано съ тою цѣлью, чтобы оно служило для всего міра постояннымъ и живымъ урокомъ гнусности не только братоубійства, но и вообще убійства. Съ рожденіемъ человѣка на свѣтъ рождается и его звѣзда, которая существуетъ только до его смерти, а затѣмъ и сама исчезаетъ. Это паденіе звѣзды съ неба и указываетъ на прекращеніе человѣческой жизни. Млечный путь, называемый иногда „цыганской дорогой“—это пласты сѣна, растерянные цыганами. Малая медвѣдица— курица съ цыплятами или, по мѣстному, „квочка“.

Молнія и громъ рождаются вслѣдствіе преслѣдованія архистратигомъ Михаиломъ діавола [1]). Діаволъ пытается укрыться отъ погони. Мѣстомъ укрытія для него чаще всего служатъ человѣческіе ногти и шерсть собакъ. Чтобы найти укрывшагося діавола, архистратигъ открываетъ небо, т. е. посылаетъ молнію, а затѣмъ, найдя его, стрѣляетъ острымъ камнемъ (аэролитъ). Поэтому человѣку во время грозы не слѣдуетъ имѣть длинныхъ ногтей, чтобы подъ ними не нашелъ убѣжища діаволъ, а отсюда не послужилъ причиною гибели его, а также нужно прогонять собакъ не только отъ себя, но и вообще отъ хаты. Зажегшееся отъ удара молніи строеніе не слѣдуетъ тушить водою; для этого можно пользоваться только коровьимъ молокомъ. Если гроза слишкомъ долго продолжается, то для прекращенія дождя выбрасываютъ изъ хаты на воздухъ лопату или кочергу.

---

[1]) У многихъ русиновъ преслѣдованіе діавола приписывается св. пророку Иліи.

Относительно нѣкоторыхъ птицъ также придерживаются своеобразныхъ вѣрованій.

Летучая мышь вначалѣ была обыкновенной мышью, но когда она однажды въ теченіе святой недѣли поѣла освященной пасхи, то превратилась въ мышь съ крыльями.

Къ аисту питаютъ своего рода уваженіе и считаютъ, что онъ приноситъ счастіе тому дому, на крышѣ котораго свиваетъ себѣ гнѣздо. За обиду аистъ мститъ: онъ можетъ поджечь домъ. Прежде аистъ былъ человѣкомъ. Ему Богъ поручилъ стеречь мѣшокъ съ разными гадами. По свойственной человѣческой природѣ любознательности, онъ не утерпѣлъ и открылъ его. Гады расползлись изъ мѣшка, и вотъ, въ наказаніе за ослушаніе, Богъ превратилъ человѣка въ аиста, поручивъ ему собрать всѣхъ расползшихся гадовъ, что онъ дѣлаетъ и по настоящее время [1].

Также наивны воззрѣнія русиновъ на невидимый, духовный міръ.

О душѣ человѣческой думаютъ, что она находится въ тѣлѣ, возлѣ сердца, и отъ нея происходитъ біеніе послѣдняго. Когда человѣкъ умираетъ, душа вылетаетъ изъ груди, какъ муха, какъ свѣтлякъ, какъ птичка, и въ теченіе сорока дней пребываетъ въ домѣ умершаго. Сообщеніе душъ, отошедшихъ въ загробную жизнь, съ живущими на землѣ бываетъ только во снѣ. Существованіе души самоубійцы отвергается или же крайне жалко, пока она окончательно не погибнетъ. Не погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ душа солдата, убитаго на войнѣ, или человѣка, погибшаго отъ разбойниковъ. Эти души идутъ прямо въ рай. О состояніи душъ умершихъ въ загробной жизни русины придерживаются общехристіанскихъ воззрѣній, т. е. души

---

[1]) „О суевѣріяхъ, обычаяхъ и повѣріяхъ жителей села Ставучанъ, Хотинскаго уѣзда“, „Кишинев. Епарх. Вѣдом.“, 1873 г., № 22, стр. 814—822.

людей, при жизни благочестивыхъ и добрыхъ, будутъ лицезрѣть Бога и вѣчно наслаждаться, а души грѣшниковъ и порочныхъ будутъ подвергнуты вѣчному мученію. У животныхъ души нѣтъ, вмѣсто нея у нихъ „пара“ (воздухъ).

Какъ ангеловъ много, такъ и „дидькивъ“ (чертей) гибель. „Дидько“ всегда куритъ „люльку“ (трубку), не разлучаясь съ ней ни днемъ ни ночью. Непремѣнными его аттрибутами являются хвостъ и роги. Пыль, принимающая видъ столба отъ неожиданно поднявшагося вихря, непремѣнно заключаетъ въ себѣ черта. Маленькое недозрѣлое куриное яйцо („зносокъ“) тоже заключаетъ въ себѣ черта. Если нашедшій „зносокъ“ будетъ при себѣ его носить въ теченіе сорока или даже нѣсколькихъ дней, то сдѣлается или замѣчательнымъ музыкантомъ или искуснымъ мастеромъ чего-нибудь. Въ этомъ случаѣ ему помогаетъ чертъ, который такимъ путемъ какъ бы заключаетъ договоръ съ носящимъ яйцо. Яйцо это перебрасываютъ черезъ домъ, и оно имѣетъ столь крѣпкую скорлупу, что не разбивается. Черти часто живутъ подъ мостами. „Чорты съ хвостами жіютъ підъ мостами“, говорятъ русины, поэтому ночью, до пѣнія пѣтуховъ, не каждый изъ нихъ рѣшится пройти по мосту изъ боязни увидѣть нечистую силу, являющуюся чаще всего въ видѣ черныхъ, обмазанныхъ грязью, людей съ рогами и хвостомъ. Является же нечистая сила преимущественно слабымъ существамъ. Пьяный человѣкъ слабѣе трезваго, а поэтому и доступнѣе вліянію черта; такому же вліянію подвержены дѣти и женщины.

Изъ женщинъ бываютъ вѣдьмы, пользующіяся услугами черта. Онѣ отбираютъ молоко у женщинъ и коровъ, пугаютъ и толкаютъ въ воду пьяныхъ, чаруютъ зельемъ, берутъ пыль съ того мѣста, гдѣ грызлись собаки и незамѣтно этой пылью обсыпаютъ ту супружескую чету, семейное счастье и согласіе которой имъ желательно нарушить, и мужъ съ женою не живутъ уже мирно, а грызутся, какъ собаки. Вѣдьмы обыкновенно разъѣзжаютъ на „коцюбѣ“ (кочергѣ). Днемъ

вѣдьмъ преимущественно бываетъ канунъ дня св. Георгія, а именно ночное время, когда онѣ выдаиваютъ молоко у коровъ, кобылицъ, овецъ, свиней и т. п. животныхъ.

Въ родствѣ съ чертями и вѣдьмами находятся „нявки“ и „опыри“.

Понятія русиновъ о „нявкахъ“ очень туманны и расплывчаты. Въ разныхъ мѣстахъ подъ ними понимаютъ разное, хотя основа вездѣ одинакова — это дурная нечистая сила, которая такъ или иначе причиняетъ человѣку зло. Тогда какъ, напр., у порубежныхъ жителей Холмской Руси и волынскаго люда празднуется культъ двухъ древнихъ языческихъ „великодней“ — „навскаго“ и „русальнаго“, у бессарабскихъ русиновъ они смѣшались. У порубежныхъ жителей Холмской Руси и Волыни чествованіе „навскаго великодня“ имѣетъ своимъ предметомъ почтить души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія, которыя въ день „навскаго великодня“, каковымъ является четвергъ на св. недѣлѣ, со скорбью витаютъ по кладбищамъ и роднымъ мѣстамъ. Культъ „русальнаго великодня“, пріурочиваемый къ христіанскому празднику св. Тройцы, имѣетъ своимъ предметомъ поминовеніе русалокъ, подъ именемъ которыхъ народъ разумѣетъ дѣвушекъ и женщинъ, лишившихъ себя жизни отъ несчастной любви. У бессарабскихъ русиновъ въ однихъ мѣстахъ сохранилось вѣрованіе въ ночное хожденіе умершихъ некрещенныхъ младенцевъ, которые въ теченіе семи дней послѣ своей смерти летаютъ по воздуху и просятъ креста [1]; въ другихъ — вѣрованіе въ какихъ-то женщинъ съ козлиными ногами, особенно опасныхъ въ періодъ такъ называемыхъ „розегровъ“, когда онѣ могутъ защекотать до смерти молодежь, т. е. молодыхъ дѣвушекъ и парней. Эти „розегры“, происходящіе отъ словъ „играть“—

---

[1] „О суевѣріяхъ, обычаяхъ и повѣріяхъ жителей села Ставучанъ, Хотинскаго у.“ — „Кишинев. Епарх. Вѣд.“, 1873 г., № 18 стр. 678.

„забавляться“, какъ и „русальный великдень“ порубежныхъ жителей Холмской Руси и Волыни; во времени совпадаютъ, значитъ культъ ихъ одного происхожденія.— Въ періодъ появленія „нявокъ“ многіе безусловно отказываются отъ всякой работы; для избавленія же отъ нихъ молодежь носитъ возлѣ себя полынную траву. Человѣку, не предохранившему себя указаннымъ способомъ, онѣ тотчасъ являются и причиняютъ ему какое-нибудь зло.

„Опырь“ („оборотень“) — это человѣкъ, имѣющій при жизни хвостъ. До смерти своей онъ безвреденъ, но какъ только умираетъ, то по ночамъ поднимается изъ могилы и ходитъ по селу. Тѣло его обыкновенно не разлагается въ землѣ, и „опырь“, возвращаясь въ могилу, ложится въ гробъ лицомъ внизъ, а не вверхъ, какъ лежатъ другіе мертвецы. Кого „опырь“ или „упырь“ встрѣтитъ на своемъ пути во время ночного странствованія, на того садится и разъѣзжаетъ на немъ, какъ на конѣ. Впрочемъ, „опыри“ больше тревожатъ тѣхъ, противъ которыхъ еще при жизни своей имѣли какую-нибудь злобу. Для избавленія отъ „опыря“ слѣдуетъ при встрѣчѣ съ нимъ не спускать съ него глазъ, а затѣмъ, когда онъ приблизится, ударить его оборотной стороной ладони; отъ такого удара „опырь“ исчезаетъ. Чтобы обезвредить „опыря“, слѣдуетъ открыть его могилу и воткнуть ему въ спину осиновый колъ.

Къ породѣ чертей относится и „ночной блудъ“, который, напавъ на человѣка, можетъ сбить его съ дороги и водить безконечно по полямъ и горамъ, а также та нечистая сила, которая напоминаетъ домовыхъ. Она имѣетъ дѣло съ лошадьми, на которыхъ ночью разъѣзжаетъ, послѣдствіемъ чего бываетъ сплетенная въ косу или взбитая въ колтунъ грива. Такую косу распутывать не слѣдуетъ, такъ какъ отъ этого можетъ исхудать лошадь.

Таковы воззрѣнія русиновъ на нечистую силу.

Говоря о вѣрованіи бессарабскихъ русиновъ въ нечистую силу, нельзя не сказать нѣсколько словъ о роли разныхъ знахарокъ и ворожей въ ихъ быту и объ отношеніи населенія къ нимъ.

Несмотря на развитіе, хотя и медленное, просвѣщенія, знахарки и ворожеи еще не совсѣмъ потеряли свое прежнее обаяніе и значеніе. Знахарки, и при постепенномъ развитіи среди населенія вѣры въ медицину, еще продолжаютъ лѣчить путемъ разныхъ заговоровъ и нашептываній или такъ называемаго „примовленія". Съ нашептываніемъ соединяются и такого рода лѣкарства, какъ: питье, мази, купаніе, обкуриваніе и т. п. Бываютъ случаи и обстоятельства въ жизни, въ которыхъ, по мнѣнію русиновъ, помощь оказать можетъ лишь баба-знахарка. Желаетъ, напр., дѣвушка скорѣе выйти замужъ, она, въ надеждѣ на исполненіе своего желанія, обращается къ такой крестьянской бабѣ, и та начинаетъ ее заговаривать. Есть болѣзни, которыя, по народному вѣрованію, лучше всего врачуются путемъ заговора. Напр., болѣзнь, извѣстная у русиновъ подъ именемъ „волокна" (родъ нарыва), можетъ быть исцѣлена хотя бы такимъ заговоромъ:

„Волокно! Я тебе выклыкаю
Своимы рукамы, Божымы словамы:
Спідъ шкиры, изъ червоной крови,
Изъ жовтои косты, изъ нігтыківъ,
Съ кісточокъ, изъ пагнистівъ:
Тутъ тюбі не буваты,
Червону кровь не роспалюваты,
Серце не въялыты,
Головку не сушыты.
Я тебе відсылаю на пусти села,
На высоки горы, на темный лісъ".

Чума заговаривается слѣдующимъ образомъ:

„Чума-чумища, сука-сукища, відьма-відьмища! Иды собі на мхы, на болота, на камінья, на сухій лісъ, на чортову люльку, відъ раба Божого (имя больного), отъ білого тіла, отъ жовтои косты, тобі его серца не въялыты и косты его не точыты".

По замѣчанію одного наблюдателя русинскаго быта „многія болѣзни приписываются у насъ (с. Данкоуцы) недоброжелательному глазу и лѣчатъ ихъ силою таинственныхъ нашептываній и каббалистическихъ пріемовъ разныхъ знахарей и знахарокъ, которые самымъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ не только обираютъ своихъ паціентовъ, но нерѣдко даже раззоряютъ ихъ. Намъ извѣстенъ слѣдующій фактъ. У одного мужика заболѣла жена. Во дворъ его обильно, конечно, посыпались разныя сивиллы, ибо мужикъ тепленькій, какъ говорятъ. Но всѣ ухищренія назойливыхъ бабъ оказались тщетными. Болѣзнь женщины не только не уменьшается, а напротивъ все больше и больше увеличивается. Мужъ больной жены въ отчаяніи. Знахарки же, собравшись на консиліумъ, единодушно рѣшили, что причина болѣзни заключается въ постройкѣ мужикомъ новаго сарая, поэтому совѣтуютъ ему немедленно разрушить сарай до основанія, такъ какъ за окончаніемъ постройки сарая непремѣнно послѣдуетъ смерть жены. Мужикъ въ простотѣ сердца повѣрилъ этому, и уже приступилъ было къ разрушенію сарая, но одна благочестивая женщина посовѣтовала ему обратиться къ священнику съ просьбой совершить надъ болящей маслособорованіе. Этотъ благой совѣтъ былъ немедленно исполненъ, и черезъ нѣсколько времени женщина стала совершенно здоровой“ [1]).

Продолжаютъ пользоваться большимъ значеніемъ и ворожеи, къ которымъ обращаются въ важныхъ обстоятельствахъ жизни.

Какъ извѣстно, по дѣлу ворожбы спеціалисты-цыганки, нарочно съ этой цѣлью бродящія по деревнямъ. Правда, ихъ стало теперь значително меньше. Бываютъ ворожеи и изъ мѣстныхъ крестьянокъ. Украли, напр., у кого-нибудь лошади въ деревнѣ; потерпѣвшій

[1]) „Краткое описаніе села Данкоуцъ Хотинскаго уѣзда“. „Кишинев. Епарх. Вѣдом.“, 1889 г., № 17 стр. 736.

обращается къ такой ворожеѣ, которая и говоритъ ему, гдѣ слѣдуетъ искать лошадей. Если въ указанномъ мѣстѣ онѣ не найдутся, она отсылаетъ его въ другое а неудачу потомъ искусно объясняетъ нерасторопностью крестьянина или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого.

Только знахарки и ворожеи могутъ имѣть сношенія съ нечистою силою и удостоиваются иногда видѣть ее. Вотъ что разсказываетъ тотъ же наблюдатель жизни Данкоуцкихъ русиновъ о томъ, какъ одна ворожея, по разсказамъ мѣстныхъ крестьянъ, удостоилась видѣть черта. „Къ одному хозяину повадился на горище чертъ. Долго онъ гулялъ по горищу, сбрасывая оттуда всякую находящуюся тамъ рухлядь и доставляя этимъ самымъ сильное безпокойство мужику. Послѣдній—дѣлать нечего—обращается за помощью къ Марысѣ (ворожея), властительницѣ чертей,— обращается съ просьбой выгнать изъ его дома незваннаго и безпокойнаго гостя. Марыся принимается за дѣло. Вооружившись осиповымъ макогономъ, она нѣсколько ночей сряду подстерегаетъ ночного посѣтителя и черезъ нѣсколько времени ей все-таки удалось собственноручно устроить изрядную головомойку черту, послѣ чего послѣдній, сверкнувши пятками, какъ молнія, умчался въ сосѣдній яръ...“ [1]).

Вообще не скоро суждено бессарабскимъ русинамъ, благодаря ихъ темнотѣ и непросвѣщенности, освободиться отъ того вліянія и значенія, какое въ ихъ быту имѣютъ ворожба и знахарство. Впрочемъ, это является удѣломъ и другихъ русскихъ крестьянъ.

Теперь отмѣтимъ нѣкоторыя суевѣрія, примѣты и повѣрія у русиновъ.

Если женщина рожаетъ мертвыхъ младенцевъ, то она даетъ въ церковь ленту („коду“), гдѣ та должна храниться въ теченіе 12-ти богослуженій (литургій); послѣ этого такая женщина опоясывается ею и носитъ до тѣхъ поръ, пока роды не будутъ благополучными.

---

[1]) Тамъ же, стр. 737.

Если кто-либо былъ напуганъ чѣмъ-нибудь, то отдаетъ въ церковь смирну, которая хранится тамъ, какъ и выше указанная лента, въ теченіе 12-ти „службъ" (богослуженій). Взятой изъ церкви смирной подкуриваютъ напуганнаго.

Для лучшаго успѣха въ присвоеніи чужой собственности, воръ, по понятіямъ русиновъ, запасается свѣчой отъ мертвеца (свѣча, которую даютъ въ руки умирающему), которую и зажигаетъ послѣ того, какъ явится на мѣсто преступленія. Процессъ горѣнія, по ихъ понятіямъ, способенъ усыпить всѣхъ домашнихъ глубокимъ сномъ, и тогда воръ спокойно можетъ дѣлать свои приготовленія сообразно съ задуманною цѣлью.

Неожиданно сорвавшійся вихрь и сильный вѣтеръ служитъ вѣрнымъ знакомъ того, что гдѣ-то появился висѣльникъ, т. е. человѣкъ, покончившій счеты съ жизнью съ помощью веревки.

Женщина въ періодъ беременности старается не смотрѣть на предметы, способные оскорбить ея чувство красоты, духовной и физической, такъ какъ безобразные предметы дурно могутъ отразиться на имѣющемъ появиться на свѣтъ ребенкѣ. Смотритъ она только на то, и притомъ долго, что, по понятію беременной, имѣетъ какія-либо несомнѣнныя достоинства.

Въ великій страстной четвергъ полезно выкупаться въ рѣкѣ или пруду до восхода солнца. Это избавляетъ отъ накожной болѣзни, у кого она есть, или предохранитъ отъ нея на будущее время.

Если младенецъ во время процесса крещенія испуститъ мочу, то онъ будетъ воромъ или вообще недобрымъ человѣкомъ.

Вой собакъ знаменуетъ или покойника на деревнѣ или появленіе волка.

На появленіе покойника указываетъ и частый, короткій крикъ совы на крышѣ дома, передаваемый междометіемъ: „куку-вэвъ, куку-вэвъ".

Барахтаніе и купаніе утокъ въ водѣ передъ домомъ предвѣщаетъ непогоду.

Въ понедѣльникъ не слѣдуетъ печь въ домѣ хлѣба—появятся тараканы.

Кошка моется, подушки переворачиваются, пѣтухъ поетъ на крыльцѣ дома, сорока стрекочетъ — будутъ гости.

Если ѣдущему русину куда-бы то ни было перейдетъ кто-нибудь дорогу съ пустыми „коновками“ (сосудъ для воды), то онъ считаетъ свою поѣздку несчастною. Въ виду этого, если въ дорогѣ съ нимъ случится что-нибудь въ родѣ несчастья, какъ-то: сломится въ повозкѣ ось, упадетъ онъ самъ съ нея отъ неосторожности и т. п., то это обстоятельство онъ постарается объяснить только тѣмъ, что ему перешли дорогу съ пустыми „коновками“. Въ виду этого, если идущій или ѣдущій замѣтитъ впереди себя кого-нибудь, переходящаго дорогу съ пустыми ведрами, то онъ или попроситъ пріостановиться или погонитъ скорѣе лошадей, чтобы успѣть переѣхать данный пунктъ дороги до перехода съ пустыми сосудами. И наоборотъ, если случится, что впереди его дорогу кто-нибудь переходитъ съ ведрами полными воды, то онъ остановится, утѣшаясь, что послѣ такого перехода онъ будетъ имѣть во всемъ удачу и успѣхъ.

Предзнаменованіемъ худого, всякаго рода неудачъ и несчастій въ предпринятомъ дѣлѣ служитъ и встрѣча со священникомъ. Примѣта эта, конечно, не мѣстная, а общерусская и объясненіе свое находитъ въ глубокой христіанской древности у насъ на Руси. Переходя изъ вѣка въ вѣкъ, этотъ предразсудокъ удержался и у русиновъ. Онъ до того силенъ, что нѣкоторые при встрѣчѣ съ священникомъ мѣняютъ свое веселое настроеніе духа на грустное, бросаютъ вслѣдъ за священникомъ нѣсколько соломинъ или стебельковъ сѣна, полагая, что этимъ они устраняютъ то зло, которое принесла съ собою встрѣча со священникомъ.

Нельзя не отмѣтить еще повѣрій, пріуроченныхъ къ днямъ: Андрея Первозваннаго (30 ноября), Рождества Христова (25 декабря), св. пророка Иліи (20 іюля) и св. Георгія (23 апрѣля). Хотя повѣрія, связываемыя русинами съ этими днями, какъ и многое другое, не являются только ихъ достояніемъ, а принадлежатъ всему русскому народу, однако мы ихъ коснемся, исходя изъ того соображенія, что, имѣя въ основѣ общерусскій характеръ, они носятъ отчасти своеобразную мѣстную окраску.

30-ое ноября является преимущественно днемъ дѣвушекъ, и въ этотъ день онѣ стараются узнать, за кого выйдутъ замужъ, и когда это будетъ. Съ этой цѣлью въ ночь предъ днемъ св. Андрея дѣвушка, подойдя къ плетню огорода, беретъ первый попавшійся ей подъ руку колъ и начинаетъ считать по парѣ такихъ кольевъ къ одному изъ концовъ плетня. Если послѣдній колъ выйдетъ въ парѣ, то это предсказываетъ ей скорый выходъ замужъ, а если онъ еще вдобавокъ и въ корѣ, то, значитъ, женихъ будетъ не изъ бѣдныхъ.

Второй способъ гаданія бываетъ по словамъ. На канунѣ праздника св. Андрея, поздно вечеромъ, а также и въ самый день св. Андрея, дѣвушка, стоя на дворѣ, прислушивается. Если до ея слуха долетитъ звукъ слова, которое означаетъ движеніе впередъ, то это предсказываетъ ей выходъ замужъ, въ противномъ случаѣ ей еще придется ждать не мало. Сторона, съ которой раздаются звуки, также имѣетъ значеніе, такъ какъ оттуда будетъ женихъ гадающей.

Въ ночь предъ Рождествомъ, по вѣрованію русиновъ, рогатый скотъ, единственный разъ въ году, получаетъ возможность изъясняться на обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ. Предметомъ его бесѣды чаще всего бываютъ хозяева, а темой — день ихъ смерти. Нѣкоторые суевѣрные русины эту ночь посвящаютъ подслушиванію разговора своего скота. Среди нихъ существуетъ легенда о томъ, какъ одинъ хозяинъ подслушивалъ разговоръ своихъ воловъ у ихъ яслей; изъ

разговора онъ узналъ, что его ждетъ скоро смерть, а отвезенъ онъ будетъ для погребенія на кладбище бесѣдовавшими волами. И это пророчество, добавляетъ легенда, дѣйствительно сбылось [1]).

День св. Иліи строго празднуется русинскимъ простонародіемъ. Нарушеніе святости праздника влечетъ за собою слѣдующее наказаніе: молнія, посылаемая св. Ильею, поджигаетъ домъ и убиваетъ нарушителя. Громъ и молнія объясняются тѣмъ, что прор. Илія ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ, разгоняетъ нечистую силу, которую поражаетъ своими огненными стрѣлами (молнія). Случаи, когда молнія поджигаетъ домъ и убиваетъ человѣка, объясняютъ обыкновенно еще и тѣмъ, что сатана, стараясь избѣжать преслѣдованія пророка, прячется на землѣ подъ различными предметами, въ которые пророкъ Илія направляетъ свои молніеносныя стрѣлы. Въ виду этого, во избѣжаніе пораженія молніей, всякому необходимо не допускать къ себѣ сатану, отгоняя его крестнымъ знаменіемъ и словами: „Святъ, святъ, святъ, Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Твоея". Явленія грома и молніи до того запугиваютъ воображеніе русина, что онъ празднуетъ одинаково даже и другой день послѣ дня св. пророка Иліи, называя его „пали" (отъ „жечь" — „палить"). Между прочимъ легендарное сказаніе объясняетъ и происхожденіе этого праздника. Еще во время существованія крѣпостного права шляхтичи-помѣщики сосѣдней Подольской губерніи не имѣли обыкновенія праздновать день св. Иліи, а заставляли подвластныхъ имъ людей отбывать своимъ порядкомъ „панщину". И вотъ, однажды въ день св. Иліи, говоритъ легенда, когда у одного такого шляхтича-помѣщика кипѣла работа на полѣ, неожиданно разразилась гроза; ударившій громъ и ослѣпительная молнія повергли всѣхъ въ смятеніе и бѣгство.

---

[1]) „О суевѣріяхъ, обычаяхъ и повѣріяхъ жителей села Ставучанъ, Хотинскаго уѣзда", — „Кишинев. Епарх. Вѣдом.", 1873 г., № 17, стр. 629—630.

Отъ удара молніи загорѣлся весь собранный въ этотъ день хлѣбъ. Это и научило паповъ праздновать не только первый день пророка Иліи, но даже и другой, названный въ память этого событія „пали“ [1]).

Суевѣрными обрядами начинается и празднованіе дня св. Георгія. Въ этотъ день въ дома, гдѣ есть женщина, кормящая грудью ребенка, или дойная корова и т. п. животное, является вѣдьма или вообще всякая нечистая сила для того, чтобы отнять молоко у женщины или коровы. И вотъ, чтобы предохранить домъ отъ такой гостьи, наканунѣ вечеромъ хозяинъ дома строитъ своеобразныя баррикады: выкапываетъ нѣсколько небольшихъ четвероугольниковъ земли, съ свѣжей весенней травой на нихъ, и ставитъ ихъ на оградѣ своей усадьбы, а главнымъ образомъ на воротахъ, черезъ которыя естественнѣе всего явиться вѣдьмѣ; ворота закладываются бороной; дворъ вокругъ дома обсыпается просомъ, макомъ, пшеницею или вообще какимъ-нибудь мелкимъ зерномъ. Послѣднее хозяинъ дома дѣлаетъ, приговаривая: „Ввійдешь въ хату, якъ визбираешь оце“.

[1]) „Историко-статистическія свѣдѣнія о селѣ Пригородкѣ Хотинскаго уѣзда“, — „Кишинев. Епарх. Вѣдом.“ за 1892 г., № 15, стр. 339.

ГЛАВА II.

Обычаи: рожденіе ребенка, свадьба, погребеніе, праздники. Семейная и домашняя жизнь. — Положеніе женщины.

Рожденіе ребенка.

Какъ только въ семействѣ появляется на свѣтъ новый членъ, отецъ новорожденнаго старается выполнить религіозно-обрядовую сторону; поэтому онъ отправляется къ священнику и приглашаетъ его къ себѣ въ домъ на „молытвыны", т. е. для чтенія родильницѣ положенныхъ молитвъ и нареченія имени родившемуся ребенку. Правда, дѣлаютъ это только состоятельные поселяне. Бѣднѣйшіе же отправляютъ ребенка въ день рожденія или спустя нѣкоторое время съ „мошей" (повивальной бабкой) на домъ къ священнику. Но и тѣ и другіе устраиваютъ у себя семейное торжество. Созываютъ обыкновенно на „молытвыны" родственниковъ, сосѣдей и друзей, которые въ подарокъ родильницѣ приносятъ по одной мискѣ муки, по двѣ пары яицъ, по одной курицѣ и т. п. Самое празднованіе обставляется угощеніемъ собравшихся гостей. При этомъ характерно то, что гостями являются однѣ только женщины. Послѣ „молытвынъ" родители намѣчаютъ день крещенія новорожденнаго и приглашаютъ воспріемниковъ для младенца. Эти воспріемники по отношенію къ родителямъ и другъ къ другу называются, какъ вездѣ, кумовьями (кумъ и кума), по отношенію къ крестникамъ „нанашками", а съ своей стороны называютъ послѣднихъ „финамп". Каждый изъ приглашенныхъ кумовьевъ приготовляетъ „крыжму", т. е. аршина три бѣлаго полотна, которое свертывается въ трубку и перевязывается нитками краснаго и зеленаго гаруса.

Одна изъ такихъ „крыжмъ" и употребляется для повитія ребенка въ день крещенія. Кумовьями обыкновенно бываютъ одни и тѣ же лица, но если послѣ крещенія дѣти скоро умираютъ, то кумовья замѣняются новыми, нерѣдко мальчиками и дѣвочками.

„Крестыны" или „хрестыны" по своему характеру похожи на „молытвыны" съ тѣмъ различіемъ, что теперь являются въ домъ родителей ребенка не однѣ женщины, но и мужья ихъ, неся тоже отъ себя подарки, а затѣмъ онѣ продолжаются не одинъ день, какъ „молытвыны", а нѣсколько; послѣдній день носитъ специальное названіе „покрестынъ". На „покрестынахъ" даются подарки кумовьямъ родителями крещеннаго ребенка и состоятъ эти подарки въ томъ, что дарятъ по парѣ большихъ калачей каждому изъ воспріемниковъ. По окончаніи крестинъ повивальная бабка носитъ среди собравшихся гостей чарку водки, поставленную на миску или деревянный кружокъ. Водку пьютъ, а на кружокъ или въ миску бросаютъ „десятки" и „шестаки" [1]. Деньги эти идутъ въ пользу собирающей ихъ; деньги же, собираемыя ею при раздачѣ кумовьямъ калачей, идутъ въ ползу крещеннаго младенца.

Конечно, какъ и всякое семейное торжество, „молытвыны", „крестыны" и „покрестыны" сопровождаются, по большей части, изрядной выпивкой. Расходящіеся послѣ этихъ собраній, особенно послѣ „покрестынъ", гости имѣютъ обыкновеніе, идя по улицѣ, пѣть соотвѣтствующія пѣсни, Вотъ для примѣра одна изъ такихъ пѣсенъ:

---

[1]) Названія монеты (пять и три коп.). Названія монетъ у русиновъ носятъ на себѣ слѣды отчасти польскаго вліянія, отчасти молдавскаго. Такъ, у нихъ, какъ и у поляковъ, существуетъ счетъ на гроши и „злоти" (15 коп.), а не на копейки; 1 коп.=два гроша, 2=четыре гроша и т. д.; 3 коп. имѣютъ еще названіе „*шестакъ*", 5 коп. — „*десятка*", 10 коп. — „*левъ*" (уже молдавское названіе), 20 коп.—„*два лева*" и т. д., 15 коп. „*золотый*", 25 коп.—„*излукъ*", 1 рубль—„*карбованецъ*".

„Кумко, моя мыла!
Я для тэбы голубчика (голубя) имыла,
Тай на садъ пустыла,
Зробыла съ гребенецъ—студенецъ,
А съ головки печеня буды,
Обідъ добрый, щей вечеря".

Свадьба [1])

Обыкновеннымъ временемъ заключенія свадьбъ бываетъ осень, когда прекращается уборка хлѣба, а также зимнее время предъ наступленіемъ великаго поста.

Намѣтивъ себѣ въ извѣстномъ семействѣ подходящую невѣсту (въ данномъ случаѣ руководствомъ служитъ или собственное чувство и соображеніе или указаніе родителей), женихъ засылаетъ сначала сватовъ; при этомъ самъ онъ или отправляется съ сватами въ домъ невѣсты, гдѣ однако не входитъ сразу въ комнату, а ожидаетъ результата на дворѣ, или же остается у себя дома. Явившись въ домъ намѣченной невѣсты, сваты начинаютъ издалека подходить къ цѣли своего прихода. Они, не подавая ни малѣйшаго вида, разсуждаютъ сначала съ хозяевами о самыхъ обыденныхъ вещахъ и предметахъ и только потомъ незамѣтно переходятъ къ своей миссіи и излагаютъ все дѣло. Рѣдко за этимъ со стороны невѣсты или ея родителей слѣдуетъ отказъ, такъ какъ и самые сваты засылаются только послѣ предварительнаго уговора между женихомъ и невѣстою. Послѣ этого приглашаютъ въ комнату и жениха, по адресу котораго со стороны другихъ деревенскихъ парубковъ, провѣдавшихъ о сватаніи и собравшихся гдѣ-либо неподалеку, начинаютъ раздаваться выкрикиванія въ родѣ слѣдующаго:

---

[1]) При описаніи свадебныхъ обычаевъ мы руководствовались между прочимъ тѣми свѣдѣніями, какія имѣются по этому предмету въ статьѣ „Селеніе Ленковцы, Хотин. уѣзда. Историко-статист. описаніе", помѣщенной въ Кишинев. Епарх. Вѣдом." за 1880 г., въ №№ 16, 23 и 24.

Одинъ парубокъ: „кабакъ“!
Другой—„та не бей собакъ“!
Третій—„нехай той бье, шо дівку бере“!

По входѣ жениха въ хату, сваты вынимаютъ принесенные съ собою хлѣбъ и водку и начинаютъ угощать домашнихъ невѣсты. Вотъ съ этого и завязывается свадьба, и это ея начало носитъ спеціальное названіе „пыты слово“. Тутъ же, въ этотъ вечеръ (сваты являются вечеромъ), происходитъ между родителями невѣсты и сватами совмѣстно съ женихомъ, играющимъ болѣе пассивную роль, обсужденіе и назначеніе времени „запитія могорыча“. Въ этотъ послѣдній день происходитъ окончаніе предбрачнаго дѣла. День этотъ представляетъ, собственно говоря, „заручыны“ или обрученіе. На эти заручины, происходящіе тоже вечеромъ, приглашаются ближайшіе родственники жениха и невѣсты, а также нѣкоторые изъ сосѣдей, иногда даже и священникъ. Это полуофиціальное собраніе, Тутъ, въ присутствіи всѣхъ указанныхъ лицъ, брачному дѣлу даютъ окончательное рѣшеніе. Сами заручины состоятъ въ слѣдующемъ. Сначала спрашиваютъ жениха и невѣсту, согласны ли они вступить въ бракъ, затѣмъ отбираютъ у нихъ кольца и бросаютъ въ миску, наполненную житомъ или пшеницею. Эти кольца должны быть разысканы женихомъ и невѣстой, но такъ, чтобы кольцо жениха попало къ невѣстѣ, а ея къ жениху. За этой обрядностью слѣдуетъ ужинъ, состоящій изъ обычнаго крестьянскаго угощенія. Водку приносятъ со стороны жениха, а закуска готовится отъ невѣсты. Тутъ же, за ужиномъ, происходитъ назначеніе дня свадьбы.

Приготовленія къ свадьбѣ идутъ въ теченіе цѣлаго почти мѣсяца. Къ свадьбѣ готовятся—женихъ отдѣльно и невѣста отдѣльно, такъ какъ потомъ, послѣ вѣнчанія, она происходитъ совершенно самостоятельно у одного и другой. Рѣдко и очень рѣдко, большею частью, только вслѣдствіе крайней бѣдности, женихъ и невѣста устраиваютъ одну общую свадьбу. Поэтому

необходимыхъ лицъ для свадьбы, т. е. разныхъ свидѣтелей, а затѣмъ и гостей, каждая изъ вступающихъ въ бракъ половинъ приглашаетъ отдѣльно другъ отъ друга. Конечно, посаженные отецъ и мать — „батько" и „матка" бываютъ общіе. Прежде всего приглашаютъ шаферовъ и дружекъ („дружбъ" и „дружекъ"). Послѣднихъ каждая сторона приглашаетъ по четыре — двухъ шаферовъ и двухъ дружекъ, т. е. двухъ парубковъ и двухъ дѣвушекъ. Затѣмъ приглашаются такъ называемые „паны старосты". Эту почетную роль исполняютъ въ теченіе всей свадьбы по два человѣка съ каждой стороны, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываетъ и по одному. Наконецъ женихъ и невѣста нанимаютъ, каждый для себя отдѣльно, „скрипниківъ" (музыкантовъ). Музыка обыкновенно состоитъ изъ скрипки и цимбалъ, но если нанимающіе люди зажиточные, то къ нимъ еще присоединяется „бубенъ" (родъ маленькаго барабана, но съ особеннымъ устройствомъ кожа на одной только сторонѣ барабана) или „басъ", т. е. віолончель [1]). Приглашеніе необходимыхъ лицъ и участниковъ свадьбы дѣлается заранѣе, такъ что къ вечеру пятницы всѣ они собираются въ домъ пригласившихъ ихъ лицъ — жениха или невѣсты.

Здѣсь, вечеромъ этого дня, и начинаются, собственно говоря, всѣ свадебныя церемоніи. Началомъ ихъ служитъ обрядъ приготовленія для участниковъ свадьбы свадебныхъ значковъ изъ листьевъ „барвінка", зеленѣющаго въ зимнее время и плетенія вѣнка для жениха или невѣсты. Вѣнокъ жениха готовится слѣдующимъ образомъ. Кружокъ, величиною въ мѣдный пятакъ, обшивается при помощи синей или красной нитки „барвинкомъ", листья котораго потомъ позолочи-

[1]) Другихъ музыкальныхъ инструментовъ у русиновъ нѣтъ, такъ какъ къ нимъ нельзя относить „сопілки" (свирѣли) пастуховъ и „лиры" лирниковъ, не употребляющихся при танцахъ.

ваются сусальнымъ золотомъ; къ серединѣ ободка прикалывается вѣточка изъ василька, сверху небольшое павлиное перо, а внизу привѣшивается нарочно для того приготовленная изъ гаруса кисть, или иначе „киточка“. Этотъ вѣнокъ, по изготовленіи, прикрѣпляется къ шапкѣ жениха (высокой, овечьей). Прикрѣпленіе сопровождается пѣніемъ особыхъ свадебныхъ пѣсенъ. Шапку съ приготовленнымъ такимъ образомъ вѣнкомъ женихъ послѣ этого не надѣваетъ самъ, а дѣлаетъ это постоянно при немъ съ этого времени присутствующій „дружба“ или шаферъ.

Вѣнокъ невѣсты нѣсколько сложнѣе и приготовленіе его отнимаетъ болѣе продолжительное время. Онъ плетется изъ пеньки по мѣрѣ окружности головы невѣсты и обшивается посредствомъ заполочи „барвинкомъ“, который, какъ и въ вѣнкѣ жениха, покрывается сусальнымъ золотомъ. Затѣмъ онъ надѣвается на голову невѣсты. Косы у нея расплетены и расчесаны. Мѣсто, оставшееся на срединѣ головы пустымъ, украшается особо прикрѣпленными къ волосамъ звѣздочками изъ листьевъ „барвинка“. Такія же звѣздочки пришиваются всѣмъ участникамъ свадьбы, т. е. шаферамъ— къ шапкамъ, дружкамъ – къ волосамъ, свахамъ— къ „кырнамъ“. Не забываютъ этого сдѣлать даже музыкантамъ. При этомъ, какъ и при плетеніи вѣнка жениха, поются свадебныя пѣсни вродѣ слѣдующихъ:

1.

Изъ руточки (пахучее растеніе)
Три квиточки (квитка—цвѣтокъ)
Най Богъ благословытъ!
Най Богъ благословытъ!
И отецъ и маты
Своему дитяты
Віночекъ зачинаты,
А въ другій разъ
Тай въ добрый часъ
Благословы, Боже!

2.

Чи я тобі, Марійко, не казала,
Чи я твоему серденькови не пріяла?
Та не ходы до броду по воду,
Та не слухай соловейка у саду,
Та не слухай зозуленьки якъ кує,
Та не беры подарунки, кто дае,
Бо то-ти подарунки ни до чого,
Відвидутъ тя відъ батенька до чужого!

3.

Летятъ галочки
Въ три рядочки,
Зозулька напереди;
Всі галочки на лугу сілы
А зозулька на калыні.
Всі дівочкы заспівалы,
А Марійка заплакала:
Пошлю галочку
По родыночку,
А сокола по ненычку (отца или мать).
Галочка иде,
Всю родину веде,
А сокола не выдаты.
Соколъ литае
И крыльцами мае,
А неньки не выдаты:
Ручки прыкрыти,
И дверци прыбыти
Сырою землею тяженькою.
Веселыся, сынку,
Въ тяжелу годынку!
Мені тамъ не буваты
И тобі порядку не даваты.

4.

Повій, вітре, дорогою
За нашею молодою!
Розвій, вітре, русу-косу
По червоному поясу!
Нехай руса-коса знае,
Шо віночекъ пріймае.

Не разъ же мя ненька кляла,
Якъ я косу заплитала.
Заплети жъ мені, ненько, гораздъ (хорошо),
Бо то послідній разъ.
Марійка свои ненички —
Перехожая заря,
Перешла хату-сіны,
Впала неньці на колінь,
Тай косами плечи вкрыла,
Слізочками личко вмыла.
Ты казала, моя неничко:
„Не дамъ тебе, моя дочечко!"
А теперь ты мене даешь,
Тай світъ мені завязуешь.
Даешь мене, ненько, молоду,
Остается мое зилля у саду.
Даешь мене, моя ненько, відъ себе.
Хто жъ буде полываты мое зилля безъ мене?
Вставай же, моя ненько, раненько,
Тай полывай мое зилля частенько,
Вечерными и ранишними зоричками (заря)
А ще ліпше дрібненькими слізочками.

5.

Деревце райское
Надъ раемъ стояло,
Въ рай его похылыло.
Въ рай его похылыло,
Тай сыненько зацвіло,
Сыненько зацвіло,
Тай не богацько вродыло.
Тай зродыло дві ягідочки,
Тай то тіи не такіи:
Обыдви золотіи.
Една мені ягідочка —
Молодая Марійка,
Другая мені ягідочка —
Молоденькій Иванко [1]).

---

[1]) „Селеніе Ленковцы, Хотинскаго уѣзда. Историко-статистическое описаніе". „Кишинев. Епарх. Вѣдомости", 1880 г., № 23, стр. 1054—1057.

Обрядомъ плетенія вѣнка обыкновенно и ограничивается свадебное торжество пятницы.

Первая половина слѣдующаго дня носитъ для жениха и невѣсты и всѣхъ принимающихъ участіе въ свадьбѣ религіозный характеръ. Съ наступленіемъ утра, женихъ и невѣста отправляются въ церковь, гдѣ остаются до конца всего богослуженія. По окончаніи его, они исповѣдываются, затѣмъ идутъ домой, гдѣ вмѣстѣ съ другими присутствуютъ на панихидѣ, совершаемой приглашеннымъ для этой цѣли духовенствомъ. По окончаніи обѣда, предлагаемаго всегда въ такихъ случаяхъ, всѣ посторонніе расходятся; остаются только ближайшіе участники свадьбы и, подъ игру музыкантовъ и пѣніе свадебныхъ пѣсенъ, оканчиваютъ плетеніе вѣнка. Когда вѣнокъ совершенно готовъ, то невѣсту усаживаютъ на стулъ, расплетаютъ ей косу и, подъ пѣніе слѣдующей пѣсни, чешутъ ей волосы:

Сідай, Марійко, на стилецъ!
Подай, матинько, грибенецъ!
Росчисаты русу-косу підъ вінецъ.
Дежъ твій, Марійко, старшій братъ,
Щобъ твою русу-косу росплитавъ?
Дежъ вінъ твои киснычки подивавъ:
Чи въ море, чи въ Дунай покидавъ?
А не въ море, ни въ Дунай покидавъ,
Лишень свои червони чоботы підвязавъ.

Стану я на кедрыну (перила около колодца),
Крикну я на родыну:
„Сходыся, родыночко.
Бо вже Марійка въ віночку!“

По окончаніи пѣнія и расчесыванія волосъ, невѣста встаетъ и, подъ минорное пѣніе участниковъ свадьбы слѣдующей пѣсни, она по порядку кланяется по три раза до самыхъ ногъ отцу, матери и всѣмъ роднымъ:

Грайте, музыки, різко (рѣзко, сильно),
Кланяйся, Марійко, низко:
И старому, и малому,
И Богови Святому.
Кланяйся, Марійко, гожé (хорошо),
И Богъ тобі поможе,
И не одынъ тобі скаже:
„Благослови тя, Боже!"

Выполнивъ эту обрядность, она становится между своими дружками-дѣвушками. Старшій шаферъ беретъ тогда за руку старшую дружку, эта послѣдняя руку невѣсты, которая въ свою очередь держитъ вторую дружку, а эта второго „дружбу" — боярина и, подъ игру музыкантовъ, съ громкимъ „ухканіемъ" обоихъ шаферовъ, всѣ участвующіе въ свадьбѣ въ этомъ видѣ направляются къ отворенным дверямъ. Старшій „дружба", находящійся впереди взявшихся вышеупомянутымъ образомъ за руки участниковъ свадьбы, подойдя къ дверямъ, бьетъ по нимъ крестообразно своею палкою (обыкновенною палкою съ привязаннымъ къ ней платкомъ) и произноситъ: „Пане старосто! просымъ благословенства". Въ отвѣтъ на это раздаются слѣдующія слова старосты, стоящаго въ сѣняхъ: „Най (пусть) Богъ благословытъ!" Это повторяется три раза. Въ сѣняхъ, предъ выходомъ на дворъ, вышеописанная церемонія съ просьбою о благословеніи и отвѣтъ „пана старосты" повторяется снова. Выйдя со двора, свадебная процессія, во главѣ съ „панами-старостами", несущими пару калачей и бутылку съ водкой, направляется съ пѣснями и громкими выкрикиваніями къ наиболѣе уважаемымъ лицамъ въ деревнѣ, имѣющимъ какое-нибудь отношеніе къ свадьбѣ, т. е. къ посаженому отцу и матери, священнику и т. д. „Паны-старосты" при этомъ идутъ безъ „рушныківъ" (полотенецъ). Полотенцами ихъ перевязываютъ въ день „пропія", т. е. только къ концу свадьбы. Калачи и водка ими оставляются въ томъ домѣ, который посѣщается. Передъ самымъ домомъ всегда поютъ пѣсню, соотвѣтству-

ющую тому лицу, которое посѣщаютъ. Такъ передъ домомъ „батька“ или посаженаго отца поютъ:

„Ледомъ до батька ледомъ,
У батька горивка съ медомъ“ и т. д.,

передъ домомъ священника:

„Идемо до попа, идемо,
Колачи несемо,
Жытни е и пшеньічни,
Колы жъ воны вылычни...“

Послѣ того, какъ посѣтятъ въ деревнѣ уважаемыхъ хозяевъ, всѣ возвращаются домой, гдѣ танцы продолжаются до глубокой ночи.

Предъ самымъ домомъ поется слѣдующая пѣсня:

Добрый вечіръ; маты!
Я съ сіный до хаты.
Чи добре мы зробылы —
Всю родыну спросылы:
Старого и малого,
Щей Бога святого.
Ой, матинько-утко,
Увыхайтыся хутко,
Бо мы ся увыхалы,
Усе село звуювалы.

Во время ужина характернымъ является приглашеніе „пана-старосты“ отъ лица жениха или невѣсты (смотря по тому, въ домѣ кого идетъ свадебное торжество) присутствующихъ къ угощенію:

„Десь е у нашои пани-молодои тато и мама, и просы пани-молода: ставтыся на завитання.

Десь е у нашои пани-молодои братъ и сестра, и просы пани-молода добрымъ словомъ, нызкимъ поклономъ: ставтыся на завитання.

Десь е у нашои пани-молодои тітки и вуйкы [1]), и просы пани-молода добрымъ словомъ, нызкимъ поклономъ: ставтыся на завитання, будьте ласкави.

---

[1]) Названія родства у русиновъ слѣдующія: отецъ—*дядя*, *тато* и *нeньо*; мать—*мама*, *мамка*; дядя *вуйко*; тетя—*тітка*; племянникъ и племянница — *непітъ* и *непота*; двоюродный братъ—*першый братъ* (также и сестра); мужъ сестры—*швагеръ*.

Товарыши и товарышки! Проси пани-молода на завитания добрымъ словомъ, нызкимъ поклюномъ, до стола приступитъ и Еленку надаритъ".

Присутствующіе по мѣрѣ приглашенія подходятъ къ столу, пьютъ водку и бросаютъ въ миску деньги. Самое приглашеніе производится у жениха въ субботу, а у невѣсты во время воскреснаго ужина.

Въ субботу женихъ и невѣста обмѣниваются подарками Свахи со стороны жениха везутъ невѣстѣ „черевики", а со стороны невѣсты сорочку жениху.

Съ наступленіемъ воскресенія всѣ участники свадьбы опять собираются въ домъ жениха и невѣсты. Здѣсь до отправленія въ церковь къ вѣнчанію повторяется та же церемонія, которая происходила наканунѣ, т. е. усаживаніе жениха или невѣсты на стулъ или скамейку, расчесываніе волосъ ихъ, земные поклоны роднымъ и испрашиваніе благословенія у родителей. Затѣмъ всѣ отправляются въ церковь. Женихъ, большею частью, ѣдетъ въ церковь верхомъ, за нимъ также верхомъ „дружбы"; остальные участники свадьбы, какъ-то: „свашки" (свахи), „паны-старосты" и др. на возахъ.

Предъ отправленіемъ изъ дома поютъ слѣдующее:

Чи годенъ хто відгадаты,
Куда маемъ мандруваты (отправляться):
Чи въ гай, чи въ дорогу, чи до Божого дому?
Ни въ гай, ни въ дорогу, лышь прямо до Божого дому.

Пѣніе различныхъ пѣсенъ при слѣдованіи въ церковь идетъ своимъ чередомъ; только пѣсни теперь, большею частью, минорнаго характера. Если невѣста сирота, то поютъ слѣдующее:

А вдарылы ангелы на небі,
Тай збудылы ін мамку у гроби.
Иды, иды ін мате до суду,
Бо вже ведутъ твое дитя до слюбу (бракъ).

Направляясь послѣ вѣнчанія изъ церкви домой, поютъ въ числѣ прочаго слѣдующую пѣсню:

Дякуемъ (благодаримъ) попонькови,
Дякуемъ попонькови,
Якъ вірному батенькови,
Шо намъ слюбъ давъ,
Не много взявъ —
Пивторя червоного (полтора червонца)
Відъ пана-молодого.

Предъ самымъ же домомъ:

Выйди, матинько, противъ насъ,
Спытай же (спроси) людей и всіхъ насъ:
Де твое дитятко бувало?
Підъ райскимъ вінкомъ слюбъ брало.
Тамъ съ дяками попы співалы,
Тамъ свічкы съ огнями пылалы,
Тамъ твое дитятко стояло
Підъ райскимъ вінкомъ слюбъ брало (вѣнчалось).

Послѣ вѣнца новобрачные возвращаются каждый въ свой домъ. Жениха и невѣсту встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и солью родители и благословляютъ ихъ. Мать притомъ выходитъ, одѣвъ „кожухъ“ (тулупъ) на изнанку. Затѣмъ предлагается свадебный обѣдъ, во время котораго поютъ:

Хміль лугами,
Пшеныченька ланами,
Честный батечку,
Пообідайте съ нами.
Сызый голубъ по столу скаче,
Въ червоныхъ чобіткахъ пляше,
Иістъ и пье
И въ бубенъ бье,
Въ сопилочку (дудка) грае,
Батычка прыпрошае:
„Батечку нашъ, вельможный пане!
Батечку нашъ, вельможный пане!
Зажійте (покушайте) жъ вы теперь съ нами,
Солодкій медъ, зелене вино
На столу поставлено“.

По окончаніи обѣда идутъ танцы.

Характерной является поѣздка жениха въ воскресенье послѣ обѣда за невѣстой. Онъ садится на лошадь, что дѣлаютъ и сопровождающіе его „дружбы", а также и нѣкоторые другіе парубки; остальные садятся въ повозки, послѣ чего всѣ трогаются при пѣніи различныхъ пѣсенъ. Предъ самымъ домомъ невѣсты поютъ слѣдующее:

Не страхайся, теще!
Не много насъ плеще:
Тридцятеро и двое
На подвірю твоемъ.
А въ нашого свата
На петрушці хата,
Петрушка підгныла
Тай хату свалыла.

Пропѣвъ эту пѣсню, свадебные начинаютъ слѣдующую:

Ой зза горы вітеръ віе,
Зза другои Андрій йде.
Пріизжае на подвірря
До Даріи на висилля.
А Дарія его вздрила (увидѣла).
За тесови столы сіла,
Русой-косой плечи вкрыла,
Слізочкою личко вмыла,
Слізою дрібненькою,
Тай за мамкою ріднанькою.
„Стій, Андрію, хоть годыну,
Най гуляю я зъ родыной,
Уже съ тобою выбыраюся
Зъ рідною мамкою розлучаюся.
У мои мамки крути горы—
Погуляты—доволи,
А у милого всюду рівно —
Погуляты невілно".
„Гуляй, мыла, якъ гуляла,
Тілько и воли маешь".

У невѣсты въ это время на дворѣ танцуютъ „волоскій танецъ" (молдавскій). Подъѣхавъ къ танцую-

щимъ, женихъ во всю прыть три раза ѣдетъ кругомъ танцующихъ („грае жвавымъ (быстрымъ) конэмъ, шо вінъ ажъ пляше“ — такъ обыкновенно характеризуютъ ѣзду жениха русины). Послѣ этого онъ останавливаетъ своего коня, и къ нему выходитъ изъ хаты невѣста. Она кропитъ его св. водой или же, въ другихъ мѣстахъ, подноситъ ему чарку водки, а затѣмъ и сама пьетъ. Выпивъ водку, женихъ бросаетъ невѣстѣ на тарелку или миску деньги, а она покрываетъ его коня „корцемъ“ (ковромъ). Прибывшіе вмѣстѣ съ женихомъ начинаютъ послѣ этого пѣть:

Шовковый шнурочекъ стіну гне,
Зять до тещи челомъ бье;
А теща тымъ ся не турбуе (не безпокоится)—
Війшла на двіръ—зятя частуе:
„Стелыся, зятиньку, стелемъ (т. е. будь обходителенъ)
На подвіричку хмелемъ,
А въ сіняхъ барвинкомъ,
А въ хаті—василькомъ“.

Затѣмъ, по окончаніи этой пѣсни, начинается своебразная церемонія съ „ловленіемъ калача“. Начинаютъ ее съ слѣдующаго. Женихъ и невѣста мѣняются калачами, которые каждый изъ нихъ, начиная съ субботы, носитъ привязаннымъ платкомъ къ рукѣ. Ставъ по обѣимъ сторонамъ жениха на лошадяхъ, шафера берутъ у него полученный отъ невѣсты калачъ. Въ полую середину этого калача они вкладываютъ свою „дружбинскую“ палку и поднимаютъ его вверхъ; одинъ „дружба“ держитъ палку съ одного конца, а другой съ другого. Подъ эту палку съ калачемъ посрединѣ ея проѣзжаетъ на лошади женихъ три раза. Какъ только онъ проѣдетъ въ послѣдній разъ, старшій шаферъ моментально выдергиваетъ у своего товарища палку съ калачемъ и во всю прыть скачетъ на лошади въ поле или по направленію къ нему. Всѣ, кто только въ это время находится на лошади, бросаются за нимъ въ погоню съ цѣлью отнять калачъ. Такъ какъ при

этомъ представляется возможность выказать свою ловкость, то каждый старается догнать ускакавшаго и отнять у него калачъ, чего послѣдній не позволяетъ сдѣлать. У кого очутится калачъ, тотъ дробитъ его на мелкіе кусочки и даетъ каждому гостю, принимая при этомъ похвалы въ своей ловкости.

За этимъ обрядомъ „ловленія калача" всѣ со двора начинаютъ входить въ домъ. При входѣ повторяется обычная церемонія, т. е. всѣ активные участники свадьбы держатъ другъ друга за руки, поютъ, „ухкаютъ" и т. п. Всѣхъ входящихъ въ домъ встрѣчаетъ отецъ невѣсты и усаживаетъ за столъ, на которомъ уже разложено угощеніе. Входитъ и женихъ и усаживается рядомъ съ невѣстой, теперь уже женой своей. До этого же времени они всегда за столомъ сидятъ между своими дружками. Но предъ этимъ происходитъ еще слѣдующее. Войдя въ хату, женихъ пытается сѣсть за столъ возлѣ невѣсты, но братъ послѣдней или его замѣняющій не пускаетъ его и дѣлаетъ это до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ жениха выкупа за право сидѣть подлѣ невѣсты. Кинувъ выкупныхъ два — три рубля, женихъ схватываетъ невѣсту въ свои объятія, цѣлуетъ ее и затѣмъ усаживается рядомъ съ ней за столъ.

Наконецъ послѣ закуски, подъ музыку, пѣніе и пляску, начинается выселеніе изъ дома невѣсты молодыхъ. По порядку выносятъ на находящіяся подлѣ дверей повозки домашнее приданое невѣсты. Иногда во время этого захватываютъ и лишнія вещи, но за этимъ зорко слѣдятъ родственники невѣсты. Послѣ этого выходятъ на дворъ и поютъ слѣдующую пѣсню:

Куда же ты, Марійко, походыла,
Шо твоя головочка побіліла?
Ходыла-жъ въ вишневый садъ,
Тай на мою головку цвітъ впавъ.
Татаринъ братчикъ, татаринъ,
Продавъ сестричку за талеръ,
А русу-косу за шестакъ,
А румяне личко пішло вже и такъ!

Новые мужъ и жена съ прочими верховыми участниками свадьбы и гостями, которые по дорогѣ выкрикиваютъ, поютъ и т. п., отправляются на свое новое мѣсто жительства.

Въ понедѣльникъ вечеромъ бываетъ такъ называемый „проній". Онъ состоитъ въ томъ, что всѣ свадебные невѣсты ѣдутъ въ домъ жениха и здѣсь покрываютъ молодую женщину. Въ это время музыка усиливается, благодаря тому, что музыканты жениха и невѣсты соединяются. Исполненіе церемоніи „покрытія" возлагается на старшаго „дружбу". Исполняетъ онъ ее подъ пляску съ платкомъ на двухъ палкахъ. Молодая женщина при обрядѣ покрытія головы обыкновенно плачетъ, такъ какъ новый головной уборъ служитъ для нея символомъ новаго ея положенія — замужней женщины, положенія иногда мало отраднаго. Ея плачъ поддерживается плачемъ окружающихъ, особенно родителей, разстающихся со своею дочерью.

Оканчивается свадьба обыкновенно въ среду. По этому поводу сложилась у русиновъ даже и поговорка: „Пришла середа—розигнала весилля".

Погребеніе.

Смерть и погребеніе сопровождаются слѣдующими обычаями.

Къ каждому тяжко заболѣвшему семья приглашаетъ священника для того, чтобы больной могъ предъ смертью покаяться. Въ домѣ всѣ внимательно слѣдятъ за его движеніями. Всякій жестъ больного соотвѣтствующимъ образомъ толкуется, каждое неожиданное явленіе въ домѣ изъясняется въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для больного смыслѣ. Если онъ слишкомъ часто оборачивается къ стѣнѣ, смотритъ на ногти рукъ или видитъ у своего изголовья смерть (въ видѣ безобразной старой женщины съ косой въ рукахъ или зубатой бабы), то его ждетъ смерть. Непонятный стукъ въ стѣнѣ, лопаніе въ домѣ какихъ-нибудь вещей, въ родѣ

обруча на коновкѣ, стеклянной банки и т. п. предвѣщають смерть больному. Соотвѣтствующимъ образомъ толкуются и сны больного и даже здоровыхъ. Умирающему дается свѣча въ руки. Если умершій не закрылъ одного глаза, то это значитъ, что умретъ еще кто-нибудь изъ домашнихъ.

Послѣ смерти тѣло умершаго обмывается теплою водою, убирается въ чистое бѣлье („шматя") и кладется близкими на сѣно на лавкѣ. Сверху тѣло покрываютъ бѣлымъ полотномъ. Подъ голову пожилому мужчинѣ кладутъ шапку, съ которою и хоронятъ. Пожилую или замужнюю женщину хоронятъ въ ея парадномъ головномъ уборѣ, какимъ является „кырпа" или „кычка", смотря по тому, что она носила при жизни. Голова же дѣвушки, а изрѣдка и парня украшается вѣнкомъ, приготовленнымъ изъ зеленыхъ листьевъ терна или же изъ цвѣтовъ—васильковъ и „чернобрывцівъ" въ знакъ молодости, среди которой увяла жертва смерти.

Послѣ перенесенія тѣла въ гробъ и прикрытія его крышкой, что бываетъ обыкновенно позже, а не въ самый день смерти, въ комнатѣ, по мѣрѣ возможности, всѣ предметы переносятся съ одного мѣста на другое, дабы уничтожить всякій слѣдъ того порядка, какой былъ при жизни умершаго. Затѣмъ начинается приготовленіе длинной свѣчи, нижней части которой придается спиралеобразная форма. Длина свѣчи равняется длинѣ тѣла умершаго. Этой свѣчѣ придаютъ важное значеніе и, по возвращеніи послѣ похоронъ съ кладбища, она горитъ въ домѣ въ теченіе цѣлой ночи. Еще до недавняго времени существовалъ слѣдующій обычай. Вечеромъ въ день смерти члена семьи въ домѣ, гдѣ лежалъ покойникъ, собиралась молодежь на такъ называемый „лубокъ". Послѣдній состоялъ въ томъ, что собравшіеся устраивали разныя игры съ цѣлью отогнать и разсѣять, хотя немного, мрачное и подавленное настроеніе окружающихъ умершаго. До погребенія послѣдняго домашніе мужчины — мужъ, сынъ и т. п. обыкновенно ходятъ и ѣздятъ съ открытой головой. На погоду при

этомъ не обращается никакого вниманія. Погребаютъ преимущественно на третій день послѣ смерти. Предъ выносомъ гроба съ умершимъ всѣ родные и близкіе, находящіеся въ комнатѣ, запираютъ двери ея и смотрятъ нѣкоторое время по направленію окна. Затѣмъ вслѣдъ за выносимымъ гробомъ выходятъ изъ комнаты. При выносѣ покойника изъ хаты гробомъ три раза ударяютъ о порогъ комнаты, изъ которой выносятъ, и о порогъ самой избы, что означаетъ прощаніе покойника съ мѣстомъ стараго жилища. По выносѣ гроба на дворъ, на крышку его кладутъ кусокъ полотна величиной въ полтора аршина или полотенце („рушныкъ"), а также хлѣбъ или калачъ со свѣчой. Эти вещи остаются на крышкѣ вплоть до могилы, послѣ чего переходятъ въ распоряженіе совершающаго погребеніе духовенства. Предъ самымъ выступленіемъ похоронной процессіи распорядитель стелетъ на землѣ у воротъ кусокъ полотна, черезъ которое переносится гробъ съ покойникомъ. Полотно это потомъ дарится кому-нибудь изъ участниковъ процессіи. Помимо того, кто-либо изъ родныхъ даритъ живую курицу одному изъ присутствующихъ. Гробъ или несутъ на рукахъ, носилкахъ или везутъ на телѣгѣ волами. Умершаго сопровождаетъ народъ, а родственники во всю дорогу по немъ плачутъ и голосятъ, иногда просто для поддержанія обычая. По дорогѣ къ кладбищу родными за упокой души умершаго раздается милостыня, которая состоитъ изъ: коровъ, овецъ, подушекъ, холста, утиральниковъ и т. п. Раздавая ее, говорятъ: „Просымо васъ— пріймитъ за душу помэршаго".

Причитыванія бываютъ различны. Для примѣра укажемъ слѣдующія. Если умираетъ отецъ или мать, то дѣти голосятъ:

„Дядьку (или неньку) нашъ, мамко наша, шанко (попечительница наша, дорогая)! Хто насъ буде доглядаты и до розуму прыводыты? Видки васъ будемъ дожидаты — чи изъ-за горы высокои, чи изъ-за воды глибокои, чи изъ-за ліса темненького, чи изъ-за цвынтаря (кладбища) смутненькаго?"

Такъ съ небольшими измѣненіями оплакиваютъ дѣти родителей, сестра брата и т. п. При вступленіи похоронной процессіи на кладбище (а также во время остановокъ при чтеніи евангелія) стелютъ на землю полотенце, на которое опускается гробъ. Это полотенце идетъ потомъ на помнпъ души умершаго. Во время опусканія гроба въ могилу туда бросаютъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ въ знакъ того, что умершій какъ бы уплачиваетъ за свое будущее жилище. По возвращеніи съ кладбища родные умершаго всегда устраиваютъ у себя въ домѣ поминки. Это дѣлается въ самый день погребенія, на второй и сороковой день. Обѣды эти или поминки носятъ названіе „парастаса". Въ началѣ „парастаса" нѣсколько мужчинъ поднимаютъ во время пѣнія „вѣчной памяти" на воздухъ столъ и двигаютъ имъ то вверхъ, то внизъ. На столѣ бываютъ: калачи съ горящими свѣчами, миски съ двумя калачами и вѣткой дерева, на которой навѣшаны: яблоки, сливы, орѣхи, конфекты, бублики, пряники. Все это послѣ раздается присутствующимъ. Угощеніе начинается съ „колыва" или кутьи и отличается отъ обычнаго лишь тѣмъ, что общепринятыя пожеланія замѣняются пожеланіями царства небеснаго похороненному покойнику.

Что касается самоубійцъ, то поминки по нимъ не устраиваются, наоборотъ, даже разговоровъ о нихъ стараются избѣгать. Хоронятъ ихъ обыкновенно внѣ кладбища. Всякое нарушеніе этого обычая влечетъ за собою сильное недовольство со стороны крестьянъ. Такъ весною 1888 года въ селѣ Данкоуцахъ, Хотинскаго уѣзда, была найдена повѣсившаяся старуха. Снарядили, какъ водится, по этому случаю слѣдственную комиссію. Комиссія, по разслѣдованіи дѣла, нашла возможнымъ похоронить старуху на приходскомъ кладбищѣ. Случайно послѣ этого наступила двухмѣсячная засуха. Причину послѣдней усмотрѣли въ томъ, что приходское кладбище пріютило самоубійцу, и вотъ „вся деревня загорланила", что комиссія не должна была

позволить хоронить самоубійцу по православному обычаю на кладбищѣ [1]).

Того мѣста, гдѣ самоубійца покончилъ счеты съ жизнью, всякій избѣгаетъ, такъ какъ, по общему вѣрованію, самоубійца является туда въ началѣ каждаго мѣсяца. Всякаго встрѣчнаго онъ можетъ „пидтяты", т. е. подрѣзать его жизнь, и такой человѣкъ недолго будетъ жить. Мало того, избѣгаютъ изъ боязни дурного ходить даже той дорогой, по которой везли самоубійцу, и того мѣста, гдѣ онъ зарытъ [2]).

Праздники.

Празднованіе рождественскихъ святокъ начинается съ кануна Рождества или съ „святого вечера". Возвратившись поздно изъ церкви, хозяева „вечеряютъ" (ужинаютъ), причемъ подъ скатерть, покрывающую столъ, кладется сѣно. За часа два до наступленія вечера семейства, въ которыхъ есть мальчики или дѣвочки, посылаютъ послѣднихъ къ сосѣдямъ съ такъ называемой „вечерею". Эта „вечеря" есть не что иное, какъ миска съ вареной пшеницей, перемѣшанной иногда съ тертымъ макомъ; поверхъ пшеницы кладутъ конфекты, небольшіе кусочки яблокъ и калачъ. И вотъ, эту миску, завязанную въ платокъ, мать даетъ своему сынишкѣ или дѣвочкѣ и посылаетъ ихъ обносить сосѣдей и друзей, предварительно хорошенько укутавъ для защиты отъ холода. Принеся „вечерю" въ домъ, мальчикъ или дѣвочка подаетъ ее хозяйкѣ со словами: „Тато и мама прислалы вамъ вечерю" и при этомъ цѣлуетъ ея руку. Хозяйка развязываетъ платокъ, смо-

---

1) „Краткое описаніе с. Данкоуцъ, Хотин. у." „Кишинев. Епарх. Вѣдомости", № 17, стр. 736, 1889 г.

2) „О суевѣріяхъ, обычаяхъ и повѣріяхъ жителей села Ставучанъ, Хотинскаго у." — „Кишинев. Епарх. Вѣд.", 1873 г., № 18 стр. 677.

тритъ изъ чего состоитъ „вечеря“ и затѣмъ опять завязываетъ ее. Въ благодарность принесшему она даетъ нѣсколько копеекъ, калачъ, немного орѣховъ или конфектъ и т. п.

Другіе мальчики, на долю которыхъ не выпало носить „вечери“ или уже успѣвшіе ее снести, куда слѣдуетъ, отправляются на „щадровки“. Для этого они собираются въ небольшія группы, состоящія изъ двухъ— трехъ человѣкъ, и, ходя отъ хаты къ хатѣ, поютъ подъ окнами дома слѣдующее:

Щедрій вечіръ,
На святый вечіръ.
Ой че дома панъ господарь?
Ой я знаю, що вінъ дома,
Сыдытъ собі конецъ стола;
На нимъ шуба, шуба лёва (льва);
Та и шапка королёва;
А въ ти шапці сімь червонцівъ,
Сему—тому по червоному,
А намъ хлопцамъ по боханцу,
А дівчатамъ по віночку,
А молодыцямъ по палянеци (хлѣбу)
А попови по друкови (палка)
А дякови по колови.
Дайте ковбасу, бо вамъ хату рознесу!

Щадровки не вездѣ, конечно, одинаковы. Вотъ для примѣра еще одна щадровка (накапунѣ Крещенія):

Ой сівъ Хрыстосъ та вечеряты,
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ!
Прыйшла до його та Божая Маты:
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ!
„Отдай, сыну, райскіи ключи,
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ
Одімкнуты рай и пекло,
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ!

Выпустыты грішніи души,
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ!
Тилько не выпустыты однiеи души,
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ!
Що отца и матиръ та налаяла,
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ!
Не налаяла, лишь подумала".
Щедрый вечіръ, добрый вечіръ
Добрымъ людямъ на ввесь вечіръ!

За это щедрованіе мальчики получаютъ по „боханцу", т. е. небольшому хлѣбу. Въ концѣ концовъ нѣкоторые до того нагружаются „боханцами", что еле бываютъ въ состояніи снести ихъ домой.

Дѣвочки на „щадровки" не ходятъ; имъ больше поручаютъ носить „вечерю".

Когда наступаютъ сумерки, мальчиковъ смѣняютъ парубки, которые распѣваютъ слѣдующую коляду:

Братъ нашъ Иванъ хвалытся конэмъ
Передъ королэмъ; но ни въ короля
Ни въ кого нема такого коня.
Въ мого коня золота грива,
Тырнови очи, шовковый хвістъ,
Серебряни підковы.
Копытами камінь лупае.
Шовковый хвістъ слідъ замітае,
Тырнови очи бачутъ днемъ и въ ночи;
Золота грива перса (грудь) покрыла.
А за симъ словомъ—бувайте здорови:
И ты молодче, Иване-хлопче,
И сами съ собою, съ сею колядою.

Хожденіе молодежи съ колядою продолжается непрерывно въ теченіе первыхъ трехъ дней Рождества. Парубки разбиваются на группы и въ теченіе указаннаго времени успѣваютъ обходить всю деревню. Содержаніе колядокъ рѣдко имѣетъ отношеніе къ празднику и бываетъ самое разнообразное. Мы здѣсь приведемъ нѣсколько колядокъ:

Пане господарю! Чи ты дома!
Гой дай, Боже!
Же нема го дома—въ темнімъ лісі
Гой дай, Боже!
Же у темнімъ лісі камень лупае
Гой дай, Боже!
Же камень лупае—церковь моруе
Гой дай, Боже!
Же церковь моруе—съ тремя верхами
Гой дай, Боже!
Же съ тремя верхами. съ тремя хрестами
Гой дай, Боже!
Же я у першімъ верху всі звоны звоня
Гой дай, Боже!
Же у другімъ верху свічі палаютъ
Гой дай, Боже!
Же у третімъ верху службы ся правя
Гой дай, Боже;
Же усі звоны звоня за господаря
Гой дай, Боже!
Же усі свічи палаютъ за господыню
Гой дай, Боже!
Же службы ся правя за гарну дівчыну
Гой дай, Боже!
Та за сымъ же словомъ та бувайты здорови
Гой дай, Боже!

Гей у саду, ще и винограду,
Тамъ са убирала паня
Срібромъ по поясъ, золотомъ по шею.
У неділю рано якъ зоря зійшла,
Она до церкви шла.
Вздыбалы іи два молодци;
Якъ оны іи здыбалы,
Тай са спыталы: „Чія ты дочка?
Чи ты царевна? чи ты королевна?"
„Я не царевна, не королевна,
Я ненькова дочка, сама собі панночка.
Не сама собою, алы съ колядою,
Красная, прекрасная, якъ зоря ясная,
Зарученая ажъ до Галыча" [1]).

---

[1]) Эта коляда поется въ Буковинѣ. „Галычъ"—урочище. Въ приднѣстровскихъ селахъ эта самая коляда имѣетъ слѣдующій варіантъ:

Честный величный,
Пане-господаре!
Ой дай, Боже!
Пане-господаре,
А вставай не спы!
Ой дай; Боже!
Замітай дворы,
Застілай столы
Ой дай, Боже!
Клады колачи,
Зъ ярои пшеныци!
Ой дай, Боже!
Бо прійдутъ тобі
Три гости зъ року
Ой дай, Боже!
Три гости зъ року,
Три товарыщи:
Ой дай, Боже!

Ой дай же ва саду,
Въ саду—винограду,
Тамъ грішна панна наряжалась,
Шовковый нарясъ съ себы скидала,
Въ золото убыралась.
Якъ зоря зійшла,
До церквы пішла.
Тамъ паничи стоялы,
Шапочкы знялы,
Шапочкы знялы,
День добрый далы,
День добрый далы
И тогды пыталы:
„Чи ты царівна,
Чи ты королівна?“
„Я не царівна,
Я не королівна,
Лишь отецка дочка,
Лышь сырбыночка“.
Винчуемъ же мы васъ
Съ святымъ Різдвомъ,
Винчуемъ бо щастемъ и здоровьемъ,
А за цымъ же словомъ,
Та бувайты жъ здорови.

Першій товарыщъ!
Чимъ ся похвалышь?
    Ой дай, Боже!
А сонце каже,
Якъ я тай взійду
    Ой дай, Боже!
Якъ я тай взійду
Въ неділю рано
    Ой дай, Боже!

Тай взрадуются
Церкви—костіолы,
    Ой дай, Боже!
Церкви—костіолы
Въ церквахъ престолы
    Ой дай, Боже!

Другій товарыщъ!
Чимъ ся похвалышь?
    Ой дай, Боже!
А місяцъ каже,
Якъ я тай взійду
    Ой дай, Боже!

Якъ я тай взійду
Зъ вечера пізно
    Ой дай, Боже!
Тай взрадуется
Гость въ дорозі
    Ой дай, Боже!
Гость у дорозі
Волыки въ возі
    Ой дай, Боже!

А третій товарыщъ!
Чимъ ся похвалышь?
    Ой дай, Боже!
А дощикъ каже:
Якъ я тай спаду
    Ой дай, Боже!
Якъ я тай спаду,
Три раза въ маю
    Ой дай, Боже!

Тай родытся
Жито—жито
    Ой дай, Боже!
Жито—пшеныця
Всяка пашныця
    Ой дай, Боже!

Винчуемъ мы васъ (поздравляемъ)
Святомъ—святами
Ой дай, Боже!
Съ святомъ—святами
Съ святымъ Рождествомъ
Ой дай, Боже!
А за симъ же словомъ
Та бувайты жъ здорови
Ой дай, Боже!

Пропѣвъ коляду, одинъ изъ стоящихъ подъ окномъ парубковъ выкрикиваетъ: „Хлопци-молодци! дайты ся чуты! Винчуемъ—поздравляемъ сего господаря съ Св. Рождествомъ, а мы всі щастемъ и здоровьемъ, а вы кажитъ: „дай, Боже!“ Какъ мальчики за щедрованіе получаютъ „боханци“, такъ колядующіе получаютъ отъ хозяина дома въ благодарность за поздравительное пѣніе пару калачей и немного денегъ. Если у хозяина дома есть взрослая дочь-дѣвушка, то колядниковъ приглашаютъ въ домъ для „плясаня“. Это „плясане“ состоитъ въ томъ, что парубки подъ звуки, всегда сопровождающей ихъ, музыки пляшутъ предъ дѣвушкой, получающей отъ родителей для раздачи немного мелкой мѣдной монеты. Эти деньги дѣвушка держитъ между своими ладонями и побрякиваетъ ими. Пляшущій парубокъ держитъ въ рукахъ шапку и пляшетъ до тѣхъ поръ, пока ему что-нибудь не перепадетъ. Обыкновенно пользующіеся расположеніемъ дѣвушки успѣваютъ наплясать больше другихъ. Пляска происходитъ подъ пѣніе остальныхъ парубковъ и игру музыкантовъ. Поютъ слѣдующее:

Ой тупа—тупа
Тутъ грошей купа,
А грошей нема
Лышъ дівка сама.
Ой, гила, гила,
Гусеньки, на ставъ,
День добрый, дівчино,
Щесь бо я не спавъ.

Ой не спавъ—не спавъ,
Не буду спаты,
Бо за годыну буде світаты (черезъ часъ
будетъ всходить заря).

Какъ самая мелодія пѣсни, такъ и пляска подъ пѣніе и музыку очень характерны и своеобразны. За нею слѣдуютъ всегдашніе деревенскіе танцы: казачекъ, полька или поляндра, венгерка и т. п.

Праздники Рождества служатъ между прочимъ такимъ временемъ, когда, при помощи совершенія различныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, можно, по вѣрованію русиновъ, укрѣпить свой боязливый духъ и сдѣлать его смѣлымъ, безстрашнымъ. Съ этою цѣлью до наступленія утренней зари другого дня Рождества хозяйки въ домѣ подметаютъ весь соръ и нечистоту, накопившіеся за день и, собравъ въ одну кучу, зажигаютъ его. Затѣмъ перепрыгиваютъ черезъ получившійся такимъ путемъ костеръ. Этотъ обрядъ зажиганія костра носитъ названіе „шмалыты діда" (жечь дѣда). Костеръ устраивается иногда въ саду, что будто бы можетъ повлечь за собою его урожай.

Вечеромъ подъ Новый Годъ парубки ходятъ по деревнѣ съ такъ называемой „маланкой". „Маланка" — маскарадное переодѣваніе. Одинъ изъ парубковъ, покрасивѣе другихъ, переодѣвается женщиной, которая носитъ названіе „маланки", другой наряжается дѣдомъ, третій цыганомъ, четвертый изображаетъ изъ себя козу или что-нибудь въ родѣ этого и т. д. Нарядившись такимъ образомъ, парубки съ музыкой обходятъ тѣ дома, гдѣ есть взрослыя дѣвушки. Дѣлаютъ они это до глубокой ночи. Войдя въ домъ, они подъ игру музыкантовъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Аще вчера, азвечера
Наша маланка качура пасла (селезня),
Наша маланка качура пасла,
Доки вечерня заря не загасла.

Тай пасучи заблудыла,
Шукаючи—заблудыла,
Заблудыла въ чыстімъ полі,
Де мій милый плугомъ оре.
Тай не оре, тай не плуже —
За маланкою дуже туже (сильно тоскуетъ).
Тай ни стешки, ни дорошки
Пішла маланка до ворошки.
Ворошка ся розболіла,
Маланці правды не сповіла (не сказала).
Наша маланка - поднїстрянка,
Днїстромъ брыла (шла) — воду пыла,
На каміні ноги мыла.
На каміні ноги мыла
Тонкій фартухъ замочыла.
Повій, вітре, изъ болота,
Высушы фартухъ, якъ золото.
Наша маланка підъ штыры дошки,
Пуститъ маланку до хаты трошки;
Маланка буде мыскы мыты,
А дідъ буде юшку пыты,
Маланка буде хату месты,
А дідъ буде смітя несты,
Маланка буде прыпичекъ мастыты,
А дідъ буде глину мисыты.
А въ Камнянці стала тревога:
Пуститъ до хаты—бійтеся Бога...
Гой, чечёнчеку—Васельчеку!
Не гоны куры по хлівчеку,
Бо въ насъ куры дорогіи—
По четыре золотіи.
Гой, чеченчеку—Васельчеку!
Сыды тыхо на прыпичку —
Або мені горнецъ сбавышь,
Або собі жупанъ спалышь [1]).

[1]) Эта пѣсня, распѣваемая молодежью 31 декабря въ день св. Меланіи (начало ея приведено между прочимъ у *А. Потебни* въ его *„Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ“* — „Рус. Филол. Вѣстн. 1885 г., № 4, стр. 287. Вотъ оно:

Ой учора из вечора
Пасла Меланка два качура,
А пасучи загубила;
Приблудила въ чисте поле,
А тамъ Василько (1 янв.) плужкомъ оре...),

На ряду съ отмѣченной пѣснею въ Буковинѣ поютъ слѣдующую:

Вылытіла ластівочка,
Сіла собі край віконця,
Тай начала щебетаты,
Выклыкала газду (хозяина) съ хаты:
„Выйди, выйди, газдо, съ хаты,
Подывыся по оборі —
Ваши кобылы ся ужеребылы
По коныку породылы".
Вылытіла ластівочка,
Сіла собі край віконця,
Тай начала щебетаты,
Выклыкала газду съ хаты:
„Выйди, выйди, газдо, съ хаты,
Подывыся по оборі —
Ваши коровы ся вnоложылы,
По бычковы породылы".
Вылытіла ластівочка,
Сіла собі край віконця,
Тай начала щебетаты,
Выклыкала газду съ хаты:
„Выйди, выйди, газдо, съ хаты,
Подывыся по оборі —
Ваши вівци ся покотылы,
По баранчыкова породылы".
Вылытіла ластівочка... и т. д.

Послѣ того, какъ хозяинъ впуститъ парубковъ въ домъ, маланка начинаетъ хозяйничать въ немъ. Она переставляетъ комнатные предметы съ одного мѣста на другое, моетъ миски, мажетъ стѣны глиной, подметаетъ комнату и проч. Остальные подъ игру музыкантовъ предаются различнымъ потѣшнымъ кривляніямъ и ломаніямъ [1]).

представлетъ интересный случай перенесенія на христіанскихъ святыхъ чертъ совершенно свѣтскихъ. Общее ея содержаніе, если исключить мотивы, вязанные съ главнымъ чисто механическимъ путемъ, изображаетъ Василія и Меланію любовниками или мужемъ и женою.

[1]) „Историко-статистическія свѣдѣнія о с. Пригородкѣ, Хотин. уѣзда"—„Кишинев. Епарх. Вѣдом." 1892 г., № 15, стр. 341 и 342. Этотъ обычай ряженія и хожденія съ маланкою

Въ день Новаго Года рано утромъ мальчики, захвативъ съ собою въ узелокъ немного жита или пшеницы, отправляются по домамъ поздравлять хозяевъ съ наступившимъ Новымъ Годомъ. Войдя въ хату, они бросаютъ на землю зерно и приговариваютъ:

Сію, вію, посіваю,
Съ Новымъ Годомъ поздравляю.
Роди вамъ, Боже,
Жито—пшеныцю
И всяку яреныцю;
Роди вамъ, Боже,
Коноплю по стелю,
Шобъ війшла рубашка по землю;
Роди вамъ, Боже,
И ленъ по коліна,
Шобъ васъ голова не боліла.

Въ другихъ мѣстахъ это же поздравленіе варіируется нѣсколько на иной ладъ, а именно:

исполняется у бессарабскихъ русиновъ подъ Новый Годъ. Въ другихъ мѣстахъ Малороссіи такой же обычай хожденія съ козою и медвѣдемъ (т. е. наряженными козою, медвѣдемъ) совершается на Рождество днемъ или вечеромъ, а въ Пинщинѣ даже на Новый Годъ утромъ. Интересно отмѣтить, что обычай этотъ существуетъ не только у славянъ. А. Потебня въ своемъ „Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ" („Рус. Фил. Вѣстн." 1885 г. № 1, стр. 160) говоритъ, что „Рождественскіе обходы ряженыхъ съ медвѣдемъ и козою, извѣстные и у Болгаръ (Качановскій, Пам. Болг. н. тв. I, 3—4), не могутъ быть отдѣлены отъ подобныхъ обходовъ въ Германіи и Швеціи. Въ Германіи въ числѣ ряженыхъ—человѣкъ, обвязанный гороховой соломой, мѣстами называемый der Bär (сканд. Björn, медвѣдь, прозвище Тора) и Klapperbock (-швед. Julebock, рождеств. козелъ). Принадлежность Klapperbock-а козлиная шкура и деревянная голова съ подвижною щелкающею челюстью (какъ у русс. козы и серб. турицы Караджич. Рјечн. *Тороје*), что напоминаетъ имена козловъ Тора: Tanngniôstr (=Zahnknisterer) и Tanngrîsnir (=Zahnknirscher), а также и то, что грозовымъ божествамъ Индрѣ и врагу его Вртрѣ приписываются золотыя челюсти, производящія громъ (Mannhardt, Germ. Mythen 123, 237—8; Аѳ. II. В. I, 387)".

Сію, вію, посіваю,
Съ Новымъ Годомъ поздравляю.
Сійся, родыся, жито—пшеныця,
Левъ по коліна, сорочка по землю,
На Новый Рікъ, на Василя,
Шобъ васъ голова не боліла.

Поздравленіе съ Новымъ-Годомъ, сопровождающееся бросаніемъ зеренъ жита или пшеницы, даетъ возможность кое-гдѣ суевѣрной семьѣ пользоваться ими, какъ извѣстной силой; окуриваніе подобранными зернами въ состояніи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, предохранить домъ отъ заноса эпидеміи; поэтому всѣ зерна, брошенныя мальчиками, тщательно подбираются и сохраняются. По бросаемымъ зернамъ имѣющіяся въ домѣ дѣвушки-невѣсты гадаютъ. Онѣ стараются во время паденія ихъ ловить и затѣмъ подсчитываютъ: если всѣ зерна окажутся въ парѣ— быть невѣстѣ въ этомъ году замужемъ.

Въ этотъ же день происходитъ еще одинъ способъ гаданія объ урожаѣ въ наступившемъ году. Берутъ лукъ и изъ него приготовляютъ 12 мясистыхъ частей, по числу 12 мѣсяцевъ. Каждую часть лука посыпаютъ солью. Въ какой изъ нихъ окажется послѣ этого больше влаги, въ томъ мѣсяцѣ (каждая часть лука соотвѣтствуетъ извѣстному мѣсяцу) и будетъ больше дождя, а если это мѣсяцъ, когда дождь дѣйствительно необходимъ для урожая хлѣбовъ, то отсюда и заключаютъ объ урожайности наступившаго года.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ этотъ же день молодые парни поздравляютъ своихъ родителей такимъ образомъ, что вводятъ въ комнату молодыхъ телушекъ, которыя служатъ какъ бы символомъ обилія силъ и здоровья. За это родители одариваютъ своихъ дѣтей [1]).

Обычаи, сопровождающіе празднованіе кануна Богоявленія, заключаются въ слѣдующемъ. Въ этотъ день

---

[1]) „О суевѣріяхъ, обычаяхъ и повѣріяхъ жителей села Ставучанъ, Хотинскаго уѣзда", „Кишинев. Епарх. Вѣдом." 1873 г., № 7, стр. 315—316.

крестьяне принимаютъ пищу довольно поздно, лишь послѣ богослуженія въ храмѣ, которое бываетъ не рано, и лишь напившись освященной воды. „Вечеря", т. е. ужинъ, во всякомъ случаѣ бываетъ далеко еще до захода солнца. Какъ и наканунѣ Рождества, на столъ, подъ скатерть, набрасываютъ сѣна. Во время „вечери" загадываютъ объ урожаѣ наступившаго года при посредствѣ стебельковъ сѣна, вынимаемыхъ изъ-подъ скатерти. Если вынутый стебель будетъ длиненъ, то урожай предстоитъ хорошій. Въ этотъ день, какъ и наканунѣ Рождества, ѣдятъ кутью. Гаданіе происходитъ и при ея посредствѣ. Берутъ ложку кутьи и подбрасываютъ вверхъ. Если подброшенныя зерна пшеницы прилипнутъ къ потолку комнаты всѣ или, по крайней мѣрѣ, много изъ нихъ, то наступившій годъ будетъ урожайный для пчелъ.

Наканунѣ Крещенія, какъ и въ Рождественскій сочельникъ, разносится по домамъ мальчиками и дѣвочками „вечеря".

Съ кануна Крещенія начинается вторая половина рождественскихъ святокъ. Какъ и первая, она сопровождается хожденіемъ молодежи по селу съ колядой. Какъ въ началѣ святокъ мальчики ходили съ щедровками, такъ теперь они ходятъ съ такъ называемымъ „гейканіемъ". Послѣднее состоитъ изъ хожденія подъ окна хатъ и выкрикиванія такихъ возгласовъ:

Гей, твои волы, мои волы,
Гей, твій візъ, мій візъ,
Гей, твои колеса, мои колеса,
Гей, твое ярмо, мое ярмо,
Гей, твій батігъ, мій батігъ (кнутъ)
и т. д.

Самое выкрикиваніе происходитъ такимъ образомъ, что одинъ изъ мальчиковъ произноситъ: „Твои волы— мои волы", а остальные громко и протяжно произносятъ: „Гей—гей". Запѣвало далѣе произноситъ: „твій візъ—мій візъ" и остальные опять: „гей—гей". Полу-

чивъ кусокъ хлѣба, мальчики подходятъ подъ окна другой хаты и т. д. Деревня въ эту пору полна звуковъ, такъ какъ происходящее одновременно подъ окнами многихъ хатъ „гейканіе“ тревожитъ собакъ, въ изобиліи держимыхъ въ русинскихъ деревняхъ, которыя, какъ ошалѣлыя, лаютъ и кидаются подъ ноги „гейкающихъ“ мальчиковъ [1].

Парубки поютъ подъ окнами дома крещенскую коляду. Коляду они стараются пѣть каждому хозяину, такъ какъ это сопровождается сборомъ денегъ для найма музыкантовъ. Съ наступленіемъ полуночи прекращается хожденіе съ колядой, потому что раздающійся въ это время колокольный звонъ приглашаетъ всѣхъ въ церковь. Народъ понемногу начинаетъ стягиваться туда. Возлѣ церкви собираются толпы мальчиковъ съ горящими головнями въ рукахъ. Для нихъ особое торжество побывать при освященіи воды подлѣ колодца, находящагося неподалеку отъ церкви или рѣки. Здѣсь всѣ деревенскіе охотники послѣ освященія воды оглашаютъ воздухъ холостыми выстрѣлами изъ ружей. Вылетѣвшимъ изъ ружья комкомъ ваты пытаются завладѣть всѣ, отчего происходитъ неописуемая давка. Этому комку суевѣрные русины придаютъ особенныя лѣкарственныя свойства и имъ лѣчатъ при тифозныхъ горячкахъ, или когда боль въ головѣ отзывается стрѣляніемъ въ ушахъ. Вату вкладываютъ въ такихъ случаяхъ въ уши, вѣря, что какъ когда-то вылетѣлъ изъ дула ружья комокъ ваты, такъ улетитъ изъ ушей то, что производитъ въ нихъ стрѣляніе. Часть изъ присутствующихъ при освященіи воды выкрикиваетъ: „кирилейса“ (исковерканное греческое слово: „Κύριε ἐλέησον“ Господи, помилуй).

---

[1] Это „гейканіе“, въ нѣкоторыхъ русинскихъ поселеніяхъ происходящее подъ Новый Годъ, носитъ на себѣ вліяніе сосѣдняго молдавскаго населенія.

Подъ вліяніемъ духовенства, пѣніе коляды, рождественской и крещенской, смѣняется кое-гдѣ пѣніемъ соотвѣтствующихъ церковному празднику религіозныхъ пѣсенъ въ родѣ тропаря: „Рождество Твое, Христе-Боже“ и т. п.

По возвращеніи въ день Крещенія рано утромъ изъ церкви, женщины дѣлаютъ на потолкахъ дома кресты горящей свѣчой, воткнутой въ „трицу“. Получающееся на потолкѣ черное изображеніе креста, равно какъ и весь этотъ обрядъ, способны, по убѣжденію его исполняющихъ, укрѣпить боязливый духъ и особенно въ состояніи вселить смѣлость противъ волковъ. Самая же „трица“, въ которой находится свѣча, представляетъ изъ себя родъ букета изъ засушенныхъ цвѣтовъ, которые въ нижней своей части повязаны платкомъ.

Пасхальныхъ обычаевъ по сравненію съ Рождественскими меньше.

Обыкновенно, какъ и вездѣ на Руси, въ ночь передъ Пасхой большинство не спитъ. Нѣкоторые придерживаются повѣрія, что въ это время небо бываетъ отверсто; поэтому такія лица остаются въ теченіе всей ночи на дворѣ своего дома, вѣруя, что, увидя открывшееся небо, они будутъ счастливы въ теченіе всей своей жизни, а послѣ смерти непремѣнно попадутъ въ рай. Неудачу въ этомъ отношеніи они объясняютъ недостоинствомъ человѣка, слѣдящаго за открывающимся небомъ. Когда одна часть населенія предается такому безобидному времяпрепровожденію, какъ разсматриваніе небеснаго свода, другая, преимущественно парубки, пользуясь оплошностью какого-нибудь хозяина, утаскиваетъ у него часть плетневой ограды, иногда цѣлыя ворота или что-нибудь въ этомъ родѣ, сноситъ похищенное на одну какую-нибудь улицу, чаще всего примыкающую къ церкви, и тамъ все это зажигаетъ, сложивши предварительно въ костеръ. Этотъ обычай, не взирая на свои чисто отрицательныя стороны, продолжаетъ попрежнему кое-гдѣ существовать.

Въ первый день Пасхи большинство поселянъ собирается возлѣ церкви. Здѣсь молодежь устраиваетъ разныя игры, а старшіе беседуютъ другъ съ другомъ и любуются играющими дѣтьми. Дѣвушки въ это время устраиваютъ хороводы. Онѣ берутся за руки и, повернувшись лицомъ къ лицу, образуютъ большой кругъ. Ходя изъ одной стороны въ другую, онѣ поютъ разныя хороводныя пѣсни. Самой любимой въ этомъ случаѣ является пѣсня о „воротарчикѣ":

Воротарю, воротарю, воротарчику!
Я втворю, я втворю воротычка.
А шо тамъ, а шо тамъ за панъ иде?
А шо намъ, а шо намъ за даръ везе?
Золотее, золотее зерняточко,
Крайнее, крайнее дитяточко!

Поется и другая пѣсня:

Мы крывого танцу идемъ,
Ему кінца не найдемъ,
Якъ хто хоче кінецъ найты
Тому дамо вінецъ плесты.

Значительная часть пѣсенъ, распѣваемыхъ въ это время молодежью, отличается своею краткостью. Иногда трудно въ нихъ доискаться общаго смысла. Мальчики и нѣкоторые изъ парубковъ во время хороводнаго пѣнія кубаремъ подскакиваютъ къ кругу дѣвушекъ и всячески мѣшаютъ имъ кружиться. За это иному, конечно, достается отъ дѣвушекъ изрядно подзатыльниковъ. Другіе устраиваютъ особую игру „журавель", состоящую въ томъ, что взявшись за руки, они составляютъ длинную шеренгу, затѣмъ бѣгаютъ такимъ образомъ возлѣ кружащихся въ хороводѣ дѣвушекъ.

На другой и третій день праздника пожилое населеніе остается дома, а парубки и дѣвушки подъ вечеръ

устраиваютъ танцы. Мальчики же съ утра являются исполнителями слѣдующаго обычая, аналогичнаго съ такимъ же обычаемъ въ Польшѣ. Взявъ „гарчекъ"—продолговатый деревянный сосудъ для воды („кѣновку" въ уменьшенномъ видѣ) и небольшой пучекъ васильковъ для кропленія водою, они отправляются въ тѣ дома, гдѣ есть „дівчата"—невѣсты и, опустивъ пучекъ въ воду, брызгаютъ имъ на дѣвушку или, иначе говоря, „обливаютъ" ее. Это „обливаніе" у нѣкоторыхъ происходитъ въ буквальномъ значеніи этого слова, т. е. весь „гарчекъ" съ водой выливается шустрымъ мальчикомъ или парубкомъ на зазѣвавшуюся дѣвушку. Если „обливаніе" произведено въ должныхъ границахъ, совершившій его получаетъ отъ обливаемой дѣвушки „писанку" или расписанное красками яйцо, одну или больше, смотря по тому, какъ произведено „обливаніе". Послѣднему дѣвушки придаютъ большое значеніе, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ стараются заранѣе завербовать побольше мальчиковъ для обливанія.

Обычай этотъ, по объясненію нѣкоторыхъ, сохранился отъ древнихъ временъ, когда молодыхъ людей обливали водою въ первые дни св. Пасхи. Онъ былъ еще въ древней христіанской Руси и дошелъ со временъ язычества. Этотъ обрядъ, исполненіе котораго пріурочено къ одному изъ важнѣйшихъ весеннихъ праздниковъ—дню св. Пасхи, выражалъ вѣрованіе древнихъ русскихъ въ благодѣтельную силу весенней водной стихіи.

Изъ обычаевъ, пріуроченныхъ къ послѣ Пасхальнымъ праздникамъ, особенно достойны вниманія обычаи, бывающіе въ такъ называемыя „Зелени свята".

Подъ этимъ именемъ извѣстны день св. Троицы и день сошествія св. Духа. Наканунѣ этихъ праздниковъ производится крестьянами украшеніе жилищъ зелеными вѣтками растеній и цвѣтовъ. Снаружи дома убирается вѣтками такъ называемая „стріха" (т. е. оконечность соломенной крыши), двери и т. п. мѣста,

внутри: иконы, „сволоки" или балки, „полыци" или доски, предназначенныя для склада разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей, и вообще всѣ части комнаты, для этого пригодныя. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ это украшеніе жилищъ называется „маеваніемъ" (отъ слова май). Время „Зеленыхъ святъ" въ представленіи многихъ крестьянъ, особенно слабой половины человѣческаго рода, - т. е. женщинъ и дѣтей, опасно въ томъ отношеніи, что въ эту пору странствуетъ по землѣ нечистая сила, принимающая видъ подпимающагося съ земли вихря. Она, т. е. нечистая сила, въ эти дни справляетъ свое „весилля" (свадьбу). Опасно подвернуться ей въ такую пору: поднявшійся вихрь вмигъ закрутитъ и погубитъ попавшуюся жертву, предварительно защекотавъ и защипавъ ее. Для избавленія отъ нея слѣдуетъ пить въ эти дни водку, настоянную на зеленомъ полыни, а дѣтямъ — мальчикамъ и дѣвочкамъ, а также дѣвушкамъ необходимо постоянно носить вѣточки полыни и нѣсколько листочковъ пахучаго растенія „любыстку" за поясомъ или на груди, привязанными къ застежкѣ сорочки. Если у кого не окажется этого оружія противъ нечистой силы, то, когда она появится, нужно оградить себя крестнымъ знаменіемъ и читать молитвы: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его..." или же просто произнести молитву: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа аминь". Существуетъ не мало по этому поводу легендъ о томъ, какъ многіе, особенно женщины, а также молодыя дѣвушки, не имѣвшія при себѣ полыни, гибли отъ лоскотъ и щипанія нечистой силы.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о праздновавіи храмового дня.

День этотъ носитъ общее названіе „праздныка". Празднуется онъ въ теченіе трехъ дней, на основаніи чего можно судить, что важность его для русиновъ не уступаетъ важности дней св. Пасхи и Рождества Христова. Далеко еще до его наступленія идутъ въ дере-

внѣ дѣятельныя приготовленія. Хата обыкновенно вновь начисто обмазывается глиной и „вапномъ“ (известью) снаружи и изнутри. „Стріха“ кругомъ обтыкается цвѣтами, свѣжими или сухими, смотря по тому, въ какое время года бываетъ храмовой день. Тѣ же цвѣты, по большей части любимый „купчакъ“ или „чернобрывецъ“, украшаютъ внутреннюю часть избы. Больше, конечно, этимъ занимаются имѣющіяся въ домѣ дѣвушки. Около дома все старательно подчищается. За нѣсколько дней или наканунѣ храмового дня крестьяне отправляются въ городъ или близлежащее мѣстечко, гдѣ запасаются всѣмъ необходимымъ для угощенія ожидающихся въ этотъ день гостей. Богатый и бѣдный заготовляетъ къ этому дню столько разныхъ сортовъ пищи и питья, сколько не заготовляетъ почти ни на одинъ изъ другихъ дней года. Оно и понятно. Въ этотъ день даже бѣднякъ и тотъ ожидаетъ кого-нибудь въ гости; каждому совѣстно плохо принять гостя, каждый не хочетъ ударить, какъ говорится, лицомъ въ грязь предъ другими. На храмовой день стекаются гости со всѣхъ окрестныхъ селъ, чего не бываетъ ни въ одинъ изъ другихъ дней года. Нѣкоторые пріѣзжаютъ даже наканунѣ. Каждая почти хата бываетъ полна гостями. Въ этотъ день рѣдкій не напивается. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ молодежь, т. е. парубки и дѣвушки, среди которыхъ, особенно дѣвушекъ, пить не въ обычаѣ. Самое появленіе гостя и угощеніе обставлено слѣдующимъ образомъ.

Входя въ хату своего знакомаго, гость говоритъ всѣмъ присутствующимъ: „добрый день“. На это привѣтствіе всѣ отвѣчаютъ: „дай, Боже, здоровля“. За этимъ гость обращается къ хозяину или хозяйкѣ съ особеннымъ привѣтствіемъ: онъ поздравляетъ съ праздникомъ; его благодарятъ за это. Послѣ этого гость и хозяинъ, если считаютъ себя равными, цѣлуютъ другъ другу руки; если же одинъ изъ нихъ старше другого по положенію или годами, то цѣлуетъ руку только

младшій у старшаго; за это старшій благодаритъ цѣлующаго. Затѣмъ пришедшій послѣдовательно, начиная съ стариковъ и почетныхъ лицъ, здоровается со всѣми такимъ же способомъ, какъ и съ хозяиномъ. Знакомство или незнакомство въ этомъ случаѣ не играетъ никакой роли. Такъ какъ большинство другихъ гостей въ это время сидитъ уже за столомъ, то здоровающемуся не всегда бываетъ удобно подойти къ нимъ, чтобы выполнить обрядъ цѣлованія рукъ, поэтому здоровающіеся ограничиваются лишь тѣмъ, что подаютъ другъ другу руки, а потомъ цѣлуютъ свою собственную руку, а именно указательный и крайній сосѣдній палецъ ея, послѣ чего прикладываютъ ее еще ко лбу. Когда обойдены бываютъ всѣ гости, находящіеся въ комнатѣ, хозяинъ предлагаетъ пришедшему садиться за столъ, отводя ему при этомъ такое мѣсто, какое соотвѣтствуетъ его достоинству.

Послѣ этого начинается угощеніе; оно открывается всегда водкой. Наливъ рюмку водки, хозяинъ сначала выпиваетъ самъ, а затѣмъ подноситъ болѣе почетному гостю, отъ котораго она, опять въ строгомъ порядкѣ, переходитъ къ другимъ присутствующимъ. Пьютъ обыкновенно здоровье того, къ кому рюмка должна перейти. Если тотъ, которому предлагается водка, почему-либо отказывается, то его начинаютъ усиленно упрашивать слѣдующимъ образомъ: „та зволяйте (пейте), куме Петре“, или „частуйтыса (пейте), батьку или тітко (тетя)“ и т. п. Вообще русинъ любитъ, чтобъ его просили при угощеніи. Недогадливость въ этомъ случаѣ хозяина объясняютъ его нерасположенностью къ гостямъ и негостепріимствомъ. Что касается гостей-дѣвушекъ, то безъ предварительныхъ упрашиваній онѣ и не дотронутся до кушаній, такъ какъ безъ просьбъ онѣ „соромятся“ (стыдятся) ѣсть. Дѣвушка въ гостяхъ считаетъ ѣду чѣмъ-то предосудительнымъ, такъ что, какъ бы ни была голодна, она, будучи гостьей, никогда не признается, что хочетъ ѣсть.

Въ самой деревнѣ въ храмовой день замѣтно вообще сильное оживленіе: вездѣ видны проѣзжающія по улицамъ повозки съ полупьяными гостями, обнявшіеся другъ съ другомъ парубки, кучки „дівчатъ“, карусель и т. п. Посрединѣ села устраиваются танцы, игры и т. п.

Семейная и домашняя жизнь.

Основа семейной жизни у русиновъ покоится на патріархальности. Отецъ—глава семейства, мать—его помощница. Дѣти воспитываются родителями на началахъ послушанія и повиновенія. Къ старшимъ себя по возрасту молодое поколѣніе относится въ общемъ съ уваженіемъ. Послѣднее оно выражаетъ: вставаніемъ предъ ними съ своихъ мѣстъ, поклономъ и цѣлованіемъ рукъ. Супружескій союзъ, супружеская вѣрность, цѣломудріе и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвичья скромность стоятъ по русинскимъ поселеніямъ еще довольно высоко. Въ отношеніи порчи нравовъ сосѣдніе молдаване, а равно и великороссы, стоятъ далеко впереди ихъ. Не касаясь молдавскихъ деревень, гдѣ развратъ представляетъ явленіе заурядное, замѣтимъ, что легкость нравовъ въ русинскія деревни еще не проникла. Правда, приднѣстровскіе русины въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо выше буковинскихъ, среди которыхъ понемногу начинаетъ распространяться развратъ, а въ связи съ этимъ сифилисъ и т. п. О сифилисѣ, напр., въ приднѣстровскихъ селеніяхъ еще почти совершенно не имѣютъ понятія.

Обычнымъ явленіемъ русинской жизни служитъ раздѣлъ семьи. Каждый вступившій въ бракъ обыкновенно получаетъ отъ отца свою часть, т. е. приданое, смотря, конечно, по состоянію, и съ этого времени онъ становится хозяиномъ, совершенно независимымъ отъ родителей. Земли такой хозяинъ почти не имѣетъ, такъ какъ отецъ если иногда и даетъ ему участокъ, то очень небольшой. Чаще всего безземельный хозяинъ, если возможно,

арендуетъ нѣсколько десятинъ земли у помѣщика, священника и вообще у тѣхъ лицъ, у которыхъ ея сравнительно много.

Русинъ любитъ свой домъ, и съ нимъ онъ неохотно разстается. Самый характеръ его занятій таковъ, что не позволяетъ ему отлучаться на долгое время отъ своего хозяйства и домашнихъ. Въ этомъ случаѣ исключеніе составляютъ преимущественно буковинцы, среди которыхъ, благодаря малоземелью, больше развитъ тотъ отхожій промыселъ, который извѣстенъ подъ именемъ „фалечъ". Они также предпринимаютъ нерѣдко продолжительныя поѣздки для сбыта на югѣ Бессарабіи такихъ торговопромышленныхъ растеній, какъ чеснокъ. Въ общей же своей массѣ русины скорѣе народъ инертный и мало подвижный. Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что, не взирая на замѣтное малоземелье, они не особенно охотно переселяются въ другія, имъ незнакомыя, мѣста.

До́ма русинъ постоянно занятъ по хозяйству, хотя склонность къ безпечности, а отчасти и къ праздности все же въ немъ замѣтна. Незнакомый, по большей части, ни съ какими ремеслами, онъ зимою мало что дѣлаетъ. Если у кого остается не вымолоченнымъ на гумнѣ хлѣбъ, то днемъ въ ясную и хорошую погоду такой хозяинъ занятъ молотьбой. Самая молотьба хлѣба производится посредствомъ цѣповъ; другихъ же способовъ вымолачиванія, напр., посредствомъ гармапованія лошадьми и волами, какъ это дѣлается въ южной Бессарабіи, или же при помощи молотилокъ, какъ это заведено въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, у русиновъ вовсе не практикуется. Въ длинные осенніе и зимніе вечера мужская половина имѣетъ мало занятій. Наоборотъ, женщины до поздней ночи сидятъ за работой, чаще всего прядутъ пеньку и овечью шерсть на своихъ прялкахъ. Молодые парубки до глубокой ночи шатаются по вечерницамъ и ночнымъ „клакамъ", сопровождая свои похожденія пѣснями и криками.

Обыкновеннымъ временемъ для устройства вечерницъ и схожихъ съ ними „клакъ" бываетъ Филипповъ постъ или такъ называемая „Пылыпівка" съ ея безконечно длинными осенними вечерами и ночами. Съ наступленіемъ вечера, по предварительному уговору, въ какую-нибудь деревенскую избу, гдѣ есть дѣвушка (при „клакахъ" присутствіе въ семействѣ дѣвушки не есть необходимое условіе), начинаютъ одна за другою появляться деревенскія дѣвушки. Съ собою онѣ несутъ „куделю", т. е. прялку или особой выдѣлки палку для наматыванія на верхней ея части пеньки. Поздоровавшись съ хозяйкой дома и ея дочерью, если таковая есть у нея, а также и съ другими домашними, дѣвушка получаетъ соотвѣтствующее количество пеньки, наматываетъ ее на палку и затѣмъ усаживается въ рядъ подлѣ другихъ дѣвушекъ на длинной лавкѣ или „осліні" съ вдѣланными отверстіями для „кудель". Въ эти отверстія вкладываются послѣднія, и начинается пряжа пеньки. Обыкновенно каждая пришедшая на вечерницы или „клаку" имѣетъ свою прялку, но случается къ одной „куделѣ" подсаживаются двѣ дѣвушки: одна съ одной стороны ея, другая съ другой. Часа черезъ два—три у оконъ избы начинаютъ появляться группы парубковъ. Они становятся у окна, заглядываютъ въ него, интересуясь тѣмъ, кто находится въ комнатѣ изъ дѣвушекъ, перешептываются, смѣются, шутятъ и наконецъ вваливаются въ избу. Поздоровавшись по входѣ, они усаживаются гдѣ попало, часто подлѣ дѣвушекъ, и начинаютъ разговоръ. Разговоръ ведется веселый, игривый. Онъ весь состоитъ изъ разныхъ прибаутокъ, остротъ; поются и пѣсни. Пѣсни поются парубками и дѣвушками отдѣльно и вмѣстѣ.

Группы парубковъ не остаются безсмѣнно въ избѣ. Нѣкоторые уходятъ, а на мѣсто ушедшихъ появляются новые. Приходятъ больше тѣ, которыхъ притягиваютъ находящіяся въ избѣ дѣвушки. Попытки мальчугановъ проникнуть вмѣстѣ съ парубками въ комнату обыкновенно оканчиваются неудачей; отъ парубковъ достаются

имъ одни подзатыльники; ихъ, если они забрались въ комнату, „витручають" (выталкиваютъ). Нѣкоторые изъ парубковъ помогаютъ дѣвушкамъ въ пряжѣ, но больше занимаются зубоскальствомъ; впрочемъ, и въ этомъ ихъ заслуга, такъ какъ они шутками, разговорами, пѣснями прогоняютъ отъ прядущихъ дѣвушекъ сонъ. Это цѣнится и хозяйкой, устраивающей „клаку", которая въ 12 часовъ ночи, когда настаетъ время „полудновати" (ѣсть), приглашаетъ къ столу и ихъ. Послѣ полночной закуски пряжа пеньки, шутки и пѣсни продолжаются. Когда дѣвушка напрядетъ полное веретено нитокъ, она даетъ его держать парубку, чаще тому, съ которымъ больше сходится, а сама наматываетъ нитки на клубокъ или заставляетъ дѣлать это парубка. Между пѣснями и шутками дѣвушки успѣваютъ напрясть до двухъ—трехъ веретенъ. Около трехъ часовъ ночи пряжа прекращается, комната подметается начисто, и устанавливается столъ, на которомъ появляются: борщъ, голубцы, рыба и т. п., иногда и водка. Ѣдятъ всѣ, находящіеся въ комнатѣ, т. е. дѣвушки и парубки. Послѣ этого поздняго ужина расходятся, и уходятъ изъ избы всѣ уже вмѣстѣ. По улицѣ идутъ со смѣхомъ, шутками, толпой. Возвратившись домой, ложатся спать. Музыки на вечерницахъ и „клакахъ" не бываетъ [1]).

Въ обыкновенные будничные дни жизнь въ русинскихъ деревняхъ, какъ и вездѣ, течетъ очень однообразно. Каждый въ это время занятъ своимъ дѣломъ. Лѣтомъ большинство отправляется на поле, а зимою остается дома, гдѣ занимается хозяйствомъ. Въ воскресные и праздничные дни картина нѣсколько мѣняется.

---

[1]) Здѣсь описана ночная „клака", т. е. исполненіе работы (пряжа пеньки) не за плату, а по приглашенію, за угощеніе. Отличіе вечерницъ отъ „клакъ" заключается въ томъ, что вечерницы не носятъ характера совмѣстной работы за угощеніе, а являются простымъ собраніемъ деревенскихъ дѣвушекъ, коротающихъ осенніе вечера и ночи за пряденіемъ пеньки (своей) среди мужской молодежи.

Утромъ болѣе набожные отправляются въ свою деревенскую церковь; другіе же спятъ, либо ходятъ за своей скотиной. Затѣмъ, принарядившись, идутъ къ своимъ сосѣдямъ, гдѣ и проводятъ время за бесѣдой. Это дѣлаютъ и мужчины и женщины. Молодежь же съ наступленіемъ послѣобѣденнаго времени, что въ деревняхъ бываетъ довольно рано, начинаетъ до самыхъ сумерковъ веселиться. Съ этой цѣлью дѣвушки и парубки отправляются на „данецъ" (танецъ), устраиваемый обыкновенно гдѣ-нибудь неподалеку винной лавки. Въ дни поста этого развлеченія не бываетъ. Этотъ „данецъ" состоитъ въ томъ, что одинъ изъ парубковъ нанимаетъ двухъ музыкантовъ, какого-нибудь скрипача Грицька и къ нему цимбалиста, а затѣмъ со своими товарищами открываетъ танцы. Деньги на наемъ музыкантовъ другіе парубки потомъ возвращаютъ своему товарищу. Дѣвушки за право участія въ танцахъ ничего не платятъ. Заслышавъ звуки музыки, всѣ понемногу начинаютъ собираться къ мѣсту танцевъ: идутъ дѣвушки, парубки, мальчики и дѣвочки и наконецъ пожилая половина села, преимущественно замужнія женщины безъ различія возраста. Прибывающіе усаживаются на землю подлѣ уже сидящихъ группъ и либо слѣдятъ за танцами, либо ведутъ между собою бесѣду о чемъ-нибудь. Танцы у русиновъ существуютъ слѣдующія:

1. *Казачекъ*, танецъ общемалорусскаго характера.

2. *Цыганка*. Она подраздѣляется на такъ называемую „черную" и простую или обыкновенную. „Черная" состоитъ въ томъ, что парни образуютъ кругъ и танцуютъ всѣ, держась за руки или держа последнія на плечахъ другъ у друга. Въ танцѣ принимаютъ участіе только парубки. Обыкновенная цыганка похожа до нѣкоторой степени на венгерку, польку и другіе танцы, рѣчь о которыхъ ниже, только танцующіе

выдѣлываютъ особеннымъ образомъ ногами. Въ противоположность „черной" ее танцуютъ парубки съ дѣвушками.

3. *Ганка.* Подобно цыганкѣ, она также дѣлится на „черную" и простую или обыкновенную. Ее танцуютъ мужчины съ дѣвушками.

4. *Полька* и *полька-мазурка.*

5. *Венгерка.*

6. *Вальсъ* (вальцъ).

Четыре послѣдніе танцы ничего оригинальнаго не представляютъ. Это городскіе танцы, занесенные въ деревню и упрощенные такъ, какъ это лишь можетъ сдѣлать деревня.

7. *Еленка*, танецъ похожій немного на венгерку.

8. *Волоскій танецъ.* Имъ часто начинаютъ и оканчиваютъ танцы, а также его любятъ танцовать на свадьбахъ. Дѣвушки и парубки берутся за руки, образуя большой кругъ, и плавно движутся изъ одной стороны въ другую. Кругъ расходится и суживается. Сойдясь, танцующіе (парубки) въ тактъ ударяютъ ногой. Танецъ, какъ показываетъ его названіе, молдавскаго происхожденія.

9. *Сырбинъ.* Танецъ на мотивъ марша. Его танцуютъ при переходѣ съ одного мѣста на другое (напр., при переходѣ изъ одного дома въ другой на свадьбахъ и т. п.).

10. *Русска.* Незамысловатый танецъ парубковъ съ дѣвушками. Парубокъ обнимаетъ дѣвушку за талію, а дѣвушка кладетъ ему свои руки на плечи. Пройдя въ кругѣ плавно два—три шага, пара начинаетъ кружиться обыкновеннымъ порядкомъ.

11. *Коломыйка* (названіе отъ галиц. города Коломыи). Круговой танецъ парубка съ дѣвушкой.

Большинство перечисленныхъ танцевъ похожи одинъ на другой, исключая чисто національныхъ въ родѣ

молдавскаго, и бываютъ на одинъ пошибъ, хотя и носятъ различное названіе. Обыкновенно парубокъ, пригласивъ дѣвушку въ танецъ, что производится безъ особенныхъ церемоній—путемъ обнятія ея таліи, дѣлаетъ съ нею небольшой кругъ. Кругъ же составляется изъ паръ, непосредственно слѣдующихъ одна за другой. Пары, пройдя три—четыре шага, начинаютъ кружиться, потомъ постепенно уменьшаютъ темпъ и т. д. Въ общемъ это обыкновенный малороссійскій танецъ съ небольшими варіаціями. Во время танцевъ молодежь ближе узнаетъ другъ друга и потомъ, какъ результатъ сближенія, завязываются свадьбы. До глубокой ночи въ дни воскресные и праздничные парубки бродятъ по селу и поютъ различныя пѣсни. Ходятъ они всегда маленькими группами въ три—четыре человѣка.

Положеніе женщины.

На долю женщины у русиновъ выпадаетъ очень много труда. Она стряпаетъ въ кухнѣ, стираетъ бѣлье всѣмъ членамъ семьи, отъ малаго до великаго, носитъ на плечахъ воду, въ зимнее время прядетъ, ткетъ и шьетъ одежду для всѣхъ домашнихъ. Въ полевыхъ работахъ женщина также принимаетъ самое дѣятельное участіе; на ея всецѣло плечахъ остается хозяйство, если мужъ занимается такими промыслами, какъ: „фальчи", батрачество, извозъ и т. п. Словомъ, нѣтъ почти ни одной такой работы, которой русинка не выполняла бы. Это въ полномъ смыслѣ слова вѣковая труженица.

При всемъ указанномъ положеніе русинской женщины довольно зависимое. При жизни мужа жена лишена самостоятельности: она его помощница, но отнюдь не равноправный спутникъ жизни. Только со смертью мужа и то при малолѣтнихъ дѣтяхъ русинка вполнѣ заступаетъ его мѣсто. Нельзя сказать, чтобы авторитетъ ея, какъ матери, всегда и безусловно стоялъ высоко. Случаи неповиновенія ей, особенно со стороны

взрослыхъ сыновей, готовыхъ смотрѣть на мать, какъ на юридически неполноправное лицо, бываютъ нерѣдки. Что касается положенія дочери, то оно еще хуже, особенно въ правовомъ отношеніи. Наличное существованіе братьевъ исключаетъ для нея возможность владѣнія наслѣдственнымъ участкомъ земли. Лишь воля отца, нерѣдко по его смерти нарушаемая сыновьями, можетъ надѣлить ее родовымъ имуществомъ въ видѣ земельнаго наслѣдства.

ГЛАВА III.

Языкъ.—Родство его съ малорусскимъ и мѣстныя особенности.

Языкъ бессарабскихъ русиновъ является тѣмъ же малорусскимъ языкомъ, какой мы слышимъ по всему югу, точнѣе юго-западу, Россіи. Въ немъ сохранились даже такія старинныя формы, которыя когда-то были во всемъ малорусскомъ языкѣ, но теперь въ большинствѣ его говоровъ утерялись. Такова, напр., упоминаемая въ „Очеркахъ Днѣстра", возвратная частица *ся*, стоящая, по большей части, впереди глагола. Конечно, въ силу того, что руснаки не всегда жили одною общею жизнью съ своими единокровными братьями—русскими малороссами, они и языкъ свой до нѣкоторой степени видоизмѣнили. Это одна причина. Съ другой стороны, возникновеніе такихъ или иныхъ говоровъ есть необходимое явленіе въ развитіи каждаго языка. Понятно отсюда, что и руснинскій языкъ на протяженіи многихъ вѣковъ долженъ былъ, въ особенности подъ вліяніемъ только что отмѣченнаго обстоятельства, подвергнуться извѣстному измѣненію. Стоитъ только вспомнить то обстоятельство, что по ходу историческихъ событій территорія, занимаемая руснинами, представляла нѣчто весьма неустойчивое и шаткое. Переходя въ теченіе долгаго времени послѣдовательно изъ рукъ въ руки, населеніе сѣверной приднѣстровской части теперешней Бессарабіи съ такъ называемой русской Буковиной поневолѣ должно было испытывать на себѣ такое или иное вліяніе. Сосѣдство съ чуждыми по крови племенами налагало замѣтные слѣды на него. Но происшедшее уклоненіе отъ общемалорусскаго языка во всякомъ случаѣ не представляетъ такихъ рѣзко обозначенныхъ

особенностей, чтобы языкъ бессарабскихъ русиновъ могъ быть обособляемъ. Онъ представляетъ только разновидность малорусскаго языка. Являясь только простымъ говоромъ, онъ не носитъ въ себѣ слѣдовъ такихъ рѣзкихъ различій, какія заключаютъ иногда нѣкоторые великорусскіе говоры. Руснацкій языкъ занимаетъ какъ бы средину между подольскимъ говоромъ украинскаго поднарѣчія, какой существуетъ у приднѣстровскихъ малороссовъ Подольской губ., и подольскимъ говоромъ сосѣднихъ съ Россіей австрійскихъ провинцій Буковины и Галиціи.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію фонетическихъ, морфологическихъ и лексическихъ особенностей руснацкаго или русинскаго говора, слѣдуетъ отмѣтить большое тяготѣніе его къ твердому произношенію какъ нѣкоторыхъ гласныхъ, такъ и согласныхъ звуковъ, тяготѣніе, идущее до нѣкоторой степени въ разрѣзъ съ мягкостью и пѣвучестью вообще южно-русскаго языка. Такъ, напр., мягко произносимое малорусское слово „криниця“ по—русински звучитъ твердо „кирныца“, т. е. съ перестановкой звуковъ и съ затвердѣніемъ *и* и *я*.

Фонетика.

Звукъ *и* звучитъ нерѣдко очень твердо, совершенно какъ великорусское *ы* или тотъ же звукъ въ польскомъ словѣ *ły*ko, напр.: скакалы (скакал*и*), д*ы*кій (д*и*кій), робыты (роб*и*т*и*), х*ы*трый (х*и*трый) и т. п.

Преобладающаго въ малорусскомъ языкѣ совпаденія звуковъ *ы* и *и* въ русинскомъ говорѣ почти не наблюдается. Въ немъ *ы*, подобно тому, какъ и въ говорѣ лемковъ, является звукомъ совершенно отдѣльнымъ и самостоятельнымъ. Слова: мышь, сыръ, рысью, мы, ты и рядъ другихъ однородныхъ произносятся совершенно, какъ въ великорусскомъ языкѣ, безъ всякой склонности *ы* въ произношеніи къ звуку *и*. Опроверженіемъ этого не могутъ служить слова съ наклонностью въ произношеніи къ *и*, въ родѣ, напр., слова пыль, которое слышится иногда какъ п*и*ль, такъ какъ случаи эти единичные.

Безударное *е* переходитъ въ *ы*; напр., слѣдующій стихъ народной пѣсни: „Въ поле ня не бери“ въ живомъ произношеніи звучитъ такъ: „Въ поль*ı* ня н*ы* б*ы*ры“, т. е. вездѣ основное безударное *е* замѣнилось *ы*. Иногда *е* звучитъ, какъ русское *э*: де (дэ), тебе (тебэ) и т. п.

Гласные *ê* и *ô* (т. е. сжатые) = *i* остро̂му: в*i*лъ, к*i*нь, н*i*съ (носъ и нёсъ), с*i*къ (сокъ и сѣкъ), л*i*й (лой и лей), ут*i*къ, привiзъ и проч. [1]).

Расширеніе *е* въ *о* съ предыдущею мягкостью большею частью не одинаково съ украинскимъ; напр., на мѣстѣ *ё*го, вс*ё* чаще встрѣчается: *е*го, вс*е* и т. п.. хотя бываютъ и исключенія, напр., въ пѣснѣ: „А до *io*го (*ё*го) калына стала промовляты“.

Звукъ *у* безударный въ положеніи передъ согласными большею частью слышенъ какъ *в*: шо въ воду *в*пало, то пропало (вм. *у*пало) — народ. поговорка, или: „А дядя ще са не *в*родывъ, а сынъ *в*же са находывъ“ (вм. *у*родывъ и *у*же) загадка. Слышится иногда на мѣстѣ *у* и *ы*: ог*ы*рокъ (огурецъ).

Свистящее *ц* звучитъ твердо, какъ въ срединѣ словъ, такъ и на концѣ: ц*а*пъ, пычырыц*а*, хлопц*у*.

Звукъ *ф* употребляется вмѣсто *х* и *хв*: *ф*устка (*х*устка), *ф*iстъ (*хв*остъ), *ф*ататы (*хв*атать): „Ты, моя мыла, *ф*атайся (вм. *хв*атайся) коня, тай поідемъ въ чысты полы до мого двора“ (народ. пѣсня). Звукъ *ѳ* часто замѣняется *т*: *Т*одоска (Ѳеодосія), *Т*одыръ (Ѳеодоръ), *Т*анаско (Аѳанасій) и т. п.

Рядомъ съ переходомъ *д*, *т*, *з*, *с* въ спряженіи въ *дж*, *ч*, *ж* и *ш*: хо*дж*у, ле*ч*у, во*ж*у, по*ш*у, чаще встрѣчается йотація: хо*дю*, ле*тю*, во*зю*, по*сю*.

Подобно галицкимъ говорамъ, и языкъ бессарабскихъ русиновъ знаетъ обращеніе голосовыхъ согласныхъ въ безголосные передъ безголосными; напр.,

---

[1]) Чубинскій. „Труды экспедиціи“ т. 7-й, стр. 506.

тя*ш*ко, ско*п*ка или: „тай ни сте*ш*ки, ни доро*ш*ки, пішла маланка до воро*ш*ки“ (нар. пѣсня), „пало *сэ* поду—не розбылоса, пішло на воду не росплылоса“ (загадка). Въ этомъ случаѣ законъ однородности согласныхъ группъ, наблюдаемый во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ, дѣйствуетъ съ одинаковой силой и въ русинскомъ говорѣ. Между тѣмъ какъ въ такомъ подпарѣчіи малорусскаго языка, какъ сѣверномъ, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ: розпитати, ни*ж*ка и т. п. Правда, законъ однородности въ русинскомъ языкѣ дѣйствуетъ, повидимому, не систематически. Наблюдаются случаи удержанія звонкихъ согласныхъ передъ глухими, напр.: „грайты, музыки, різко“ (нар. пѣсня).

Допускается изрѣдка метатезисъ (перестановка звуковъ). Такъ, вышеприведенное малорусское слово *кри*ниця (колодецъ)=*кир*пыца, *гово*рить *вого*рить: „я тобі *вого*рю иды до *кир*пыци“, „чи я жъ тобі не казала и не *вого*рыла“ (изъ народ. пѣсни), відмідь=медвѣдь.

Морфологія.

Тутъ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе отмѣченный еще у Аѳанасьева-Чужбинскаго въ его „Очеркахъ Днѣстра“ *твор. п. ед. ч.* въ именахъ существительныхъ жен. рода, прилагательныхъ, а также мѣстоименій, который вмѣсто окончанія *ою* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ форму *оў* *овъ—евъ*: рукоў, погоў и т. п., напр., „не журится мноў, бо я иду зно*вэ*“ (поговорка) [1].

Имен. ед. ч. муж. р. именъ прилагательныхъ оканчивается на *ий* (ый): добр*ий* (ый).

Имен. ед. ч. жен. р. тѣхъ же словъ оканчивается обыкновенно на *а*: вылык*а*, скор*а*; *вин. п.* на *у*: вылык*у*, скор*у* и т. д.

Имен. и *вин. ср. р. ед. ч.* тѣхъ же словъ оканчивается на *е*: бідн*е*.

---

1) См. и въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, 7-й т., стр. 507.

3-ье лицо един. ч. наст. вр. оканчивается на *е—ае*: любе (въ произношеніи любы), пытае, мае и т. п., на *тъ*: сыды*тъ*, робы*тъ* и *ется* (въ произношеніи *етса*): сміе*тся* и т. п. Твердое произношеніе *т* въ этомъ лицѣ сближаетъ руснпскій говоръ съ сѣверно-малорусскими.

. *1-ое лицо множ. ч. наст. вр.* обыкновенно представляетъ окончаніе *мъ*: „винчуе*мъ* мы васъ святомъ-святами" (коляд. пѣсня), но бываетъ и *мо*: „мы крывого танцу иде*мо*" (изъ хороводн. пѣсни).

3-ье лицо множ. ч. наст. вр. на *тъ*: сію*тъ*, скубу*тъ*, робля*тъ*, ходя*тъ* или съ отпаденіемъ *т*: робля, сыдя, ходя и т. п.

Imperativ замѣняется нерѣдко *1-мъ лицомъ множ. ч. наст. вр.*: „чорни очи! *ходимъ* спаты, треба рано вставаты" (изъ пар. пѣсни).

Въ сослагательномъ наклоненіи прошедшаго времени къ частицѣ *бы* присоединяется иногда *мъ*:

„Посію конопельки густеньки—зелененьки.
Чи всімъ людямъ таке горе,
Чи лишь мені молоденьки?
Якъ *бы-мъ* знала, що всімъ людямъ,
Перестала бъ журытыся". (Изъ народн. пѣсни).

Futurum. Къ неопредѣленному глагола вида совершеннаго прибавляется *буду*: „хтожъ *буде польгватъ* мое зйля безъ мене" (изъ нар. пѣсни).

Неопр. н. оканчивается на *ти* (*ты*) и *чи* (*чы*): ходи*ти* (ходы*ты*), роби*ти* (робы*ты*), пе*чи* (пе*чы*) и т. д.

Въ глаголахъ возвратнаго з. частица *ся* (въ произношеніи чаще *са*) употребляется и послѣ глагола и очень часто передъ глаголомъ. Руснакъ говоритъ: „*ся* сміяты" (смѣяться), „*ся* фалыты" (хвалиться), „*ся* турбуваты" (безпокоиться); въ овадеб. пѣснѣ, напр., читаемъ слѣдующее: „а теща тымъ *ся* не турбуе, выйшла на двіръ—зятя частуе".

Въ склоненіи *личныхъ мѣстоименій* на ряду съ формами *род. п. ед. ч*: *мене́*, *тебе́*, *себе́*, служащихъ также и для *вин. п.*, попадаются формы вин. пад.: *мя*, *мня*, *ня*, *тя*, *ся*: „не разъ же *мя* ненька кляла“ (изъ народ. пѣсни) или: „и въ полы *ня* ны быры... и дома *ня* ны лышай“ (изъ нар. пѣсни). Дат. п. *мені*, *мині*, *ми*, *тобі*, *тубі*, *ти*, *собі*, *субі* и *си*.

Указательныя мѣстоименія тѣ же, что и вообще въ малорусскомъ языкѣ. Мѣстоименіе и происшедшій изъ него союзъ *що* въ русинскомъ говорѣ слышенъ преимущественно какъ *шо*, напр.: „А *шо* тамъ, а *шо* тамъ за панъ иде? А *шо* намъ, а *шо* намъ за даръ везе?“ (хоров. пѣсня).

Предлогъ *къ*=*до*: идты *до* дому и т. п.

Для связи очень часто употребляется союзъ *тай-та*:

„Деревце райское,
Надъ раемъ стояло,
Въ рай его похылыло.
Въ рай его похылыло,
Тай сыненько зацвіло.
Сыненько зацвіло,
Тай не богацько вродыло.
Тай зродыло дві ягідочки,
Тай то тіи не такіи,
Обыдви золотіи“. (Изъ нар. пѣсни).

Въ **лексическомъ** отношеніи языкъ бессарабскихъ русиновъ представляетъ не мало заимствованій изъ языковъ: польскаго, молдавскаго и великорусскаго. Помимо того, есть группа словъ, иногда цѣлыхъ выраженій, довольно загадочнаго происхожденія. Быть можетъ, эта послѣдняя тюркскаго происхожденія. Возможность такого предположенія находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что въ теченіе нѣкотораго періода времени русины близко стояли къ народамъ тюркской расы (туркамъ и татарамъ). Еще до недавняго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Хотинскаго уѣзда существовали кое-какіе остатки прежнихъ турецкихъ и татарскихъ поселеній.

Вліяніе польскаго языка, характеризующее вообще малорусскую лексику, сказалось въ употребленіи, напр., слѣдующихъ оборотовъ рѣчи и выраженій:

смiятыся съ кого — wyśmiewać się
чекаты на кого — wyczekiwać (oczekiwać)
будьте ласкáви — bądźcie łaskawi -e (Десь є у нашои пани-молодои тiткы и вуйкы, и просы пани-молода добрымъ словомъ, нызкимъ поклономъ: ставтыся на завитання, *будьте ласкави* — изъ свадеб. приглашенія посаженаго отца);
якъ се маешь — jak się masz.

Отдѣльныхъ словъ, а именно *именъ существительныхъ*:

мiсто — miasto
мiсце — miejsce
господарь — gospodarz („Пане *господаре!* чи ты дома?" изъ рождеств. коляды).
капелюхъ — kapelusz
спидныца — spódnica
панна, панычъ — panna, panicz
коляцiя — kolacja
снидання — śniadanie
фирянки — firanki
покои — pokoje
брама — brama
завирюха — zawierucha
хороба — choroba
лугумiя — legumina
тыждень — tydzień
бенькартъ — bękart.

Глаголовъ:

шукаты — szukać
гадаты (говорить) — gadać (mówić)
змарниты, помарниты — zmarnieć
прагнуты — pragnąć
спiваты — śpiewać
шануваты — szanować
трыматы — trzymać
сподиваты ся — spodziewać się; („*Сподивався* дiдъ на мiдъ тай лягъ безъ вечери"—пословица).
винчуваты — winszować; („*Винчуемъ* васъ съ святомъ-святами" — изъ рождеств. колядъ);

кохаты — kochać
хоруваты — chorować.

Именъ прилагательныхъ:

вельможный — wielmożny
хорый — chory
цикавый — ciekawy.

Нарѣчій:

заразъ — zaraz
прутко — prędko
завше — zawsze
певно — pewno.

Союзовъ:

бо — bo „Нѣ дамъ тобі віночка,
Бо я не твоя панночка,
Бо ты старый". (Изъ свадеб. пѣсни).
але — ale; и т. д.

Подъ польскимъ вліяніемъ составилась, напр., и слѣдующая свадебная пѣсня, встрѣчаемая у нѣкоторыхъ русиновъ:

А въ городечку лилія (въ огородѣ лилія),
За городечкомъ шальвія (растеніе),
Тамъ панны сидзялы (барышни сидѣли)
Віночки свивалы (вѣнки плели),
Свивалы віночки ружеви (розовые).
Пришелъ до нихъ панъ старый:
„Дайты мені віночекъ ружевый".
„Не дамъ тобі віночка,
Бо я не твоя панночка,
Бо ты старый".
А въ городечку лилія,
За городечкомъ шальвія,
Тамъ панны сидзялы,
Віночки свивалы,
Свивалы віночки рутяны,
Прійшовъ до нихъ панъ молодый:
„Дайты мені віночекъ рутяный" (рута—растеніе).
„Ой дамъ тобі віночекъ,
Бо ты мій паночекъ,
Бось молодый".

Параллельно съ польскимъ въ русинскомъ языкѣ встрѣчается не мало молдавскихъ словъ и выраженій; ими особенно изобилуютъ мѣстности, прилегающія къ румынскимъ поселеніямъ. Для образца укажемъ, напр., на такія распространенныя слова и выраженія, какъ:

„*сорбатори*“ — праздникъ,
„*фата мари*“ — взрослая дѣвушка,
„*саракъ*“ или „*сараку*“, „*сарачія*“ — бѣднякъ, бѣда—несчастіе,
„*куматрія*“ — крестбины,
„*флекевъ*“ — парень,
„*судусь леля*“ — ироническое выраженіе, означающее „пошла и пропала“,
„*врати ку врати, а брынза ку бани*“ — братъ, братъ, а какъ до сыра—подавай денежки [1]).

Смыслъ этой поговорки, очевидно, такой же, какъ и русской: „Будемъ жить, какъ братья, а считаться какъ жиды“.

Многія малорусскія междометія совершенно утерялись и замѣнились молдавскими. Такъ, напр., погоняя воловъ и лошадей, русинъ вм. „*гей!*“ кричитъ: „*тягаря!*“, вм. „*собъ*“ (налѣво)—„*гойса!*“, вм. „*цабе*“ (направо)—„*чала!*“ иногда „*чабала*“ для усиленія. Извѣстное во всей Россіи и неукладывающееся на бумагу „*тпру!*“ замѣняется легкимъ крикомъ: „*го, го, го!*“ [2]).

Третье вліяніе, великорусское, сказывается въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ великорусскаго языка, въ родѣ напр. *ступай*, *желаю* и т. п.; напр.: „я тобі ворорю *ступай* до дому“, или „колы-жъ я *не желаю* це робыты“ и т. д. Особенно же великорусское вліяніе замѣтно въ распространеніи солдатскихъ пѣсенъ.

Наконецъ, на лексику русинскаго языка оказали свое вліяніе, можно думать, такіе тюркскіе языки, какъ турецкій и татарскій. Въ нѣкоторыхъ русинскихъ се-

---

[1]) „Бессарабія“ альманахъ „Бессарабія“, стр. 251.
[2]) „Очерки Днѣстра“ Аѳанасьева-Чужбинскаго, стр. 6.

лахъ существуетъ особенный народный способъ лѣченія посредствомъ надписыванія на клочкѣ бумаги и затѣмъ произношенія такихъ непонятныхъ словъ, какъ: *орла*, *тарла*, *кумерла* и др., объясняемыхъ нѣкоторыми татарскимъ источникомъ [1]). Далѣе, въ русинскомъ языкѣ очень часто слышится слово „*мой*", употребляемое однако не какъ мѣстоименіе притяжательное, а какъ слово „братъ" (т. е. нѣчто въ родѣ обращенія). Аѳанасьевъ-Чужбинскій объясняетъ его происхожденіе, правда съ оговоркой, изъ турецкаго языка. Или въ бессарабской Буковинѣ очень часто употребляется слово „*немай*" въ сочетаніи съ другими словами, напр.: „*немай* боюся", „*немай* я хочу" и т. п., которое можетъ быть лишь приблизительно передаваемо на русскій языкъ выраженіемъ: „не очень боюсь", „не очень хочу".

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить такого систематическаго добавленія къ глагольнымъ формамъ какъ *смо* (въ нѣкоторыхъ южныхъ приднѣстровскихъ селеніяхъ). Напр.: „Мы, кумко, булымъ *смо* вчера въ місті (въ городѣ)" и т. п., или аналогичнаго добавленія въ русской Буковинѣ слова *варе*; напр.: „*Варе* ты шо хочешь робыты?"

---

[1]) „О суевѣріяхъ, обычаяхъ и повѣріяхъ жителей села Ставучанъ, Хотинскаго уѣзда", „Кишинев. Епарх. Вѣдом.", 1873 г. № 22.

ГЛАВА IV.

Школы [1]).

Школьное дѣло у хотинскихъ русиновъ оставляетъ желать многаго лучшаго. Грамотность по селамъ развита слабо. Много—много еще нужно употребить труда и энергіи на то, чтобы поднять ее на болѣе или менѣе надлежащую высоту. Большинство русиновъ не умѣетъ ни читать ни писать. Если возникаетъ надобность въ послѣднемъ, то крестьяне обращаются къ нѣкоторымъ доморощеннымъ деревенскимъ грамотеямъ, всегда готовымъ обмѣнять свои услуги на рюмку двѣ водки. Дѣтей своихъ поселяне неохотно посылаютъ въ школу. Зимой они держатъ ихъ у себя для разныхъ мелкихъ хозяйственныхъ нуждъ, а весною отправляютъ со скотиной на поле. Дѣвочекъ русины совсѣмъ не любятъ посылать въ школы. Большинство существующихъ школъ насчитываетъ ихъ единицами; школы съ 10—15 дѣвочками рѣдкія исключенія, а школъ, въ которыхъ дѣвочекъ наберется больше этого не болѣе двухъ-трехъ. Выпускаемые изъ народныхъ училищъ со свидѣтельствами никуда почти для продолженія образованія не идутъ и съ годами превращаются въ тѣхъ грамотеевъ, о которыхъ было выше упомянуто. Если же у нѣкоторыхъ и возникаетъ желаніе еще поучиться, то дальше двуклассной министерской или церковно - приходской школы такіе не идутъ. Но это обыкновенно рѣдкіе

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду школы только у хотинскихъ русиновъ. О школьномъ дѣлѣ у русиновъ другихъ уѣздовъ у насъ свѣдѣній нѣтъ.

счастливцы. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что инертное и апатичное отношеніе къ школѣ замѣчались у русиновъ прежняго времени и все доселѣ сказанное характеризуетъ больше старое, отживающее поколѣніе. Если еще сравнительно не такъ давно въ Хотинскій Училищный Совѣтъ были дѣлаемы заявленія нѣкоторыми учителями о необходимости побуждать поселянъ посылать дѣтей въ школу черезъ волостныя правленія, то въ самое послѣднее время картина перемѣнилась. Изъ отчетовъ членовъ Училищнаго Совѣта, производившихъ ревизію школъ и экзамены въ нихъ, оказывается, что училища въ настоящее время переполнены. Переполненіе же школы заставляетъ учителей и учительницъ сплошь и рядомъ отказывать родителямъ въ принятіи ихъ дѣтей въ училища, что въ свою очередь рождаетъ въ поселянахъ сильное недовольство и протестъ. Въ одномъ изъ отчетовъ члена Хотин. Уѣзд. Училищ. Совѣта отъ земства Л. М. Геевскаго, представленномъ Хотин. Уѣздн. Зем. Собранію, мы читаемъ слѣдующее: „По заявленію одной учительницы (Рашковское училище) былъ случай, что за отказомъ, за невозможною тѣснотою, въ пріемѣ дѣтей въ училище, поселянинъ заявилъ энергичный протестъ, объявивъ, что онъ найдетъ мѣсто, и дѣйствительно принесъ скамеечку и, установивъ ее въ углу комнаты, усадилъ свою дѣвочку, съ убѣдительною просьбою предоставить дѣвочкѣ учиться“ [1]). И этотъ фактъ не единственный, добавляетъ тотъ же докладчикъ. Очевидно ростъ сознанія пользы просвѣщенія въ Хотинскомъ малорусскомъ населеніи усиливается, идя параллельно съ такимъ же явленіемъ, наблюдаемымъ въ городахъ, гдѣ школы еще болѣе переполнены и гдѣ постоянно раздаются жалобы на ихъ недостаточность.

---

[1]) „Хотин. земство. Отчеты, доклады, смѣты, раскладки Хотин. уѣздн. зем. упр.“ 1897 г., стр. 127.

Посмотримъ теперь ближе, въ какомъ положеніи находятся школы у хотинскихъ русиновъ. Для этого мы воспользуемся отчетами о состояніи народныхъ училищъ въ Хотинѣ и въ Хотинскомъ уѣздѣ, а также отчетами о положеніи церковно - приходскихъ школъ и школъ грамоты, помѣщаемыми ежегодно въ „Отчетахъ, докладахъ, смѣтахъ, раскладкахъ Хотин. Уѣзд. Земской Управы и постановленіяхъ Уѣздн. Земскаго Собранія". Впрочемъ о состояніи церковно - приходскихъ школъ и школъ грамоты въ Хотинскомъ уѣздѣ мы подробныхъ данныхъ тамъ не находимъ, а за послѣдніе годы они и совершенно не печатаются въ „Отчетахъ". Но приступая къ очерку положенія образованія у хотинскихъ русиновъ, считаемъ умѣстнымъ сдѣлать оговорку, что точностью сообщаемыя нами свѣдѣнія не будутъ отличаться въ силу того, что отчеты даются о состояніи школъ во всемъ Хотинскомъ уѣздѣ, между тѣмъ русины, какъ было вначалѣ упомянуто, живутъ преимущественно въ приднѣстровскомъ районѣ приблизительно въ семи волостяхъ и составляютъ въ общемъ лишь немногимъ болѣе половины населенія уѣзда; въ остальныхъ пяти населеніе, если не исключительно, то главнымъ образомъ молдавское. Вслѣдствіе этого наши свѣдѣнія о школьномъ дѣлѣ у хотинскихъ русиновъ могутъ отличаться только приблизительною вѣрностью.

Въ 1902—1903 учебн. году всѣхъ начальныхъ училищъ въ уѣздѣ въ вѣдѣніи земства состояло 65, въ этомъ числѣ двухклассныхъ 3 и одноклассныхъ 62. Въ Хотинѣ—1 двухклассное женское и 3 одноклассныхъ, въ уѣздѣ 2 училища двухклассныхъ мужскихъ и 59 одноклассныхъ.

Общее число учащихся въ указанное время было 3,600, въ томъ числѣ въ одноклассныхъ училищахъ обучалось 2,680 мальчиковъ и 465 дѣвочекъ. въ двухклассныхъ 216 мальчиковъ и 239 дѣвочекъ. Въ числѣ 3,600 мѣщанъ было 533 и крестьянъ 2,953. По національности распредѣленіе идетъ такимъ образомъ: русскихъ и малороссовъ 2,170, молдаванъ 1,157, поляковъ и нѣмцевъ 33

и евреевъ 240. Число обучающихся дѣвочекъ составляетъ 25% числа мальчиковъ. Если къ 65 земскимъ школамъ присоединить 67 церковно-приходскихъ и школъ грамоты съ 2,575 учащимися, то получится въ уѣздѣ всего народныхъ школъ 132 съ 6,175 учащимися. Опредѣляя населенiе всего Хотинскаго уѣзда въ 308 тысячъ душъ (по общей переписи въ имперiи въ 1897 году 307,959), получимъ одно училище на 2,333 населенiя.

Таковы общiя цифры для всего уѣзда.

Каково же число учащихся и школъ собственно у хотинскихъ русиновъ?

Въ отдѣлѣ распредѣленiя учащихся по нацiональности мы находимъ, что въ земскихъ школахъ ихъ обучалось въ 1902—1903 учеб. году всего 2,170 душъ. Здѣсь показаны кромѣ малороссовъ, т. е. русиновъ, и русскiе (великороссы), но число послѣднихъ слѣдуетъ считать ограниченнымъ. Мы много не ошибемся, если откинемъ отъ вышеприведеннаго общаго числа 100 на долю русскихъ (великороссовъ) [1]. Такимъ образомъ русиновъ будетъ 2,070 душъ. Это въ земскихъ школахъ. Число учащихся по нацiональности въ церковно-приходскихъ школахъ въ „Отчетахъ" не отмѣчено. Но допустивъ такое-же соотвѣтствiе между учащимися по нацiональности въ церковныхъ школахъ, какое мы наблюдаемъ въ земскихъ, то окажется, что въ церковно-приходскихъ училищахъ и школахъ грамоты русиновъ будетъ приблизительно 1,500—1,600 (остальная тысяча молдаване), что съ 2,070 учащихся земскихъ школъ дастъ приблизительную цифру 3,570—3,670 душъ.

При опредѣленiи количества школъ для русиновъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что, благодаря существованiю немалаго числа селенiй въ уѣздѣ съ смѣшаннымъ населенiемъ, т. е. русинскимъ и молдавскимъ, строгое и точное разграниченiе школъ въ русинскихъ и молдавскихъ селахъ не можетъ быть сдѣлано. Съ другой

---

[1]) Нами взято, конечно, число приблизительное.

стороны, и здѣсь, какъ и при опредѣленіи общаго числа учащихся, данныхъ относительно церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты не существуетъ. Если для удобства допустить, что приднѣстровскій районъ, въ составъ котораго входитъ семь упомянутыхъ въ началѣ очерка волостей, населенъ исключительно малороссами, а припрутскій (остальные 5 волостей) только молдаванами, то въ первомъ земскихъ школъ будетъ 34 (исключая г. Хотина), т. е. на семь школъ въ русинскихъ селахъ больше, чѣмъ въ молдавскихъ. Такое же приблизительно, какъ мы выше видѣли, соотношеніе и между числомъ учащихся въ тѣхъ и другихъ школахъ, т. е. малорусскихъ и молдавскихъ. Вотъ списокъ русинскихъ земскихъ народныхъ школъ въ уѣздѣ:

Рукшинская,
Рашковская,
Атакская,
Владычанская,
Клишковская мужская,
Клишковская женская,
Малинецкая,
Шиловская,
Ржавинецкая,
Долинянская,
Каплевская,
Толбурянская,
Гиждевская,
Мошанецкая,
Ленковецкая,
Бабинская,
Бузовецкая,
Кельменецкая мужская,
Кельменецкая женская,
Новоселицкая 2-ая (село),
Васькоуцкая,
Яноуцкая,
Селищская,
Секурянская мужская,

Секурянская женская,
Ломачинецкая,
Гвоздоуцкая,
Кишло-Саліевская,
Молодовская,
Зарожанская,
Грозинская,
Бричанская мужская,
Бричанская женская и
Романкоуцкая.

Въ г. Хотинѣ четыре училища. Если воспользоваться уже допущеннымъ нами при опредѣленіи числа учащихся въ церковныхъ школахъ соотвѣтствіемъ между количествомъ школъ русинскихъ и молдавскихъ, то церковныхъ школъ можно на русинскія села дать 37—40, что съ упомянутыми нами 34 земскими дастъ 71—74 школы.

Вотъ каково количество народныхъ школъ у хотинскихъ русиновъ, количество, правда, не точное, а лишь приблизительное. Населеніе всего Хотинскаго уѣзда опредѣляется въ данный моментъ въ 308 тысячъ душъ. Если хотинскихъ русиновъ считать немногимъ болѣе половины этого числа, т. е. около 178 — 179 тысячъ (считая среднимъ числомъ немного болѣе 25 тысячъ на одну волость), то, значитъ, на указанное число мы имѣемъ 71—74 школъ или одну школу на 2,438 душъ населенія (если считать 73 школы на 178 тысячъ жителей). Въ семи приднѣстровскихъ волостяхъ находится 88 селъ, слѣдовательно, около 15 селъ остается совершенно безъ школъ [1]).

Такимъ образомъ народныхъ училищъ оказывается слишкомъ недостаточно и вотъ по какимъ двумъ при-

---

[1]) Въ „Трудахъ этнограф. экспедиціи" отмѣчено селъ исключительно русинскихъ 90. Въ семидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія возникло еще одно село, значитъ всѣхъ русинскихъ селъ въ Хотинскомъ уѣздѣ, безъ примѣси молдавскаго населенія, теперь 91.

чинамъ. Во—первыхъ, нельзя забывать, что въ тѣхъ селахъ, гдѣ школы есть, онѣ переполнены, а это значитъ, что не всѣ дѣти школьнаго возраста въ состояніи учиться въ школѣ. О переполненіи школъ учащимися рѣчь уже была. Помимо того, офиціальные отчеты гласятъ слѣдующее: въ 1900—1901 учеб. году при 124 начальныхъ училищахъ Хотинскаго уѣзда въ нихъ состояло всѣхъ учащихся обоего пола 6,297, а въ 1902—1903 учеб. году уже при 132 народ. училищахъ, т. е. числѣ увеличившемся на восемь школъ, учащихся всего 6,175 душъ обоего пола, т. е. число учащихся уменьшилось на 112 душъ. Уменьшеніе это, какъ видно изъ отчетовъ, произошло на счетъ улучшенія учебнаго дѣла въ школахъ. Во—вторыхъ, 71—74 школы обслуживаютъ такое же количество селъ, 15 же селъ совершенно остаются безъ всякихъ школъ. Да 15 ли только? Развѣ тѣ 29 школъ грамоты, которыя имѣются въ уѣздѣ и, допустимъ, половина которыхъ находится въ русинскихъ селахъ, могутъ быть въ строгомъ смыслѣ слова названы школами? Преобладающее большинство дѣтей, благодаря двумъ отмѣченнымъ причинамъ, остается безграмотнымъ.

Въ отчетѣ уѣзднаго Хотинскаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ священника В. Дашкевича за 1896 — 1897 учеб. годъ мы читаемъ, что ко времени отчета общее количество дѣтей школьнаго возраста православнаго исповѣданія было 20,711, а обучалось въ этомъ учебномъ году во всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда всего только 4,656 душъ обоего пола, такимъ образомъ 16,055 дѣтей уѣзда оставалось внѣ школы, вовсе безъ обученія, или, другими словами, только одна четвертая часть дѣтей обучалась въ школѣ. По поводу открытія министерскихъ школъ Хотин. Уѣздн. Зем. Управа послала въ 1901 г. въ Губернскую Управу слѣдующее сообщеніе: „Крестьянское населеніе Хотин. уѣзда по собраннымъ управой свѣдѣніямъ составляетъ 314,139 душъ обоего пола. Въ этомъ числѣ дѣтей школьнаго возраста отъ 8—14 лѣтъ — 37,698. Для

обученія ихъ грамоты имѣется: церковно-приходскихъ школъ 37, школъ грамоты 29, земскихъ начальн. училищъ 54 — итого 120. Въ этихъ школахъ въ послѣднемъ учеб. году обучалось 5,653 лица мальчиковъ и дѣвочекъ или 14,9% всего количества (37,698) дѣтей школьнаго возраста. Остальное количество дѣтей, представляющее внушительную цифру 32,045, лишено возможности научиться грамотѣ и должно оставаться внѣ школы" [1]).

Нельзя сказать, чтобы земство и духовное вѣдомство, въ рукахъ которыхъ преимущественно находится дѣло народнаго образованія, не сознавали ненормальности подобнаго положенія и не шли, по мѣрѣ возможности, навстрѣчу все возрастающему изъ года въ годъ запросу на начальное образованіе. Новыя школы ежегодно открываются. Такъ въ 1896—1897 учеб. году всѣхъ земскихъ школъ въ уѣздѣ было 56, а въ 1902—1903 учеб. году ихъ состояло 65. Къ началу 1903—1904 учеб. г. намѣчены къ открытію пять новыхъ народныхъ школъ, законченныхъ постройкой въ 1903 г. Значительно большее число школъ за тотъ же періодъ времени, при значительно меньшемъ однако количествѣ учащихся, открыло духовное вѣдомство. Въ 1896 году всѣхъ церковно - приходскихъ школъ было 15 и школъ грамоты 26, т. е. всего 41 школа, а въ 1900 и 1901 учеб. году церковно-приходскихъ уже 36 и школъ грамоты 29—всего 65, т. е. школы типа церковно-приход. за четыре года болѣе, чѣмъ удвоились. Что касается участія министерства народнаго просвѣщенія въ народномъ образованіи въ Хотинскомъ уѣздѣ, то оно много слабѣе участія земства и духовнаго вѣдомства. Въ вѣдѣніи его находится только 4 училища. Расходы его на предметъ народнаго образованія ограничиваются ежегодной ассигновкой 1,661 руб. или, по замѣчанію до-

[1]) „Хотинское земство. Отчеты, доклады, смѣты, раскладки Хот. уѣзд. зем. управы" 1901 г., стр. 301.

клада земской управы Собранію, участіе министерства народнаго просвѣщенія въ 1902 г. въ 44 раза было слабѣе участія земства, которое ассигновало въ этомъ году на нужды народнаго образованія 72,645 руб. Въ виду такого слабаго участія министерства народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ развитія народной грамотности въ Хотинскомъ уѣздѣ, хотинское земство въ послѣднее время, въ цѣляхъ поднятія образованія, дѣлаетъ рядъ попытокъ возбудить министерство къ болѣе активному участію путемъ хотя бы открытія 12 народныхъ школъ, по одной на волость. Помимо этихъ попытокъ, достойны вниманія слѣдующія два постановленія земскаго собранія, одного сессіи 1899 г. и другого созыва 1900 г. Первое говоритъ о рѣшеніи „принять на счетъ земства содержаніе существующихъ училищъ, при условіи, если сельскія общества, въ селахъ которыхъ имѣются школы, увеличатъ платимый ими школьный сборъ на половину. Платежи тѣхъ обществъ, которыя въ своихъ селахъ не имѣютъ школы, зачислять въ особый фондъ по каждой волости отдѣльно. Если какое-либо изъ послѣднихъ селъ пожелаетъ открыть у себя школу, то должно увеличить свой сборъ на половину, отпустить на постройку училища ⅓ стоимости зданія и отвести усадебное мѣсто, пространствомъ не менѣе ⅓ десятины. Если эти условія будутъ выполнены всѣми обществами, имѣющими уже школы, то по расчету, сдѣланному собраніемъ, можно будетъ открыть въ каждой волости по двѣ и по три новыхъ школы, а въ цѣломъ уѣздѣ около 30. Когда все это осуществится, земству придется доплачивать на содержаніе училищъ изъ собственныхъ средствъ около 9,000 руб.“ Другое постановленіе 1900 г., вызванное встрѣченными уѣздной управой нѣкоторыми затрудненіями при выполненіи перваго, говоритъ: „Если общества, имѣющія школы, не пожелаютъ увеличить свой сборъ, то такія школы не должны быть субсидируемы со стороны земства, но должны закрываться, а на освободившіяся средства открывать новыя училища въ другихъ селахъ

той же волости, общества которыхъ изъявятъ согласіе на увеличеніе сбора. Но чтобы такая мѣра не повлекла за собою нежелательное закрытіе школъ, то собраніе уполномочило управу примѣнять эти мѣры по совѣщанію съ Училищнымъ Совѣтомъ постепенно, сообразуясь съ обстоятельствами и средствами, поступающими въ ея распоряженіе на содержаніе школъ" [1]).

Обращаясь къ состоянію успѣховъ обученія въ народныхъ школахъ Хотинскаго уѣзда, отмѣтимъ общее указаніе уѣзднаго наблюдателя церковныхъ школъ священника В. Дашкевича въ отчетѣ за 1900—1901 учеб. г. на ежегодное улучшеніе ихъ, причемъ главная забота со стороны учащихъ была обращена на воспитательную сторону этихъ школъ. Изъ отчета члена Училищнаго Совѣта отъ земства Л. М. Геевскаго за 1902—1903 учеб. г. мы видимъ установленіе того факта, что успѣхи учащихся не только за послѣдній учебный годъ, но и вообще за послѣднее время не вполнѣ удовлетворительны. Одну изъ главныхъ причинъ, тормозящихъ успѣшность занятій въ народныхъ школахъ, докладчикъ видитъ въ самой организаціи народной школы, ея подраздѣленіи на три отдѣленія при одномъ учителѣ, благодаря чему учитель не имѣетъ возможности сосредоточиться на одномъ дѣлѣ, а вынужденъ постоянно, такъ сказать, разбрасываться. Слабо поставлены въ школахъ русскій языкъ и особенно Законъ Божій, лучше письмо (чистописаніе и диктовка). Заслуживаетъ вниманія практикуемая теперь во многихъ мѣстахъ мѣра, предлагаемая Г. Геевскимъ для улучшенія дѣла — это періодическое устройство краткихъ педагогическихъ и общеобразовательныхъ курсовъ и съѣздовъ народныхъ учителей и учительницъ. Самая дѣятельность народныхъ учителей и учительницъ Хотинскаго уѣзда, по мнѣнію докладчика, достойна благодарности за ту энер-

[1]) „Хотинское земство. Отчеты Хотин. Уѣздн. Зем. Упр." 1901 г., стр. 298 и 299.

гію и усердіе, какія вносятся ими при весьма отрицательныхъ условіяхъ, въ какихъ находится народная школа. А условія эти дѣйствительно крайне неблагопріятны. Со времени передачи хозяйственной части училищнымъ совѣтомъ земской управѣ, что произошло въ 1900 г., выяснились многія отрицательныя стороны народной школы въ техническомъ и санитарно-гигіеническомъ отношеніяхъ. Произведенный, по порученію управы, обзоръ школъ открылъ передъ ней полную запущенность большинства изъ нихъ. На страницѣ 312 „Отчетовъ, докладовъ... постановленій Хотинскаго Земскаго Собранія созыва 1901 года“ мы находимъ по этому поводу слѣдующее: „Обслѣдованіе школъ открыло предъ управой картину полнѣйшаго запущенія большинства изъ нихъ. Исключеніе составляютъ лишь тѣ немногія школы, которыя построены уже училищнымъ совѣтомъ въ послѣдніе годы и, видно, по извѣстному опредѣленному плану, и нѣкоторыя изъ этихъ школъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Но эти школы являются лишь свѣтлыми точками на совершенно темномъ фонѣ большинства остальныхъ школъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ послѣднихъ управа прямо затруднялась какъ и быть, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда школа въ техническомъ отношеніи еще довольно прочная, а въ санитарно-гигіеническомъ не удовлетворяетъ даже и половинѣ тѣхъ минимальныхъ требованій, которыя управа приняла какъ норму для сужденія о пригодности школы въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи“. Съ цѣлью улучшенія этихъ условій управой и предпринять рядъ мѣръ, касающихся то постройки совершенно новыхъ зданій школъ, то капитальнаго ремонта старыхъ. Относительно состоянія въ разсматриваемомъ отношеніи школъ церковныхъ мы свѣдѣній не имѣемъ, хотя, можно думать, что и тамъ дѣло обстоитъ не лучше, если взять во вниманіе бѣдность рессурсовъ духовнаго вѣдомства. Многія изъ школъ послѣдняго типа даже, повидимому,

не имѣютъ собственнаго помѣщенія, а ютятся въ наемныхъ или даровыхъ. Въ отчетѣ уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ священ. В. Дашкевича о состояніи ввѣренныхъ ему школъ за 1900 — 1901 учеб. годъ читаемъ: „Въ отношеніи обезпеченія церковныхъ школъ собственными помѣщеніями болѣе благопріятное положеніе занимаютъ церковно-приходскія школы (т. е. чѣмъ школы грамоты — примѣч. автора), хотя въ общемъ % церковныхъ школъ, имѣющихъ собственныя помѣщенія, былъ невысокъ“ [1]).

Къ положительнымъ явленіямъ земскихъ школъ Хотинскаго уѣзда слѣдуетъ отнести существованіе при нѣкоторыхъ изъ нихъ небольшихъ земскихъ библіотекъ. Народныя библіотеки находятся при 20 земскихъ школахъ, причемъ на долю русинскихъ селеній выпадаетъ 10 библіотекъ, а именно библіотеки существуютъ при слѣдующихъ русинскихъ школахъ:

Грозинской,
Каплевской,
Бабинской,
Кельменецкой,
Леньковской,
Клишковской,
Васькоуцкой,
Яноуцкой,
Рукшинской и
Секурянской.

Открыты библіотеки недавно и на каждую изъ нихъ земство отпустило по 1,000 рублей. Завѣдываютъ библіотеками учителя тѣхъ школъ, при которыхъ онѣ открыты, получая за это отъ земства дополнительно 20 рублей въ годъ.

Чтобы покончить съ дѣломъ народнаго образованія у хотинскихъ русиновъ, остается сказать нѣсколько словъ о положеніи у нихъ профессіональнаго образо-

---

[1]) „Хотин. земство. Отчеты, доклады... постановленія Хотин. зем. собранія созыва 1901 г.“, стр. 181.

ванія, на которое теперь обращено усиленное вниманіе. Профессіональное образованіе среди нихъ находится пока въ эмбріональномъ состояніи. До преобразованія Хотинскаго уѣзднаго училища въ 4-хъ классное городское при немъ существовалъ ремесленный классъ, содержавшійся на средства города и земства. При немъ было отдѣленіе столярно-токарное и ученики занимались 4 раза въ недѣлю подъ руководствомъ столярно-токарнаго мастера. Ученіе производилось безплатно. Съ преобразованіемъ въ 1902 г. Хотинскаго уѣзднаго училища въ 4-хъ классное городское судьба этого класса осталась невыясненной. Въ самомъ большомъ, не только русинскомъ, но и вообще въ уѣздѣ, селѣ Клишковцахъ, находящемся въ центрѣ бессарабской Буковины, существуетъ Александровскій ремесленный классъ, открытый 13-го января 1897 г. въ память Императора Александра II. Онъ имѣетъ цѣлью подготовить практически-опытныхъ ремесленниковъ по спеціальностямъ: кузнечно-слесарной, колесно-телѣжной и бондарной, главнымъ образомъ въ примѣненіи для сельско-хозяйственныхъ условій. На его содержаніе отпускаются средства Бессарабскимъ губернскимъ и Хотинскимъ земствами; училище находится неподалеку отъ с. Клишковецъ на вотчинѣ монастырскихъ владѣній, извѣстной подъ именемъ „Дубровы".

Вотъ и все, что существуетъ у русиновъ (да и вообще въ уѣздѣ) въ отношеніи профессіональнаго образованія. Его развитіе, какъ оказывается, еще въ будущемъ. Попытки въ этомъ направленіи уже предпринимаются. Хотинскимъ Земскимъ Собраніемъ созыва 1901 года поручено управѣ сообщить попечителю одесскаго учебнаго округа, вслѣдствіе запроса съ его стороны, о необходимости и пользѣ открытія низшихъ профессіональныхъ школъ въ слѣдующихъ русинскихъ селахъ: 1) въ с. Владычной — школы садоводства, огородничества и пчеловодства для приготовленія ученыхъ садоводовъ-рабочихъ по примѣру школъ садоводства въ г. Одессѣ; 2) въ с. Клишковцахъ — школы бондарнаго

ремесла; 3) въ с. Козырянахъ — кузнечной школы для приготовленія сельско-хозяйственныхъ орудій; 4) въ с. Полянѣ—школы гончарнаго ремесла, съ производствомъ черепицы, кирпича и т. п.; 5) въ с. Должкѣ — низшей профессіональной школы для обученія сапожному, портняжному и скорняжно-шорному ремеслу (дубленіе и выдѣлка кожъ): и наконецъ въ 6) въ буковинскомъ же селѣ Коленкоуцахъ, населенномъ орумынившимися русинами— школы столярно-токарнаго ремесла съ выдѣлкой гнутой изъ буковаго матеріала мебели, доступной кустарному производству, издѣлій крестьянской утвари: ложекъ, мисокъ, веретенъ и т. п., и наконецъ съ выдѣлкой гонты изъ осиноваго лѣсу. Результатъ возбужденнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса объ открытіи низшихъ профессіональныхъ школъ въ уѣздѣ и въ частности въ отмѣченныхъ русинскихъ поселеніяхъ намъ неизвѣстенъ. Желательно, конечно, было бы его рѣшеніе въ благопріятномъ для мѣстнаго населенія смыслѣ.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

1. *П. П. Чубинскій.* „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-русскій край“. 7-й т. С.-Петербургъ, 1872 г.
2. *А. Аѳанасьевъ-Чужбинскій.* „Поѣздка въ южную Россію, ч. II. Очерки Днѣстра“. С.-Петербургъ, 1863 г.
3. „*Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Хотинскому уѣзду, Бессарабской губерніи*“. Изд. Хотинскаго уѣзднаго земства. Москва, 1886 г.
4. *К. Ермолинскій.* „Обзоръ Хотинскаго уѣзда въ сельско-хозяйственномъ отношеніи за 1887 годъ“. Москва, 1888 г.
5. „*Хотинское земство*“. Отчеты, доклады, смѣты, раскладки Хотинской Уѣздной Земской Управы. 1897, 1901, 1902 и 1903 г. г. г. Хотинъ.
6. „*Докладъ* дд. чч. *А. А. Кочубинскаго* и *А. И. Маркевича о поѣздкѣ ихъ для осмотра бывшей Хотинской крѣпости*“.
7. *Батюшковъ.* „Бессарабія“. Историческое описаніе. С.-Петербургъ, 1892 г.
8. „*Бессарабія*“. Географическій, историческій, статистическій, экономическій, этнографическій, литературный и справочный сборникъ. Изд. газеты „Бессарабецъ“ подъ редакціей П. А. Крушевана. Москва, 1903 г.

9. „*Селеніе Ленковцы, Хотинскаго уѣзда.* Историко-статистическое описаніе“. „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1880 годъ. №№ 10, 13, 14, 15, 16, 23 и 24.

10. *С. Кульчицкій.* „О суевѣріяхъ, обычаяхъ, повѣріяхъ и примѣтахъ жителей села Ставучанъ, Хотинскаго уѣзда“. „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1873 г. №№ 7, 10, 17, 18 и 22.

11. *Р—укъ.* „Краткое описаніе села Данкоуцъ, Хотинскаго уѣзда“. „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1889 г. № 17.

12. *Свящ. Г. Романчукъ.* „Историко - статистическія свѣдѣнія о селѣ Пригородкѣ. Хотинскаго уѣзда“. „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1892 г. №№ 14 и 15.

13. *Ал. Кочубинскій.* „Частныя молдавскія изданія для русской школы (Библіографическія замѣтки).“ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1903 г., іюнь.

14. *А. А. Кочубинскій.* „Тура (Тирасъ)—Бѣлгородъ—Аккерманъ и его новая лапидарная надпись отъ 1454 года“. Одесса, 1901 г.

15. *А. Потебня.* „Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедровокъ“. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“, 1885 г., №№ 1 и 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007041749